

Н.Г. ИВАНОВ

КОРЕЙЦЫ
В ЯКУТИИ
(1917-1932)

ЯКУТСК 2022

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И
ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н.Г. ИВАНОВ

КОРЕЙЦЫ В ЯКУТИИ
(1917–1932)

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *Н.И. Попова*

Якутск 2022

УДК 94(=531)(571.56)
ББК 63.3(=754.1)(2Рос.Яку)
И 20

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Составители:

доктор исторических наук *С.И. Боякова, Т.П. Максимова, А.О. Рунев*

Рецензенты:

доктор юридических наук, кандидат исторических наук *Т.С. Иванова,*
кандидат исторических наук *Я.М. Санникова*

Иванов, Николай Гаврильевич.

И20   Корейцы в Якутии (1917 – 1932) : монография / Н. Г. Иванов; ответственный редактор Н. И. Попова; составители С. И. Боякова и др.; Якутский научный центр СО РАН, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2022. – 100 с.

ISBN 978-902198-59-8
Агентство СІР НБР Саха

В монографии впервые воссоздана история появления и распространения корейцев в Якутии. На основе разнообразного корпуса архивных материалов выявлены различные каналы миграции корейцев в регион, рассмотрены условия их жизни и быта в 1920-е – начале 1930-х годов, проанализирован их вклад в общественно-политическое и социально-экономическое развитие края.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(=531)(571.56)
ББК 63.3(=754.1)(2Рос.Яку)

ISBN 978-5-902198-59-8

© Н.Г. Иванов
© Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культурное многообразие и этническая карта современной Республики Саха (Якутии) формировались многие столетия под влиянием различных факторов: окружающей среды, хозяйственной деятельности, миграций, государственной политики и т.д. Для многонациональной РС (Я) характерно стремление населяющих ее народов к возрождению самобытности своих культур, сохранению своеобразия и уникальности национальных традиций, обычаев и обрядов, уважительное отношение к культуре своих соседей. Изучение истории, культуры и опыта совместного проживания и взаимодействия народов края может во многом способствовать поддержанию гражданского мира и согласия, дальнейшему сближению и взаимопониманию народов республики.

Долгое время вопросы этнической истории Якутии находились на периферии исследовательских интересов ученых. При рассмотрении общественно-политических, экономических и социокультурных процессов прошлого вне поля зрения историков оставались «польская», «немецкая», «татарская», «еврейская», «корейская» и пр. его составляющие. Образовались обширные лакуны в изучении этнических диаспор, требующие координации усилий специалистов различных гуманитарных дисциплин. На сегодняшний день исследование истории некоренных этнических групп, их интеграции в местное сообщество, изучение взаимоотношений и культурного взаимовлияния между пришлым и автохтонным населением только начинается.

Пионером исследований истории этнических диаспор республики по праву можно считать научного сотрудника Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР (затем ИГИ АН РС (Я)) Николая Гаврильевича Иванова (1947–2004), в 1980-е–1990-е гг. подготовившего ряд научных отчетов и публикаций по истории участия зарубежных интернационалистов в Гражданской войне в Якутии и формированию местной корейской диаспоры.

В последующем историками ИГИ АН РС (Я) (ныне ИГИиПМНС СО РАН) были опубликованы два сборника научно-популярных очерков «Якутия – наш общий дом» (2001, 2012), где обобщался исторический опыт народов РС(Я) по хозяйственному освоению региона, определялись особенности этнокультурных процессов в их среде, был оценен вклад этих народов в развитие края. Важнейшей роли якутских корейцев в распространении огородничества и земледелия, особенно в годы Великой Отечественной войны, их судьбам в далеком северном крае посвящена книга, подготовленная членом Союза журналистов РФ В.М. Егоровой-Теменхон «Саха кэрийдэрэ – утум тардыгыта» (2020). Все эти издания во многом опираются на последний научный отчет Н.Г. Иванова «Корейцы в Якутии (1917–1932)», написанный им и утверждённый Ученым Советом ИГИ АН РС (Я) в 1997 г. В связи с подобной постоянной востребованностью и для ознакомления широкого читателя с уникальными архивными сведениями и наработками ученого, которые до настоящего времени не утра-

---

тили своего научного значения, было принято решение подготовить этот отчет к печати в виде отдельного издания.

Читатель, безусловно, оценит фундаментальность источниковой базы, богатый архивный материал, скрупулезно собранный Н.Г. Ивановым в архивах не только Якутии, но и других регионов России, его тщательный подход к изучению литературы, систематизации и обобщению материала. Ученый подготовил также краткий аннотированный именной указатель корейцев, что значительно облегчит поиск сведений о них для потомков и всех интересующихся историей корейской общины в первые годы советской власти. Этой же цели служат и приложения к книге.

В то же время следует подчеркнуть, что Николай Гаврильевич Иванов сформировался как исследователь в советский период, поэтому на его взгляды и концептуальные подходы наложили печать идеологические установки того времени. Публикуемый отчет также не смог избежать политических оценок и клише советской методологии, особенно при изложении событий Гражданской войны в Якутии. Составители, уважая право исследователя на собственное видение, решили полностью сохранить авторские стиль и интерпретацию исторических процессов, происходивших в регионе в 1920–1930-е гг. Единственное, было решено исправить в тексте опечатки, а также добавить подстрочные примечания, где расшифровать некоторые специфические термины и дать краткие сведения о персоналиях. Эта часть подготовки рукописи к изданию была выполнена С.И. Бояковой и А.О. Руневым. Большая и кропотливая работа по переоформлению сносок в соответствии с современными библиографическими требованиями, уточнению списка источников и литературы была проведена Т.П. Максимова. Техническую помощь в издании рукописи оказал Д.А. Николаев.

Книгу предваряет статья к.и.н. П.П. Петрова, посвященная Н.Г. Иванову, опубликованная в 2007 г. в журнале «Якутский архив». В ней впервые предпринята попытка не только осветить биографию малооцененного в свое время якутского исследователя, но и проанализировать его вклад в развитие исторической науки. Этой цели служит и настоящее издание – по достоинству оценить место и роль трудов Н.Г. Иванова в историографии Якутии, представить широкой публике его научное наследие.

Боякова С.И.,
доктор исторических наук

-----//-----

Н.Г. ИВАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЯКУТИИ

В этом году исполняется 60 лет известному исследователю одной из сложных и узловых проблем отечественной истории – Гражданской войны в Якутии Николаю Гаврильевичу Иванову. Он старейший работник Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, заслуженный ветеран СО РАН. Поступил на работу в институт после службы в армии в 1970 г. лаборантом. В армии он служил в военно-морских частях и за отличное несение боевой службы молодой воин был принят в ряды партии, что было даже в те годы редким явлением.

После службы в армии он женился на А.С. Тарасовой, своей землячке. Глава молодой семьи, озабоченный своим трудоустройством и семейным бюджетом, он, по рассказам родных, стал обходить все организации и учреждения, расположенные по проспекту Ленина от площади Орджоникидзе до площади Дружбы и наконец, дошел до Института ЯЛИ. Впоследствии он теплым словом вспоминал тогдашнего директора ИЯЛИ д.ф.н. Е.И. Коркину, которая, приняв его на работу в состав известного в республике коллектива, по существу, определила его дальнейшую судьбу как научного исследователя.

Несколько лет Н.Г. Иванов работал в должности старшего лаборанта у видного историка В.Н. Чемезова, разрабатывавшего на протяжении долгого времени тему Гражданской войны. Вероятно, по совету Василия Назаровича Н.Г. Иванов поступил на историческое отделение ИФФ ЯГУ, которое заочно окончил в 1977 г.

Годы работы лаборантом у маститого ученого не прошли бесследно. Молодой сотрудник института научился у него многому: работе с архивными материалами, делать соответствующие выписки, прорабатывать существующую литературу, выделять при этом нужные для дальнейшей работы, наиболее значимые и свежие материалы, составлять картотеку и библиографию. При издании монографических работ В.Н. Чемезова, а также при сдаче в срок его научных отчетов Иванов проводил, если не беловую, то всю черновую работу как корректор и редактор работ, поскольку его руководитель был слепым.

Кропотливая работа над архивными документами, редактирование воспоминаний участников Гражданской войны и изучение научной литературы выработали у него качества настоящего исследователя. Обладая знаниями по составу архивных дел советского периода в Якутии, Иванов в последующие годы успешно занимался в читальных залах крупнейших архивохранилищ страны.

После кончины историка В.Н. Чемезова ему было доверено проводить самостоятельную научно-исследовательскую работу и продолжить разработку тем Гражданской войны. Так, в 1981–1984 гг. он завершил научный отчет по теме «Крестьянство Якутии в годы Гражданской войны». При утверждении отчета на ученом совете ИЯЛИ было высказано предложение о том, что данный отчет мог бы стать основой для кандидатской диссертации.

Затем в 1985–1988 гг. Н.Г. Иванов разрабатывал тему «Участие зарубежных интернационалистов в борьбе с контрреволюцией в Якутии». После успешной сдачи научного отчета работал в составе авторского коллектива третьего тома «Истории Якутии», где ему было поручено написание главы, посвященной Гражданской войне. В 1989 г. он на ученом совете института утвердил план-проспект новой темы «Партизанские отряды в борьбе за власть советов в Якутии (1918–1923 гг.)», которую в рукописи сдал в 1993 г. Работа эта состоит из введения, трех глав, заключения, приложения, именного указателя. Затем в 1992–1995 гг. написал и сдал на высоком научном уровне отчет «Корейцы в Якутии». Во всех своих работах Иванов опирался на материалы тогдашнего Партийного архива Якутского ОК КПСС, Национального архива РС(Я), архива Якутского научного центра СО РАН, архивов Новосибирской, Иркутской областей, Центрального архива Советской армии, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма.

В секторе истории советского периода, где он работал, как по плану НИР, так и вне плана шло составление, а затем и издание сборников документальных материалов. Н.Г. Иванов был включен в качестве составителя в ряд сборников архивных документов. Овладение методикой археографической работы помогло ему умело проводить классификацию документальных публикаций. В архивах разных учреждений он занимался выявлением и отбором документов для включения в сборник, проводил текстологическую обработку документов и передачу текста, выбирал наиболее верные способы публикации текстов документов.

Виды и содержание научно-справочного аппарата документальных публикаций, археографическое оформление документов и их систематизация в издании, составление заголовков и легенд к документам проводились коллегиально, и на заседаниях редакционной коллегии он вносил дельные предложения, которые принимались другими составителями и редакторами сборника. Он является одним из составителей сборников документальных материалов «Промышленность и рабочий класс Якутии» и «За советскую власть в Якутии» [1].

Он с большим желанием помещал научные статьи в специализированных сборниках, а также в республиканской периодической печати. Статьи неизменно привлекали внимание читателей, особенно ветеранов войны и тыла. В дирекцию института поступали различные запросы от ведомств и отдельных лиц по поводу уточнения некоторых фактов и событий времен Гражданской войны, на что Н.Г. Иванов исправно составлял справки, а также писал отзывы на научные труды, рецензии на дипломные работы студентов ИФФ ЯГУ.

По наиболее острым вопросам разрабатываемой темы Н.Г. Иванов принимал участие в международных, всесоюзных, республиканских и районных (городских) конференциях, побывал в нескольких столицах бывших советских республик. Обладая прекрасным баритоном, он буквально завораживал аудиторию. Как я помню, на институтских конференциях молодых исследователей он, приводя примеры из архивных материалов, очень живо передавал события тех лет, будто все происходило только вчера. Своими знаниями по

истории Гражданской войны он бескорыстно делился с остальными участниками конференций.

Для полноты освещения деятельности Н.Г. Иванова в отделе истории в конце 80-х годов сошлюсь на характеристику, составленную 9 февраля 1990 г. и подписанную заведующим отделом истории к.и.н. Р.К. Коробцовой и председателем профкома В.В. Егоровым.

«За эти годы он завершил авторскую часть плановой темы «Участие зарубежных интернационалистов в разгроме контрреволюционных сил в Якутии (1918–1923 гг.)» объемом 231 страница машинописи. Вышел сборник документов и материалов «Промышленность и рабочий класс Якутии (1959–1970 гг.). Том 1 – Якутск, 1987 (объем 18 п.л.).

В 1987 г. завершил свою авторскую часть раздела «Пепеляевщина» в книге «Истории Якутской АССР. Том 2», глава «Гражданская война в Якутии (1918–1923 гг.)» объем 1 п.л. Разработан, апробирован и утвержден план-проспект и обоснование НИР на тему «Партизанские отряды в борьбе с контрреволюционными выступлениями в Якутии (1918–1924 гг.), срок исполнения, которого был определен 1990–1993 гг.

Опубликованы статьи «Дружба, скрепленная кровью» (Соц. Якутия – 1987 – 5 марта), «В памяти народной» (Там же – 21 февр.), «Легендарный герой» (Наука в Сибири – 1988 – 11 февр.), «Польские интернационалисты в Якутии» (Бэлэм буол – 1988 – 26 июня), «Интернациональная солидарность трудящихся в годы Гражданской войны в Якутии (1918–1923 гг.)» (Тезисы республ. конф. – Якутск, 1987. – октябрь); «Воспитание молодежи в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма» (Тезисы 7-й респ. научно-практической конференции. Якутск, 1988). «Интернациональное и патриотическое воспитание молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа» (Тезисы научно-практической конференции по интернациональному воспитанию молодежи (Якутск, 1988)) и др.

Принял участие в 6 конференциях разного уровня. Выступил по этим вопросам по радио – дважды, по ТВ – один раз, составил рецензии на 3 книги, опубликовал 1 статью в периодической печати, составлял справки о создании советской милиции в Якутии, подготовил несколько статей для печати в журналах «Полярная звезда» и «Чолбон» [2].

Как видно, им проделан довольно большой объем научно-исследовательской работы, свидетельствующий об имевшемся потенциале и возможностях его как зрелого научного работника. После развала страны и крушения прежней классово-партийной методологии в оценке событий Гражданской войны Н.Г. Иванов, воспитанный на идеалах социализма, также, как и некоторые его коллеги, не смог своевременно выработать новую методику исследований по темам Гражданской войны. Потому не секрет, что он долгое время находился в кризисном состоянии.

Николай Гаврильевич с большим энтузиазмом принимал участие в общественной работе института. Без него не проходило ни одно, даже малозначи-

---

тельное, мероприятие. На ежемесячных выходах коллектива по охране общественного порядка как руководитель добровольной народной дружины он спланировал вокруг себя наиболее крепких молодых ребят, которые, не боясь ни морозов, ни пьяных хулиганов, обходили отведенный им участок.

Особо можно отметить его участие (более 20 лет бессменный член редколлегии) в качестве художника по красочному оформлению стенной газеты «Гуманитарные науки», которая как по содержанию, так и по оформлению всегда занимала ведущее место на выставках стенных газет Якутского научного центра СО АН СССР. Наиболее ценные газеты из этой коллекции сохранены старшей сотрудницей института и его коллегой Р.В. Шелеховой и ныне служат прекрасным фактографическим материалом, освещающим жизнь коллектива института в 70-80-е годы прошлого столетия.

Субботники по благоустройству улиц и площадей, покрытие теплиц и уборка урожая в пригородном хозяйстве не проходили без его участия. Он с удовольствием возглавлял летний десант на остров под селом Хатассы, где неизменно шел впереди ударной бригады косарей и стогометателей. От него всегда веяло жизненной энергией и весельем. Любил шутки и юмор. В качестве солиста самодеятельного хора институт выступал и на больших сценах, и в кругу друзей. На соревнованиях по национальным видам спорта и в институте и в родном улусе Иванов неизменно занимал первые и призовые места, участвовал в республиканских соревнованиях по ручной косьбе сена. Он хорошо плавал, и друзья, помня его службу в частях ВМФ, звали его «Моряком». Помнится, летом 1979 г. вместе с ребятами он сумел спасти Гаврила Николаевича Курилова, который, не умея плавать, полез в воду и чуть не погиб. За большую общественную работу Николай Гаврильевич неоднократно отмечался грамотами, денежной премией и фондом на приобретение мотоцикла администрацией, партийной и профсоюзной организациями института, ЯНЦ СО АН СССР и объединенным профкомом

Общительный со всеми – докторами наук в институте и простым человеком на улице, он, тем не менее, был скромным человеком. Его семья проживала в тесном неблагоустроенном доме с печным отоплением. Лишь только в 1985 г. снос ветхого дома позволил ему переехать в новую квартиру, в которой ныне проживают многочисленные его домочадцы. Был примерным семьянином, воспитал и вырастил 4 детей. Гордился тем, что старший сын стал командиром пассажирского самолета. Когда появился первый внук, он поделился радостью со своими друзьями.

Сам Николай Гаврильевич в расцвете сил еще до пенсии вынужден был в 2000 г. покинуть родной коллектив, в котором проработал 30 лет. А родился он в глухом наслеге Горного района 26 ноября 1947 г., куда неизменно в отпускные дни ездил на охоту и подледную рыбалку. Коля был заядлым охотником, любил с ружьем ходить на зайцев и уток, и даже на сохатых. Вместе с ним в 1980 г. мне удалось порыбачить на знаменитых кобьяйских озерах почти целый месяц. Скончался он после непродолжительной тяжелой болезни 18 ноября 2004 г.

Его научное наследие, в основном в виде научных отчетов, хранится в фонде ИЯЛИ в архиве Якутского научного центра СО РАН, архиве Института гуманитарных исследований АН РС(Я). В ноябре 2005 г. его семья безвозмездно передала в отдел истории института книги по истории Гражданской войны, собранные Ивановым. Кроме того, в его коллекции имеется картотека участников партизанских отрядов, составленная по анкетным материалам 1930 г. Но особо ценным можно считать каталог литературы по Гражданской войне в Якутии. Надо сказать, что в этот каталог включена вся библиография по истории Гражданской войны в Якутии, охватывающая период с начала 20-х до середины 70-х годов XX в. В нее включены монографии ученых, книги и брошюры краеведов, статьи научного и научно-популярного характера, воспоминания участников войны, опубликованные отзывы и рецензии, а также передовицы республиканских газет, составленные аппаратом Якутского обкома партии, носившие тогда директивный характер.

Следует сказать, что на протяжении многих лет он был моим другом, и мой неполный рассказ о нем является данью его памяти, увековечением его имени, которое по ряду причин не вошло в справочники о научных сотрудниках института и не заняло достойное место в экспозиции Музея науки института. Завершаю свою статью об исследователе Иванове Николае Гаврильевиче его словами, записанными в научном отчете о партизанских отрядах Якутии: «История повстанческого движения, белобандитских отрядов, их социальный состав, политический характер их выступлений, выявление и составление полного списочного состава, биографических данных участников противостоящих сторон – все это ляжет на плечи историков, особенно молодых. Счастливых изысканий, открытий на благо развития Республики Саха (Якутия)» [3]. Эти слова были его завещанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. За советскую власть в Якутии (Воспоминания). – Якутск, 1980 – Вып. 3; Промышленность и рабочий класс Якутии (1959–1970 гг.). Том 1. – Якутск, 1987.
2. Личное дело Н.Г. Иванова. Текущий архив ИГИ АН РС (Я).
3. Иванов Н.Г. Партизанские отряды в борьбе за власть советов в Якутии (1918–1923 гг.). [Рукопись научного отчета]. – Якутск, 1993.

Пантелеймон Пантелеймонович Петров,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИГИ АН РС (Я)

Якутский архив. – 2007. – №3. – С. 108–111.

-----//-----

Н.Г. ИВАНОВ

**КОРЕЙЦЫ
В ЯКУТИИ
(1917 – 1932)**

ВВЕДЕНИЕ

В течение длительного времени национальный вопрос в советской исторической науке и советской философии трактовался в основном как вопрос о нации, не уделялось должного внимания даже проблеме народности.

Поднимая национальный вопрос в России, В.И. Ленин не сводил его к вопросу о нациях или о крупных национальных образованиях. Он не считал излишним поднимать вопрос о сотнях латышей в Новгородском уезде или даже об «одном грузинском ребенке в Петербурге» [Ленин, 1973, с. 221 – 222].

Исходя из этого, мы можем ставить национальный вопрос не только как проблему крупных этнических общностей, но и малых групп и даже личностей в инациональном окружении, в частности, поднимаемый нами корейский вопрос в условиях северного края о тех, кто вынужденно переселился и обосновался в стране «вечной мерзлоты».

Сегодня мы хотим обратить наше внимание к истории корейского народа, судьбам советских корейцев на территории России, в частности, в далекой Якутии. Деформации нашего общества, утверждение безраздельной диктатуры И.В. Сталина и его последователей – все это трагически сказалось на судьбах тысяч зарубежных трудящихся, в т.ч. корейцев, ставших неразрывной частью многонациональной семьи народов России .

До середины 30-х годов XX в. национальный вопрос занимал особо важное место и значение в общественно-политической жизни страны и был органически связан с проводившимся в то время национально-государственным обустройством. С начала 1930-х годов этот процесс приостановился. Как известно, с принятием новой Конституции СССР был закреплен факт победы социализма в одной отдельно взятой стране, и, в связи с этим констатировалось, что все народы Советского Союза оформились как социалистические нации.

Отход от ленинских идей и национальной политики и утверждение диктатуры Сталина привели к тому, что корейское население, распространившееся и осевшее на Дальнем Востоке и в Сибири, стало первой в стране репрессированной нацией. Как известно, в 1935 г. были расформированы два корейских национальных полка, входившие в состав Особой дальневосточной армии (командный состав репрессирован), а затем, начиная с 1937 г. на основе лживых обвинений (захват земель, незаконное заселение, нарушение паспортного режима, шпионаж и т.д.) корейцы (особенно Дальнего Востока) были насильственно переселены в различные районы Средней Азии и Казахстана. В результате они лишились не только прежнего компактного расселения, но и самых элементарных житейских прав и свободного передвижения по стране. Но эти трудности и беды, в целом, не остановили полностью социальное и культурное развитие советских корейцев, хотя последствия этой трагедии наблюдаются и сегодня.

В начале XX века на Дальнем Востоке находились десятки тысяч корейских рабочих и крестьянской бедноты, покинувших родину из-за голода, нищеты и

захватнических действий со стороны Японии. Их насчитывалось до 300 тыс. человек. В 1924 г. корейцев в СССР было 150 тыс., из них 30% приняли советское гражданство.

Якутия также постепенно заселялась корейскими эмигрантами, прибывающими, в основном, через Бодайбо и Охотск. Летом 1920 г. корейцев в Якутии насчитывалось не более 400 человек, в т.ч. в Олекминском округе около 100, а в г. Якутске 250 человек [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 251, л. 13, 21]. В сентябре 1921 г. корейская секция объединяла в своем составе около 700 чел., проживавших на территории Якутской губернии [ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 40]. С освоением Алданского золотопромышленного региона их численность несколько увеличилась, однако колебалась в зависимости от сезона, расценок на добываемое золото, политической ситуации в республике. Так, в 1925 г., в Алданском округе проживало около 3 тыс. корейцев, а в 1926 г. их было 1900 чел. В 1928 г. они составляли 60% рабочих и старателей Алданского района [Петрова, 1993, с. 16]. Основной причиной механического прироста корейского населения в этом регионе стало, прежде всего, возникновение и развитие горнодобывающей промышленности в Южной Якутии. В годы коллективизации корейцы занимались сельским хозяйством (в основном огородничеством) по всей центральной территории Якутии, проживая в основном, в долинах рек Лены, Вилюя, Амги, Олекмы и Алдана.

Заселяя Якутию, корейцы не только работали на золотых коях и занимались сельским хозяйством, но и входили в единую семью народов северного края. Они изучали свой язык, имели школу, готовили национальные кадры и т.д. В годы Гражданской войны вместе с представителями других народов России с оружием в руках защищали первые завоевания советской власти в Якутии.

Таким образом, тема «Корейцы в Якутии», являет собой не только научное исследование истории одной группы населения, но и несет познавательное значение в совокупности вопросов политического, экономического и культурного характера в общем плане подхода и разрешения национально-этнических проблем народов Якутии, да и всей России. Актуальность темы подкрепляется требованиями и запросами сегодняшнего дня, когда создаются национальные общины, устанавливаются тесные связи не только в экономике, но и в области истории.

Как известно, в Республике Саха (Якутия) в течение ряда последних лет были зарегистрированы этнические общины, имеющие типологические особенности функционирования (евреев, башкир, бурятов, немцев, казахов, чувашей, грузин, армян, азербайджанцев, осетин, молдаван, белорусов, мордовцев, марийцев). Объединяющими началами представителей этих этносов являются: общность языка, культуры, религии, территории проживания, наличие большой диаспоры за пределами Якутии, причины приезда в регион: насильственное – вынужденное переселение, ссылка; добровольное – заключение срочного (временного) трудового договора, а впоследствии – распреде-

ление после окончания ВУЗа, приезд по приглашению родственников и т.д. [Данилова, 1992, с. 18].

Из всех вышеперечисленных этнических общностей, проживающих на территории республики, наибольший интерес для нас вызвали представители корейского этноса по следующим основным причинам:

Во-первых, корейская диаспора имеет многовековой опыт выживания и поддержания полноценной жизни в разных полиэтнических средах, в различных социальных условиях – корейская диаспора является второй по численности в мире, уступая только китайской [Ли, 1993, с. 29].

Во-вторых, результаты деятельности якутских корейцев достаточно наглядны: все корейцы, даже в первые годы советской власти находили себе любую работу, а впоследствии, в основном, все они трудоустроивались, в их среде практически нет антисоциальных элементов, решен вопрос получения необходимого образования и т.д., т.е. среди них высоко чувство социального комфорта.

В-третьих, вопрос о месте и роли корейцев в истории Якутии до сих пор остается открытым – нет ни одной достойной внимания опубликованной работы по данной теме, не говоря уже о биографических и т.д. данных непосредственных участников исторических событий тех лет.

Исследование социальной структуры и выступающей условием ее изменения социальной подвижности той или иной группы населения в историческом процессе и развития отдельных социальных общностей представляет одно из актуальных направлений разработки концепции выживания и развития социальных общностей не только в современном полиэтническом регионе, но и в чисто историческом плане.

Изучение истории интернационалистического движения и участия представителей зарубежных трудящихся в защите завоеваний советской власти, восстановлении разрушенного войной и разрухой народного хозяйства в советской историографии началось уже с конца 1920-х годов. К середине 1980-х годов только в СССР вышли более 600 работ по истории пребывания зарубежных трудящихся на территории России. Таким образом, накопилась солидная литература, написанная историками разных поколений и свидетельствующая о неослабевающей заинтересованности исследователей к истории интернациональных связей между народами разных стран. Значительная часть этих работ посвящена общим вопросам интернационалистического движения, связанных с изучением истории нашей страны в целом, становления советской власти и бурных лет периода Гражданской войны. По мере накопления литературы и ввода в научной оборот новых документальных источников расширялась тематика исследований. Появились работы, раскрывающие деятельность отдельных национальных групп и организаций иностранных революционеров в разных регионах страны, а также посвященные военной и трудовой деятельности представителей зарубежья. Многие публикации посвящены отдельным выдающимся представителям зарубежного пролетариата. Квалифицированный историографический обзор и критическое обобщение этих работ имеется в об-

стоятельной статье Ю.Н. Щербакова [Щербаков, 1987, с. 7 – 29], что в какой-то мере освобождает нас от необходимости подробного историографического обзора трудов советских и зарубежных авторов, занимавшихся этой проблемой, особенно касающихся периода истории гражданской войны.

Богата также историография Сибири по этому вопросу. Сибирские и дальневосточные историки проделали значительную работу по исследованию деятельности зарубежных интернационалистов на территории нашей страны и в конкретных ее регионах. Но не все проблемы и вопросы изучены достаточно полно. В исследованиях, в основном, красной нитью освещается история деятельности интернационалистов в революционных центрах Сибири и Дальнего Востока (Ново-Николаевск, Красноярск, Томск, Иркутск, Чита, Хабаровск, Владивосток и др.), но по истории их участия в борьбе за власть Советов и в восстановлении народного хозяйства на Северо-востоке СССР, в частности в Якутии, обобщающего монографического исследования не проводилось.

Тема «Корейцы в Якутии» (1917 – 1932 гг.) разрабатывается впервые. Основное внимание наших предшественников, которые касались этой темы, было обращено к изучению истории участия представителей корейского народа в установлении советской власти и Гражданской войне на территории Приамурья, Дальнего Востока и других регионов страны [Bishop, 1898; Корейцы..., 1923; Цыпкин, 1957; Хан, 1958; Бабичев, 1959; Разгон, Флеров, 1960; Хаскина, 1960; Хан, 1963; Григорцевич, 1965; Ким, 1965; Юн, 1966, с. 56 – 75; Фетисов, 1967; Куликова, Маслова, 1968; Хейфец, 1968; Персиц, 1969; Интернационалисты..., 1971; Мухачев, 1975; Ким, 1979; Пак, 1979, 1991; Ли, 1993 и др.]. В этих работах красной нитью проходит идея о том, что в годы Гражданской войны на русском Дальнем Востоке корейские трудящиеся, активно участвуя в борьбе против японских и американских интервентов, понимали, что защищая первое в мире государство рабочих и крестьян, они борются за независимость своей Родины. Авторы, поднимая множество различных вопросов, указывают и на спорные моменты, которые даже не разрешены и в настоящее время, особенно касающиеся межнациональных отношений, быта, трудоустройства эмигрантов и т.д. Здесь следует выделить работы М.Т. Ким «Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов (1918 – 1922 гг.)» [Ким, 1979], И.И. Бабичева «Участие корейцев и китайских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке» [Бабичев, 1959], С.А. Хан «Участие корейцев в гражданской войне» [Хан, 1958] и др. Все эти работы были изданы в 1950-е – 1970-е гг., поэтому вполне ясно, что их авторы придерживались строгих идеологических установок тех времен и традиционной историографии Гражданской войны в СССР. В этих трудах накоплен, проанализирован и обобщен очень богатый фактический материал о заселении корейцами Дальнего Востока и об их участии в Гражданской войне в этом регионе. Особую ценность в этих трудах представляет большое количество имен корейцев, непосредственных участников исторических событий, воссоздание исторической картины времен классовых противостояний. Однако ни в одной из перечисленных работ тема корейцев в

Якутии совершенно не затрагивалась. При работе над данной темой для установления общей картины тех исторических событий нами привлечен широкий круг работ по истории Гражданской войны и социалистического строительства на территории Якутии и прилегающих регионов. Среди многочисленных трудов по истории революционного движения и Гражданской войны на северо-востоке страны мы могли бы выделить такие обобщающие работы, как «Очерки истории северо-востока РСФСР» Н.А. Жихарева [Жихарев, 1961], «Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на северо-востоке СССР» Б.И. Мухачева [Мухачев, 1975], монографию Г.Г. Макарова «Северо-восток РСФСР в 1918 – 1921 гг.» [Макаров, 1988], где автор рассматривает конкретный исторический период с падения советской власти в Якутии до событий осени 1921 г. на всей территории северо-востока России. Также можно отметить работы А.И. Новгородова «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии» [Новгородов, 1969], В.Н. Чемезова «Строд» [Чемезов, 1972], Р.В. Шелеховой «Борьба за советскую власть на севере Якутии» [Шелехова, 1972] и др. В указанных работах также не нашло достаточного отражения участие представителей корейского народа в жизнедеятельности республики в изучаемый период. Некоторые сведения о корейцах мы обнаружили в объемном научном отчете В.Н. Чемезова «Якутская губернская организация РКП(б) (1920 – 1923 гг.)» хранящемся в архиве ЯНЦ, где автор на полутора страницах дал общую характеристику работы партиячейки корейских коммунистов и вскользь упомянул о хозяйственной деятельности корейцев [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 519, л. 192 – 193]. Кроме того, у него имеется газетная статья, опубликованная в «Социалистической Якутии» (1968, 18 мая) о красноармейских частях и партизанских отрядах, действовавших в годы Гражданской войны, где также вкратце рассказывается о корейских добровольцах, принимавших участие в боях против белобандитских отрядов. Первые попытки обобщить данные о корейцах в Якутии были сделаны автором данного исследования еще в 1982 году, когда он выступил с сообщением об интернациональной солидарности трудящихся в годы Гражданской войны в Якутии (1918 – 1923 гг.) на международном симпозиуме в г. Фрунзе [Великий Октябрь..., 1984]. По данному вопросу автор также участвовал в Саха-Южно-Корейском международном симпозиуме по истории и этнокультуре в 1993 году [Иванов, 1993].

По истории корейцев в годы восстановления и укрепления народного хозяйства Якутии в послевоенное время и в начальный период широкомасштабного социалистического строительства, мы также не имеем сколько-нибудь достойного исследования или обширной статьи, относящейся к нашей теме. Имеются лишь обобщающие исследования и статьи, посвященные социально-экономическим аспектам развития Якутской республики или определенного промышленного или сельскохозяйственного района. В этих работах вскользь упоминаются корейцы, как старательские рабочие или сезонники, не рассказывая об их истории, нуждах и т.д. Особенно это относится к публикациям, относящимся к истории возрождения золотопромышленного Алданского района [Аммосов,

1925; Пестун, 1925; Захаренко, 1927; Гоголев, 1954, 1955, 1972; Местникова, 1955; Хатылаев, 1972 и др.].

Отрадно, что в последнее время особое внимание ученых Института гуманитарных исследований АН РС(Я) приковано к актуальным вопросам национальной политики в Республике Саха (Якутия), раскрывающим различные аспекты демографического, социального и духовного развития коренных народов и национальных меньшинств. Полезное и интересное этностатистическое исследование, охватывающее период с XVIII в. до наших дней, проведено В.Б. Игнатъевой, которая в своей работе представила почти весь спектр национального состава населения Якутии, где мы могли встретить некоторые данные о корейцах [Игнатъева, 1994]. Определенный интерес вызывают также публикации Петровой Т.П. и Петрова П.П., посвященные истории национальных меньшинств в Якутии и этнодемографическому и этносоциальному составу населения г. Якутска [Петрова, 1993; Петров, 1993]. Здесь мы встречаем краткие упоминания о выходцах из Кореи, проживавших в разное время в нашей республике. Данные, в основном, относятся до 30-х годов XX столетия.

Известно, что значительная часть корейской диаспоры в Якутии изучаемого периода, успешно осваивала и начала заниматься сельским хозяйством, особенно земледелием. В этой связи мы просмотрели круг работ, относящихся к этой проблеме хозяйственной истории Якутии в целом.

В 1920-е годы появился ряд работ, освещающих и характеризующих общее экономическое положение Якутии. В 1924 г. одной из первых вышла брошюра В.Д. Халдеева. В ней автор стремился проанализировать общее состояние сельского хозяйства в республике, осветить социальные процессы, происходящие в якутских улусах в годы революции и Гражданской войны [Халдеев, 1924]. Примерно этой же тематике была посвящена обобщающая работа М.О. Косвена. Автор более подробно остановился на анализе общего состояния земледелия в первые годы советской власти и периода послевоенного времени [Косвен, 1925]. Интересные сведения об огородничестве в северном крае и о земледелии в ее регионах обобщены и приведены в публикациях участников якутской экспедиции и в трудах ряда ученых Академии наук СССР [Вавилов, 1930; Шахов, 1933]. В этих работах особый интерес вызывают исследования К.А. Бенуа, где автор дает краткую характеристику корейским огородам Приленского края и технике их возделывания [Бенуа, 1929, 1930]. Можно также упомянуть монографию Г.Г. Колесова, в которой автор анализирует общее состояние и основные проблемы развития сельского хозяйства в якутских улусах, селениях русских крестьян и в северных округах республики до начала 1930-х годов [Колесов, 1932]. В вышеперечисленных работах наше внимание в основном привлекает общее состояние сельского хозяйства Якутии, а также технология земледелия, где могли приложить свои знания и опыт корейские крестьяне, осваивая неведомую им мерзлотную северную землю.

За последние десятилетия по вопросам земледелия были защищены две кандидатские диссертации: в 1987 г. А.Н. Жирковым по теме «Развитие зем-

леделия в советской Якутии (1917 – 1980 гг.)» [Жирков, 1987] и в 1990 г. В.Н. Санниковым по теме «Земледелие в советской Якутии (1917 – 1929 гг.)» [Санников, 1990]. Обе работы дают общую картину земледелия в республике, практически не затрагивая изучаемую нами тему.

Краткий обзор литературы позволяет судить о том, что историография вопроса практически бедна, можно сказать, отсутствует. О корейцах встречаются только отрывочные материалы, нет обобщающих трудов, книг, брошюр. Историческая литература Якутии упоминает о корейцах общими словами или даются краткие цифровые данные об их численности и т.д. Встречаются лишь маленькие заметки в периодической печати [Жизнь национальностей, 1923; Автономная Якутия; Алданский рабочий, 1929, 1930]. Более изученной представляется проблема корейцев на Дальнем Востоке изучаемого нами периода. Это объясняется, прежде всего, на наш взгляд, тем, что наиболее значительной и компактной корейская диаспора была и проживала именно в этом регионе. Однако и здесь история корейцев была, в основном, сопряжена с событиями революции и Гражданской войны. Во всяком случае, мы не столкнулись с исследованиями, где отражались бы широко хозяйственная культура, культурная или иная деятельность корейцев. В этом, по-видимому, сыграла известную роль особенность изучаемого нами отрезка времени, вобравшего в себя революцию, Гражданскую войну и восстановительный период. Все это позволяет заключить, что настоящая тема до сих пор не стала все еще предметом специального исторического исследования.

Исходя из степени изученности и особенностей проблематики, в своей работе мы поставили цель показать, по мере возможностей, более или менее цельную картину формирования, развития и деятельности корейской диаспоры на территории Якутии в 1917 – 1932 гг. Исследование само по себе предполагает охватить широкий круг вопросов, включая социально-экономические, политические и другие аспекты. Это, прежде всего, причины появления и распространения корейцев в Якутии, на основе которых произошло формирование местного этнического контингента. Следующим этапом мы предполагаем проследить степень участия корейцев в основных событиях первых лет советской власти, тем более что активное участие в крупных социальных и политических событиях республики позволило корейцам быстро сблизиться с местным населением, завоевать авторитет и укорениться, обретая свое благополучие на последующие годы. В задачу нашего исследования также входит анализ основной хозяйственной деятельности корейцев как основы их выживания, успешного распространения и развития. По ходу работы будет составлен именной указатель корейцев, где основной упор будет направлен на выявление имен непосредственных участников исторических событий первых лет советской власти в Якутии.

Успешное решение поставленной цели и задач исследования позволит несколько заполнить пробел в историографии Якутии, что утолит ощутимый в настоящее время информационный голод корейцев в познании их истории, интерес к которой усиливается не только со стороны местных корейцев, но и со стороны многочисленных туристов и посетителей из Кореи.

Источниковой базой исследования, в основном, явились документальные материалы архивов. Нами просмотрены и изучены фонды Национального архива РС(Я) и его филиала (бывший партийный архив), также сделаны некоторые выписки в фондах архива ЯНЦ СО РАН и Национальной библиотеки РС(Я). Кроме того, нам посчастливилось работать (по другой плановой теме) в центральных архивах Москвы, Новосибирска, Иркутска и других городов, где мы могли встретить некоторые данные о жизнедеятельности корейцев в Якутии. Значительная часть использованных исторических документов, хранящихся в центральных и местных архивах, в научный оборот вводятся впервые.

При выявлении и изучении архивных материалов мы встретили ряд трудностей. Это, во-первых, разбросанность исторических документов, отражающих деятельность корейцев в Якутии, по различным архивным фондам, относящихся, особенно, к событиям первых лет советской власти и Гражданской войны. В архивах практически отсутствуют компактные фонды, освещающие деятельность корейцев с 1917 года по 1930-е годы.

Как известно, основной документальный и источниковедческий материал изучаемого периода сосредоточен в фондах Национального архива РС(Я). Из просмотренных фондов более интересными и богатыми по содержанию оказались материалы Губземотдела (ф.Р-54), Горсовета (ф.Р-94), Якутского губернского продовольственного комитета (ф.Р-248), управления Якутской городской и окружной милиции (ф.Р-216), Алданского золотопромышленного района (ф.Р-521, 527) и др. Интересны также материалы Комиссии национальных меньшинств, хранящиеся в Национальном архиве РС(Я). Как известно, Комиссия нацменьшинств, организованная Президиумом ЯЦИК от 1 марта 1926 г., представляла интересы русских, татар, евреев, китайцев и корейцев, занималась обследованием и улучшением экономического и культурного положения представителей этих народов. Она действовала до 1933 г.

Весьма лаконичные документы революционных и военных лет, сохранившиеся в фондах архивов, позволили воссоздать картину не только участия корейских интернационалистов в подавлении контрреволюционных выступлений в Сибири и в Якутии, но и показать их трудовую деятельность в годы восстановления народного хозяйства, и, таким образом, полнее осветить роль корейцев в установлении и дальнейшем упрочении советской власти в северном крае.

В упомянутых фондах особый интерес представляют материалы, относящиеся к деятельности корейцев в годы Гражданской войны и послевоенное время (переписка, рапорты, прошения, удостоверения, списки и т.д.). Много материалов сохранилось о корейцах, особенно преуспевавших в сельском хозяйстве (огородничество, табаководство и др.).

Из всего собранного по данной теме материала, самыми скудными сведениями о корейцах оказались сохранившиеся в архивах и неопубликованные до сих пор воспоминания участников событий и свидетельства очевидцев. В них практически отсутствует что-либо интересное о деятельности предста-

вителей корейского народа. В большинстве случаев, они упоминаются только как «кореец» (то же и о китайцах) или «корейцы», без указания имени и т.д. Это, скорее всего, связано с трудным написанием, произношением и запоминанием фамилии, как корейцев, так и китайцев.

Большого мы ожидали от периодической печати. Но наши надежды не оправдались. На страницах газет и журналов мы нашли всего около десятка скупых заметок и статей. Нами привлечен материал из журналов «Вопросы истории», «Жизнь национальностей», «Проблемы Дальнего Востока», «Этнографическое обозрение», «Илин» и газет «Ленский коммунар», «Автономная Якутия», «Алданский рабочий» и др.

Материалы периодической печати и воспоминания очевидцев тех лет являются ценными и важными источниками, особенно в случае отсутствия других достоверных (архивных) документов. Но они, как известно, содержат значительное количество фактических неточностей, что приходилось учитывать при использовании этих материалов.

В основу работы были положены исторический и логический методы исследования, позволяющие объективно осветить исторический процесс, раскрыть его сущность, тенденции и закономерности с учетом специфики региона. Использовался метод сопоставления различных документов. В документах часто встречались ошибки, опечатки, неточные указания, особенно при упоминании географических названий, имен, дат и т.д.

Исходя из специфики изучаемой проблемы, в работе нами использован историко-сравнительный метод. Любое явление, в данном случае история корейской диаспоры, существует не само по себе, а как составной элемент исторического процесса, вне которого оно не может возникнуть.

Хронологические рамки исследования продиктованы общими историческими процессами, происходившими не только в России и Дальнем Востоке, но и в Якутии. Это, прежде всего, события Октябрьской революции (в это время наблюдался общий наплыв иностранцев в Россию), Гражданская война, восстановление народного хозяйства, коллективизация, индустриализация и завершается тема 1932 годом, годом, когда закончилась административная реформа в Якутской АССР, и был принят порочный курс на «сближение и слияние наций и народностей», а также начиналось «великое переселение» народов и миграция населения по всему Советскому Союзу. Для полного раскрытия и обзора темы автору приходилось выходить за хронологические рамки исследования.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что мы поставили перед собой нелегкую задачу в вопросе изучения истории одного из интереснейших народов Востока, в труднейших условиях осваивавших наш суровый северный край. Мы не претендуем на полное и исчерпывающее освещение темы, которая в наши дни приобретает новое осмысление и выдвигает острые проблемы и другие подходы в изучении истории представителей не только корейского народа, но и других народов, населяющих нашу суверенную Республику Саха (Якутия).

Глава I.

КОРЕЙЦЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ЯКУТИИ

1.1. ПОЯВЛЕНИЕ КОРЕЙЦЕВ В ЯКУТИИ

Как известно из истории Якутии, массовое появление корейцев и заселение ими северного края, в основном, относится к началу XX в. Что заставило представителей одного из уникальных народов Востока покинуть свои исконно родные обжитые места и обрести новое существование в далекой, суровой и холодной Якутии? В связи с такой постановкой вопроса, нам хотелось бы вкратце остановиться на предыстории этой проблемы. Вообще-то эта проблема касается не только Якутии, но и всей России, в особенности, всего Дальнего Востока.

Корейская эмиграция в Россию началась на рубеже XIX – XX вв., точнее, с 60-х годов XIX в. Основной причиной её явились крайне неблагоприятные социально-экономические и политические условия на родине, где царил жесточайшая эксплуатация народа правящим классом в условиях кризиса и разложения феодально-монархического режима династии Ли, поставившего трудовой народ на край гибели. Спасаясь от голодной смерти, тысячи людей устремились в соседние пределы русского Приморья и цинской Маньчжурии. Компактное заселение корейскими иммигрантами определенных местностей (преимущественно на приграничной территории) позволило им наладить свою жизнь в России, приобщаясь к быту и культуре россиян. Впоследствии, поток эмигрантов в Россию усилился в связи с японской агрессией, закончившейся превращением Кореи в 1910 году в колонию. В этом потоке большое место занимали политические эмигранты, вынужденные бежать от преследований за свою патриотическую деятельность. Они стремились продолжить антияпонскую борьбу на территории России, опираясь на поддержку местного корейского населения.

Корейский народ не мирился с иноземным империалистическим государством и с каждым днем усиливал свою освободительную борьбу против японских захватчиков. Движение за независимость в начале века росло и крепло, несмотря на жестокие меры репрессий.

Народы России, следившие за событиями в Кореи и на Дальнем Востоке, сочувственно относились к национально-освободительной борьбе корейского народа. В эти годы русский Дальний Восток приобрел особое значение как опорный пункт освободительной борьбы корейских патриотов против японской военщины. После Русско-японской войны г. Владивосток (по-корейски Хэлсамви) превратился в центр национального культурно-просветительного движения (мунхвакемон ундон) корейских патриотов, которые даже стали издавать несколько газет и журналов, а также многочисленную литературу,

призывающую нацию к спасению Родины от угрозы японского порабощения [Пак, 1991, с. 185]. Именно здесь протекала деятельность выдающихся представителей этого движения Пак Ынсика и Син Чхэхо. Отсюда отряды «Ыйбен» («Армия справедливости») в Корее получали оружие, закупувавшееся местными корейцами. Здесь были сформированы отряды известных патриотов Чхве Джэ Хена (Цой Петр), Ли Бом Юн, Ан Джунгына, которые развернули боевые действия против японских оккупационных войск в северных провинциях Кореи.

Наивысший подъем антияпонского движения среди корейцев как на русском Дальнем Востоке, так и в Корее, приходится на 1908 г. В эти годы число корейцев, искавших в России спасения от японцев и голодной смерти, а также необходимую работу, быстро увеличивалось. К концу 1910 г. на Дальнем Востоке проживало 16780 корейцев русского подданства и около 35 тысяч корейцев-беженцев. К 1914 г. количество тех и других достигло более 64 тысяч человек. Многие тысячи из них, не имевшие каких-либо документов или паспортов вообще не поддавались учету [Григорцевич, 1965, с. 252 – 253]. В годы гражданской войны на территории советской России корейцев было уже свыше 200 тысяч [Корейцы..., 1923, с. 131]. Уместно отметить, что по данным переписи, проведенной в марте 1910 г. в самой Корее проживало 12363 тыс. корейцев, 143 тыс. японцев и 11791 иностранцев [Григорцевич, 1965, с. 237]. Таким образом, корейские эмигранты в России достаточно тесно связали свою судьбу с борьбой всего корейского народа против установления колониального господства над Кореей.

После Победы Октябрьской социалистической революции в России национально-освободительное движение в Корее усилилось. Вокруг идеи национально-освободительного движения объединялась основная масса корейского населения, включая эмигрантов. Тысячи корейских рабочих и крестьян, оказавшись в водовороте революционных событий в России, стали свидетелями не только освободительной борьбы русского народа от так называемых вековых эксплуататоров, но и сами стали активными участниками установления и укрепления советской власти во многих регионах советской России.

Октябрьскую революцию корейские патриоты встретили с нескрываемым воодушевлением и восприняли ее как свою революцию. В одном из воззваний Союза корейских социалистов указывалось: «Корейцы должны помнить, что судьба революции в Корее связана с русской революцией. Только в тесном соединении с русским рабочим классом возможна победа в угнетенной Корее» [Великая Октябрьская..., 1977, с. 237].

Под влиянием освободительных идей Октября и проявляя классовую солидарность с трудящимися России, корейские иммигранты активно включились в борьбу за советскую власть на Дальнем Востоке и в Сибири. Поддерживая их, Дальбюро ЦК РКП(б) вовлекло сотни корейских рабочих в ряды коммунистической партии, вело среди них широкую политико-воспитательную работу, организовывало корейцев для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. При ЦК РКП(б) и его Сибирском бюро была создана корейская секция

РКП(б), руководившая организацией корейских трудящихся и созданием интернациональных воинских частей [Бабичев, 1959, с. 1 – 17; 24, 25, 30; Юн, 1966, с. 56 – 75].

Когда началась военная интервенция на советскую страну, и на Дальнем Востоке воцарилась власть иностранных оккупантов, многие корейские интернационалисты примкнули к дальневосточным партизанам и вместе с ними сражались с войсками белогвардейцев и интервентов. Часть корейских рабочих была насильно мобилизована интервентами для работы на частных предприятиях русских и иностранных капиталистов в России.

Гражданская война, начавшаяся в России сразу после Октябрьской революции, разделила корейских иммигрантов по разные стороны баррикад. К сожалению, мы не владеем достаточно полной информацией об участии корейцев в Гражданской войне на стороне белого движения. Об активном участии корейцев в Гражданской войне на стороне красных говорит тот факт, что в октябре 1920 г. в составе частей НРА был корейский стрелковый батальон, в котором насчитывалось 90 коммунистов, а в середине 1921 г. здесь выросло три корейских полка, в которых было уже 20 армейских партийных ячеек с 300 коммунистами [Юн, 1966, с. 70].

Ввиду дальнейшей экспансии японских войск часть корейцев была вынуждена покинуть родину и мигрировать на север. Начавшаяся Гражданская война в России заставила их вновь уходить в более безопасные, как им казалось, места. Одним из таких мест оставалась Якутия, где в 1920 г. уже насчитывалось не менее 300 корейцев [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 281, л. 13]. Пути их приезда в Якутскую область были разными, об этом мы коротко указывали во введении. Наиболее организованный приезд был связан с эвакуацией Охотского партизанского отряда весной 1920 г., в составе которого в г. Якутск прибыло более 100 корейцев.

Как известно, в 1918 – 1919 гг. несколько сот корейских рабочих появились на золотых приисках Охотского побережья, принадлежавших иностранным и русским капиталистам Фогельману, братьям Холмс, Тютрюмову и другим. Их привезли сюда, в основном, как дешевую рабочую силу во время так называемой «золотой лихорадки». Среди них было немало корейских патриотов – интернационалистов, уже прошедших боевую революционную закалку в борьбе за советскую власть на Дальнем Востоке. Корейские рабочие на себе испытывавшие эксплуатацию всех мастей, активно включались в борьбу трудящихся Охотского побережья с контрреволюцией, принимали участие в вооруженной борьбе с белыми бандами и свержении колчаковщины. Весной 1920 г. против контрреволюционного выступления местных белогвардейцев и японских интервентов был организован Охотский партизанский отряд численностью 450 человек. В апреле японские войска захватили Сахалин и угрожали Охотскому побережью. По постановлению Военно-революционного штаба Охотска населению города и партизанам было приказано эвакуироваться в Якутск, чтобы избежать лишнего кровопролития. 14 июля, преодолев труднейший изнуритель-

тельный и опасный поход, охотчане прибыли в Якутск. Вместе с отступившим красным партизанским отрядом охотских рабочих прибыли около 160 корейцев [Фетисов, 1967; Макаров, 1988, с. 274 – 275].

К сожалению, по прибытии в Якутск, между командованием местного военного гарнизона и охотскими партизанами произошел конфликт из-за анархистских настроений части охотчан, которые не хотели подчиняться распоряжениям местных властей. По приказу Реввоенсовета 5-й армии охотские партизаны были разоружены. В этой операции активное участие приняли 16-й особый отряд, Якутский караульный батальон и прибывший в Якутск Венгерский кавалерийский взвод. Многие охотчане выехали в распоряжение ВСВО в Иркутск, однако значительная часть из них, в т.ч. и корейские рабочие, по призыву Якутского губбюро РКП(б) остались работать в городе [НА РС(Я), ф.Р-216, оп. 1, д. 307, л. 186].

Корейские интернационалисты, добровольно оставшиеся в Якутске, быстро освоились на новом месте. Часть их определилась на службу в местный гарнизон, а другая, при содействии Губбюро РКП(б), была устроена на гражданские работы. Многие корейцы, в основном, бывшие крестьяне, занялись сельским хозяйством, искусно осваивая холодную северную землю.

Немало корейцев находилось на горных приисках Бодайбо. Вообще массовый приезд китайских и корейских рабочих в регион относят к 1914 г., когда Ленское товарищество начало вербовать их на рудниках и копиях Маньчжурии и Кореи. В 1917 г. на приисках Якутии было занято 22% русских, а остальные являлись восточными рабочими [Петрова, 1993, с. 16]. После свержения колчаковщины, в горные районы Бодайбо на заработки прибыли сотни корейцев, многие из них добрались и до Олекминска. В 1915 – 1916 гг. в связи с открытием золотоносности речки Тонно в Верхневилуйском улусе, туда начали по одиночке стекаться корейские старатели для добычи золота. Впоследствии в Кянтинском наслеге они создали сельскохозяйственную артель «Булуук».

В Якутии корейцы встречали некоторые неудобства в оформлении документов на вид жительство. Каждый вновь прибывающий рабочий, в т.ч. и иностранного происхождения, должен был отметиться у местного начальника милиции и получить соответствующее удостоверение на проживание в определенном месте и на указанный в документе срок. Так, например, в декабре 1919 г. Бодайбинским уездным начальником милиции было выдано несколько удостоверений корейским подданным с разрешением для проживания в горных округах сроком на один год. 22 декабря такое разрешение получил кореец японского подданства Ким Хо Зу из г. Такчани. По окончании срока он имел право продлить срок своего проживания, за просрочку с него изымался штраф [НА РС(Я), ф.Р-216, оп. 1, д. 306, л. 202]. 31 декабря 1919 г. удостоверение получил кореец Пиан Кион Су, уроженец г. Сундин, по социальному положению чернорабочий, возраст 42 года, женат [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 281, л. 13, 15, 2; д. 282, л. 3]. Надо отметить, что в первые годы советской власти корейцы и китайцы оставались в большинстве своем иностранными подданными, вид

на жительство которым выдавался первоначально на один год, а то и только на полгода. Их численность резко колебалась в зависимости от промывочного сезона, расценок на добываемое золото и общего политического положения в регионе. Известно, что в 1920-х годах в Якутии проживало около 5 тысяч лиц корейской и китайской национальности. Большинство их являлись рабочими и старателями золотодобывающей промышленности.

Летом 1920 г. корейцев насчитывалось в Центральной Якутии не более 400 человек, в т.ч. в Олекминском округе – около 100, а в г. Якутске 250 чел. (вместе с беженцами из Охотска) [Там же, д. 593, л. 4]. В анкете-вопроснике, заполненной 27 марта 1921 г. и направленной в адрес Сиббюро ЦК РКП(б) за подписью секретаря Губбюро РКП(б) и зав. организационно-инструкторским отделом т. Зайцева, указано, что при отделе нацменьшинств существовали корейская, мусульманская и венгерская секции. В анкете приводятся данные о том, что в губернии в данное время корейцев всего 250 чел., мусульман (т.е. татар) около 1500 чел., а венгров 50 человек. В г. Якутске насчитывалось 130 корейцев, а «остальные разбросаны по всей губернии» [Там же, ф.Р-54, оп. 1, д. 50, л. 15].

Корейские рабочие и крестьяне, оказавшиеся по разным причинам в Якутии, занимались в основном огородничеством, хотя многие из них продолжали работать в разных отраслях хозяйственной жизни края и на горных приисках Бодайбо и Алдана. В занятиях огородничеством преобладало выращивание картофеля, овощей и посадка некоторых технических культур (табак, конопля, мак, укроп и т.д.). Огородничество было единственным занятием корейцев, расселенных небольшими группами или отдельными хозяйствами в пригородных селениях и по долине р. Лены от Олекминска до Покровска. Корейцы пытались приспособить к суровым условиям Якутии свои исконные приемы ведения огородничества, в частности, табаководства.

По переписи 1926 г., в Якутском и Олекминском округах проживало около 200 корейцев и 50 китайцев. Почти все они являлись бывшими крестьянами Дальневосточного округа, занимавшиеся табаководством и огородничеством. В Алданском округе, по данным подотдела нацменьшинств при агитационно-пропагандистском отделе Обкома ВКП(б), в 1925 г. проживало около 3000 корейцев и 1000 китайцев, а в 1926 г. численность корейцев сократилась до 1900 человек [Петрова, 1993, с. 16]. Многие корейцы были выходцами из Кореи, большинство из них были неграмотные, а некоторые совершенно не владели ни русским, ни якутским языками. По данным переписи 1926 г., по пункту «Состав населения Якутской АССР по народностям и знанию родного языка, в %» указывается, что «языком своей народности» владели 87,7% корейцев, русский язык знали 7,8%, а по-якутски изъяснялись 4.5% корейцев, проживающих в Якутии [Всесоюзная перепись..., 1930, с. 169].

Как известно, массовая миграция населения в 20 – 30-е годы XX в., особенно во вновь образующиеся промышленные районы (Колыма, Индигирка, Алдан, Яна и др.), привела к созданию новых административных центров. Так, на-

пример, на территории бывшего Алданского округа появились четыре центра золотой промышленности: Алданский, Тимптонский, Томмотский и Учурский районы. К 1939 г. в этих районах было сконцентрировано 30% всего инонационального населения республики. В 1928 г. из этого контингента 60% рабочих и старателей Алданского золотопромышленного района составляли корейцы и китайцы [Петрова, 1993, с. 16]. Но эти данные приблизительны. Слишком высок был миграционный поток. Население менялось постоянно, не поддаваясь общепринятым показателям переписи населения. В 1939 г. по данным Всесоюзной переписи населения, на территории Якутской АССР проживали 1671 корейцев, составляя 0,4% всего населения республики, из коих 53,3% находилось в городах, а остальные в сельской местности [Игнатьева, 1994, с. 40].

Накопление корейского, вообще восточного контингента в северной республике требовало к ним со стороны местных властей особого подхода, особых форм работы, т.к. образ жизни и запросы их намного и резко отличались от условий жизнедеятельности коренного населения. В этих условиях необходимо было всех их собрать, вовлечь в хозяйственную жизнь местных городов и сел, сократить до минимума адаптационный период в совершенно новых, непривычных для них условиях. В связи с этим, с начала 1920-х годов при комячейках на приисках и в городах Якутске и Олекминске создаются корейские и китайские секции, главной задачей которых являлось вовлечение этих нацменьшинств в советскую работу, ведение среди них агитационных и пропагандистских работ в пользу советской власти.

3 ноября 1920 г. член РКП(б) Ким Ю Мей (Ким Михаил) от имени 150 корейцев, проживающих в г. Якутске, обратился к Якутскому губревкому с просьбой создать в городе Корейское общество. В заявлении указывалось, что организация такого общества преследует следующие три основные цели:

1. Концентрация и регистрация всех корейцев-рабочих;
2. Культурно-просветительная работа путем перевода политических брошюр с русского на корейский язык;
3. Распространение в среде корейцев идей коммунизма [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 178, л. 1об.].

Отвечая на это заявление, зав. отделом советского управления губревкома П.А. Слепцов (Ойунский) в своей резолюции четко указал, что «тов. Ким разрешается создание корейского общества по вышеозначенной программе и всем советским учреждениям и партийным организациям предлагается оказывать тов. Ким всемерное содействие» [Там же, д. 122а, л. 7]. В тот же день заявление Кима рассмотрели на заседании губбюро РКП(б). Решение о создании при губбюро РКП(б) корейской секции принимается единогласно [Там же, д. 186, л. 2 – 2 об.].

Таким образом, 3 ноября 1920 г. является одним из поворотных событий в истории корейской диаспоры на территории республики – впервые в своей истории она получила официальное признание якутских властей.

Организационный период создания корейской секции начался с подыскивания необходимого инвентаря и канцелярских принадлежностей. Так,

17 ноября 1920 г. зав. корейской секцией Ким Ю Мей ходатайствовал перед секретарем губбюро РКП(б) Ивановым об отпуске ему 20 листов чистой бумаги, 4 шт. перьев, 2 химических карандашей и 3-4 брошюрок, в т.ч. «Азбуки коммунизма» для перевода на корейский язык. Просьба была удовлетворена [Там же, д. 178, л. 3].

24 ноября 1920 г. из Иркутска была получена телеграмма в адрес губпарткомиссии от ЦК Корейской коммунистической организации. В телеграмме в частности предписывалось: «...сообщить состояние корсекции, личном составе Президиума секции в смысле работоспособности и мнение губпарткома о завсекцией Ким, как партработнике» [Там же, д. 332, л. 65 – 66]. Ответ на эту телеграмму нами не обнаружен. Но, очевидно, он был отправлен, так как связь с центром на этом не обрывалась. Местные товарищи постоянно находились в курсе событий и получали соответствующие инструкции и письма.

Ким Ю Мей (Ким Михаил Иннокентьевич) – кореец. Родился он в 1896 г., получил образование почтово-телеграфного служащего, во время I Мировой войны работал по своей специальности. Начальное образование – церковно-учительская семинария*, в Иркутске окончил 4 класса. С февраля по май 1920 г. занимал должность военкома. В партию принят Витимской городской организацией РКП(б). Весной 1920 г. он работал председателем Витимского горисполкома. Летом 1920 г. член уездного парткома и заведующий культурным отделом в г. Киренске, с ноября 1920 г. по ноябрь 1921 г. – секретарь корейской секции при Якутском губбюро РКП(б). Во время пребывания в Якутске Ким Ю Мей с октября 1920 г. по март 1921 г. занимал пост политкома и заведующего телеграфом в телеграфной конторе [Там же, д. 592, л. 9].

Образование корейского общества в те годы невозможно было без создания партийной ячейки. Поэтому по инициативе того же Ким Ю Мея, 25 ноября в г. Якутске образовалась партийная ячейка корейских коммунистов [ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 42]. Партиячейка и национальная секция корейских коммунистов развернула значительную работу по материально-бытовому устройству и культурно-политическому воспитанию корейских рабочих и бедноты, которые охотно отзывались на все мероприятия, проводимые местными властями. Корейская секция имела связь с Дальневосточным секретариатом Исполкома Коминтерна, по его заданию вербовала добровольцев для формируемой на Дальнем Востоке Корейской интернациональной части, а также для партизанских формирований. Корейская секция под руководством своей партиячейки успешно справлялась с задачами трудоустройства, культурного и бытового обслуживания корейского населения.

В ноябре – декабре 1920 г. по инициативе корейской секции в г. Якутске были устроены три митинга на корейском языке. На первом митинге собравшиеся 50 человек прослушали доклад на тему «О советской власти и роли РКП(б)». На втором, где собралось около 80 человек, была прочитана лекция «О международном положении и дальневосточной политике». В декабре это мероприятие

---

*Так в тексте – ред.

провели более организованно, с приглашением корейцев с окрестных деревень. Всего на митинге присутствовало более 100 человек, которые с «вдохновением прослушали доклад на злободневную для корейцев тему – «О революционном движении восточных народов» [Там же].

В январе 1921 г. через губбюро РКП(б) Корейская секция восстановила связь с Иркутским ЦК Корейской коммунистической организации, который «обещал выслать коммунистическую и политическую литературу, а также газеты на корейском языке» [Там же, д. 142, л. 42]. По получении библиотечки корейская секция планировала организовать среди корейцев чтение брошюр и газет на их родном языке, а также провести ряд митингов с привлечением красноармейцев-корейцев. В составе корейской секции в феврале 1921 г. числились пять красноармейцев и один рабочий. Всего корейцев в это время в городе и в пригородных деревнях было около 140 человек [Там же].

Определенная работа по вовлечению корейских рабочих и крестьян в сферу хозяйственной жизни округа велась в г. Олекминске, где весной 1921 г. проживало около 100 корейцев. В городе в это время существовала одна только татарская секция Олекминской парторганизации во главе с коммунистом Сыдыновым. Партийная организация Олекминска считала необходимым открыть якутскую и корейскую секции. Численность якутов в округе в это время доходила до 17 тыс. человек, а русских – до 5 тысяч [НА РС(Я), ф.Р-216, оп. 1, д. 306, л. 152]. Параллельно с парторганизацией активно работало в Олекминске правление Союза корейских огородников.

В 1923 г. был создан Корейский рабоче-крестьянский союз, призванный защищать интересы корейцев, проживающих на территории Якутии. В 1925 г. на 1-м Якутском областном съезде Союза корейцев был сформирован единый Якутский областной исполнительный комитет союза (Якоблик) и местные союзные организации. При Якоблице существовал потребительский кооператив, задачей которого было снабжение членов союза продуктами и промышленными товарами, кооперирование производства и реализация товаров. В функции союза входила и культурно-просветительская работа среди корейцев [Петрова, 1993, с. 17]. Как известно, в эти годы особое внимание обращалось на поднятие культурного уровня национальных меньшинств, проводилась работа по обучению грамоте и родному языку корейцев, татар, евреев и др. В 1925 г. успешно действовала одна корейская школа [Там же, с. 20].

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем констатировать, что появление корейцев в Якутии, было вынужденным с одной стороны, но с другой стороны, умело осваивая суровую страну, корейцы входили в единую семью советских народов, полноценно развивались, трудились вместе с другими национальными меньшинствами. Но, к сожалению, с начала 1930-х годов позитивный процесс становления новых национальных отношений резко затормозился. На вооружение политики был взят тезис о том, «что национальный вопрос в стране уже решен, процессы национального развития стали трактоваться как слияние наций» [Там же, с. 21].

1.2. КОРЕЙЦЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЯКУТИИ

Как известно, процесс становления советской власти в Сибири проходил в условиях ожесточенной борьбы трудящихся с внутренней и внешней контрреволюцией. Специфическое положение создалось в северных национальных районах, где господствовали в основном патриархально-родовые и полуфеодальные отношения, а часть коренного населения продолжала вести кочевой и полукочевой образ жизни.

Якутия изучаемого нами периода представляла собой край самых отсталых общественно-экономических отношений, со сложной и запутанной социально-классовой структурой, с преобладанием крестьянского населения. По переписи 1917 г. городское население Якутии составляло всего 4% от всех жителей губернии. Остальное население проживало в сельской местности. Небольшой отряд рабочего класса, обслуживавший городские предприятия и кустарные промыслы, отличался крайней культурной и политической отсталостью. Наиболее организованная и компактная часть рабочего класса находилась в г. Якутске и состояла преимущественно из русских рабочих, общая численность которых не превышала 700 человек. Большой по численности слой пролетарского и полупролетарского населения проживал вне городов. В основном это были сезонные рабочие Витимо-Олекминских золотоносных приисков, рыбных промыслов, рабочие Кемпендяйских солеварен и Эндыбальского завода по выплавке свинца, а также сельские хамначиты (бедняки).

Якутская область была расположена на обширной территории Северо-Востока России, в зоне вечной мерзлоты, в самом суровом в природно-климатическом отношении регионе страны. Она делилась на пять округов, из которых три – Якутский, Вилюйский и Олекминский располагались южнее двух остальных – Верхоянского и Колымского, находившихся в полосе северной тундры и лесотундры. На всей территории в 3,2 млн. кв. км, в 1917 г. проживало 264127 чел., в т.ч. якутов 82,3%, русских – 6,2%, эвенков, чукчей, юкагиров, ламутов и др. 11,5%. По округам и их административным центрам население распределялось неравномерно. В самом густонаселенном Якутском округе, по данным М.П. Соколова, в 1917 г. в г. Якутске проживало 7315, а в округе – 148296 чел. В Вилюйском округе соответственно 632 и 79857, в Олекминском – 1273 и 15814. В северных округах с чрезвычайно низкой плотностью населения проживало: в Верхоянском, соответственно – 470 и 12940 чел.; в Колымском – 917 и 7140 чел. Нужно указать, что численность населения в первые годы советской власти росла медленно и колебалась в зависимости от ситуаций военного положения, а также социально-экономических изменений в годы коллективизации и индустриализации в том или другом районе республики.

По данным Всесоюзной переписи 1926 г., общее население Якутской АССР составило 285471 человек. Как мы уже писали, из национальных групп, впервые зафиксированных на территории республики, самыми многочисленными

были корейцы и китайцы. В 1926 г. корейцев по переписи было 176 чел., в т.ч. городского населения – 53, сельского – 126 [Всесоюзная перепись..., 1930, с. 169, 170 – 171]. Надо полагать, что эти данные намного занижены. По другим источникам, только в Алданском округе в это время проживало 1900 корейцев. Данные Всесоюзной переписи охватили вероятно только тех корейцев, которые имели вид на жительство, т.е. прописку. Большинство же оставалось иностранными подданными.

Согласно переписи 1939 г., на территории Якутской АССР проживало 413198 чел., т.е. по сравнению с 1926 г. общая численность населения республики увеличилась почти в 1,5 раза. Корейцы же составили 1671 чел. [Всесоюзная перепись..., 1992, с. 68].

В годы Гражданской войны Якутия была заселена многими народностями, каждая из которых находилась на разных ступенях социально-экономического и культурного развития. Занятиями основного населения губернии – якутов – были скотоводство (разведение крупного рогатого скота и лошадей), зачаточное земледелие, охота и подсобное рыболовство.

Русское население, состоявшее, в основном, из ямщиков Приленского тракта и пашенных крестьян, вело преимущественно земледельческое хозяйство с подсобным скотоводством, представленным, главным образом, разведением лошадей для извозного промысла. Северные народы Якутии – эвенки, эвены, юкагиры, чукчи – занимались оленеводством, транспортным собаководством, охотой и рыболовством.

Вступление народов Северо-востока и Крайнего Севера на путь социалистической революции было predetermined общими для всей страны закономерностями и предпосылками Октябрьской революции. Одна из самых отсталых окраин России – Якутия, почти три века развивалась в составе российского многонационального государства, являясь неразрывной составной частью единого хозяйственного и политического организма России. Вопреки реакционной колонизаторской политике царизма, длительное культурное общение, совместный труд и борьба вместе с русским народом имели огромные прогрессивные последствия для общественно-экономического, культурного и духовного развития народов России.

Являясь одним из самых отсталых и глухих уголков Российской империи, Якутская область отражала в себе частицу единого революционного процесса России. Как известно, в XIX в. в Якутии отбывали политическую ссылку представители всех трех поколений русских революционеров. Здесь побывали декабристы, сто сорок польских повстанцев, каракозовцы, целое поколение народников-народовольцев, чернопредельцы, первые рабочие революционеры и представители русского социал-демократического движения. Среди них мы встречаем и ярких представителей зарубежного революционного движения. Находясь в среде якутской действительности и общаясь с местным населением, многие из них становились проводниками прогрессивных идей, исследователями истории, экономики, культуры, этнографии и языка народов Якутии.

Революционные события 1905–1907 гг. в Якутии явились первой школой массовой политической борьбы трудящихся масс против царской администрации и местных эксплуататоров. Уже в те годы эксплуатируемые массы обширного северного края начали знакомиться с такими пролетарскими методами борьбы, как стачки, забастовки, митинги и демонстрации, такими формами политической организации трудящихся, как профсоюзы, стачечные комитеты и марксистские кружки, узнавали о борьбе классов, партий и идейных течений.

Трудящиеся массы Якутии с нескрываемым волнением и нетерпением следовали за революционной борьбой в центре. Открытые вооруженные выступления, всколыхнувшие всю Россию, произошли и в самом Якутске (вооруженный протест политссыльных в доме Романова) и приисках Бодайбо (Ленский расстрел). В демонстрациях сочувствия «романовцам» впервые приняла участие революционно настроенная часть трудящихся г. Якутска, а в Ленских событиях участвовали приленские крестьяне и якуты – сезонные рабочие и возчики грузов на прииски. Якутия живо реагировала на все события I Мировой войны, революционной борьбы против царизма и буржуазии в центре России.

Октябрьская революция, начавшаяся в центре России, дошла до Якутии с некоторым опозданием. В 1917 г. и в начале 1918 г. борьба между революцией и контрреволюцией приняла самый острый характер. Революционные силы здесь были еще слабы по сравнению с местной контрреволюцией, располагавшей реальной властью и вооруженными силами. Но, все же, при помощи победившей в октябрьских событиях России, 1 июля 1918 г. в Якутии была установлена советская власть.

Установление советской власти в Якутии и проведение в жизнь первых революционных преобразований совпало по времени с началом в стране Гражданской войны и интервенции империалистических держав. При помощи японских, английских и американских войск, высадившихся во Владивостоке, использовав антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, контрреволюции удалось летом 1918 г. свергнуть советскую власть в Сибири. Было создано так называемое Сибирское временное правительство.

5 августа 1918 г. советская власть в Якутске была временно свергнута. Начался разгул террора колчаковской реакции. Были отменены все законы и распоряжения Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, запрещены собрания и митинги трудящихся.

С началом разгрома мрачного периода колчаковской диктатуры, белогвардейским насилиям и издевательствам не было границ. Свыше трехсот активных партийных и советских работников были посажены в тюрьму и сосланы за пределы Якутской области. Многие коммунисты и сторонники советской власти расстреляны.

До декабря 1919 г. Якутия пережила тяжелое время господства белогвардейской буржуазно-тоионской контрреволюции. В это время Красная армия не могла прийти на помощь трудящимся Якутии, т.к. она сама вела тяжелые бои с белогвардейцами и интервентами вдоль Транссибирской железной до-

роги. Не было также широкого партизанского движения в самой Якутии. Это объясняется, прежде всего, отсталостью социально-экономических отношений и слабым классовым расслоением основной массы населения, отдаленностью Якутии от центра, неустойчивостью связи, бездорожьем, климатическими условиями, а также отсутствием крупных военных фронтов.

После ликвидации колчаковщины в Якутии наступило время мирной передышки, которая длилась с конца 1919 г. до начала октября 1921 г., когда она была прервана выступлением контрреволюционных сил, т.е. повстанчеством.

Как только Якутия была освобождена от колчаковцев, многие зарубежные интернационалисты, в т.ч. бывшие политссыльные, несмотря на имеющуюся возможность выехать на родину, изъявили желание и остались помогать якутским трудящимся в укреплении новой власти и восстановлении народного хозяйства.

Как мы уже писали, прибывшие из Охотска в июле 1920 г. корейские партизаны и рабочие по призыву Якутского губбюро РКП(б) остались работать в городе [НА РС(Я), ф.Р-216, оп. 1, д. 307, л. 186].

Активные члены партичейки корейских коммунистов Ким Ю Мей и Ни Ун Шени своей важнейшей задачей в данное время считали защиту советской власти от возможных происков враждебных сил. Еще 6 декабря 1920 г. Ким Ю Мей обратился к Якутскому губбюро РКП(б) с просьбой «об организации Корейской национальной роты для охраны Якуткой губернии». В своем заявлении он писал, что «по сообщению прибывших из Охотска красноармейцев ныне находящихся в местном Карбате, в г. Охотске остались из партизанского отряда до 300 человек корейских партизанов». Ким Ю Мей просил местные власти отозвать охотских партизан в г. Якутск, обеспечив их бесплатным питанием и безопасным отходом [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 202, л. 9].

Являясь активным членом партичейки корейских коммунистов, красноармеец Ни Ун Шени в феврале 1921 г., как представитель корсекции при губбюро РКП(б), ездил в г. Иркутск для информации ЦК Корейской коммунистической организации о проделанной в г. Якутске работе, а также установления более тесных контактов с иркутскими товарищами.

Интересна судьба красноармейца Ни Ун Шени, активного партийного работника, прошедшего суровую школу революционной борьбы.

В коммунистическую партию Ни Ун Шени был принят 11 января 1921 г. вместе с другим корейцем Хен Чу Ни [Там же, д. 267, л. 3]. Родился Ни Ун Шени в 1898 г. в с. Владимиро-Александровском (Ольгинского уезда, Приморской области). Окончил двухклассную сельскую школу. В 1917 г. служил во Владивостоке приказчиком, затем переехал в Охотск, где работал на золотых приисках. Участник свержения колчаковщины в г. Охотске в декабре 1919 г. Ни Ун Шени, находясь в рядах охотского партизанского отряда, в 1920 г. эвакуировался в г. Якутск, где летом того же года записался добровольцем в местный гарнизон. 21 января 1921 г. красноармеец Ни Ун Шени по ходатайству председателя корсекции Ким Ю Мея был переведен с местного батальона на партийную работу, как коммунист и хороший переводчик с корейского языка [Там же, д. 230, л. 23;

За власть Советов..., 1958, с. 150]. 5 апреля 1921 г. его направили на работу в корейскую секцию при Губбюро РКП(б), где он, совмещая службу, стал ее секретарем [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 632, л. 18]. В это время он состоял на учете комячейки 2-й роты 198 полка. Вместе с ним службу в этой роте проходили корейские коммунисты Пак Пий Май-Бол и Ким Хен Уни [Там же, д. 592, л. 1].

24 февраля 1921 г. Ни Ун Шени в своем отчете о работе корсекции в Губбюро РКП(б) писал: «За все время существования корсекции получены от Губбюро следующие предметы: две книги – «Азбука коммунизма» и «Программа коммуниста», письменные бумаги – 100 листов, «Материалы VIII съезда партии», для флага – 8 аршин мануфактуры, каток ниток, ручка – 1 шт. и 10 перьев» [Там же, д. 178, л. 4].

Весной и летом 1921 г. губернские партийные и военные организации направили в помощь защитникам г. Охотска от наседавших контрреволюционных формирований Яныгина* и Сентяпова** два небольших красноармейских отряда. В составе первого из них под командой А. Сивцева находилось 8, а второго Охотского отряда Пыжьянова – 4 корейских добровольца. Во главе корейских интернационалистов первого отряда стоял Ни Ун Шени. Вместе с ним в поход ушли корейцы Чен-Ха Чини, Пак Ин Чун, Мун Линей, Н - Муэй, Ни Юн Зин, Ким Па Не, Де Юн Той. Из 12 корейских интернационалистов, направившихся в Охотск, 8 были членами РКП(б) [За власть Советов..., 1958, с. 44]. Преодолев огромные трудности тысячеверстного пути, потеряв несколько бойцов и обоз с боеприпасами при внезапном ночном нападении противника, отряд в составе 15 бойцов 25 мая достиг Охотска. Здесь прибывший отряд вместе с охотскими партизанами вступил в борьбу с контрреволюционными формированиями Яныгина и Сентяпова [НА РС(Я), ф.Р-216, оп. 1, д. 306, л. 152]. Второй экспедиционный отряд был снаряжен в Якутске, в конце июля 1921 г., по просьбе Охотской революционной

---

*Яныгин Иван Н. – уроженец с. Мача на Лене. Возглавлял отряд белогвардейцев в с. Булгино около Охотска. Убит летом 1923 года после высадки красного десанта комкора С.С. Вострцова на побережье. Вместе с ним погиб и его брат Николай (Конкин П.К. Гражданская война в документах. // Илин. – 2004. – №1. URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2004-1/30.htm> (дата обращения: 21.11.2022)).

**Сентяпов А.И. – эсер, уполномоченный по Охотскому уезду. Назначенный Временным приамурским правительством на эту должность в июне 1920 г. А.И. Сентяпов прибыл в Охотск 5 июля, восстановил в уезде сельские и волостные самоуправления. Поддерживая Коробейникова, в декабре 1921 г. вместе с Бочкаревым создал в Охотском уезде «Якутскую противобольшевистскую экспедицию» под командованием белогвардейских офицеров П.П. Шулепова, К.П. Дервянова и др., направленных в Среднеколымск, Оймякон и Верхоянск. 2 марта 1922 г. вошел в состав Временного якутского областного народного управления (ВЯОНУ) (Г. Я. Тригуб Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2006. – №1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-primorskoy-oblastnoy-zemskoy-upravly-v-kachestve-vremennogo-pravitelstva-yanvar-dekabr-1920-g> (дата обращения: 21.11.2022)).

тройки, но из-за предательства начальника экспедиции повернул обратно, не выполнив поставленной задачи. Паническое отступление отряда было вызвано известием о подходе к Охотску новых белогвардейских сил атамана Бочкарева*.

С начала 1921 г. советская страна, покончив с иностранной войной интервенцией и Гражданской войной, вступила в новый восстановительный период своего развития, перешла от вынужденного режима военного коммунизма к новой экономической политике. В эти годы внутреннее положение страны было исключительно тяжелым. Империалистическая война, интервенция и Гражданская война подорвали экономику страны. В Сибири, особенно на Дальнем Востоке, борьба против белогвардейцев и интервентов продолжалась и затянулась почти до конца 1922 г.

Для Якутии 1921 – 1922 гг. не были временем мирного строительства. Революционные и демократические мероприятия, направленные против эксплуататоров, первые успехи советской власти вызвали нескрываемую злобу и отчаянное сопротивление классовых врагов против трудового народа. Против советской власти сплотились все свергнутые эксплуататоры-тойоны, кулаки, купцы, бывшие царские офицеры и чиновники.

Контрреволюционное выступление тойонов и белогвардейцев 1921 – 1922 гг., известное под названием «коробейниковщина»** явилась затянувшимся продолжением гражданской войны и борьбы с интервенцией на востоке страны. Обь-

---

*Бочкарев (Озеров) Валериан Иванович (1892 – 1923) – полковник, белогвардеец, начальник партизанского отряда. Выходец из казачьего сословия. По некоторым данным учился во Владивостоке на офицера флота. Участник Первой мировой войны. В 1917–1918 офицер Сибирской военной флотилии. Во время гражданской войны в России возглавлял отряды казаков на стороне белогвардейцев. При власти братьев Меркуловых в сентябре 1921 г. отправлен в экспедицию на Камчатку. В начале октября того же года взял Охотск. После высадки генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева в сентябре 1922 г. Охотск перешел под контроль Сибирской дружины. Бочкаревы и пепеляевцы взаимно друг другу не доверяли. 13 апреля 1923 г. отряд Бочкарева, действовавший в районе Наяхана, в бою с красноармейским отрядом Г.И. Чубарова и камчатскими партизанами был уничтожен. Погиб и сам войсковой старшина (В. П. Пустовит Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае // Вопросы истории Камчатки. – 2005. – №1. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam1.htm> (дата обращения: 21.09.2022)).

**Коробейников Василий Алексеевич (1893, Вятская губерния – 1924, Харбин) – корнет, командующий Якутской народной армией в годы Гражданской войны. Выходец из мещан, окончил 6 классов Сарапульского реального училища и прослушал 5 семестров ветеринарной школы. В сентябре 1912 г. призван на военную службу. Участник Первой мировой войны, по некоторым данным, полный Георгиевский кавалер. В 1917 г. окончил Николаевское военное кавалерийское училище с присвоением звания корнет. Активно участвовал в Гражданской войне на стороне белых. В январе 1920 г. попал в плен, провел несколько месяцев в тюрьме в Иркутске, был амнистирован и принят на работу в Иркутский военкомат. В мае 1920 г. командирован, как военный специалист,

единившийся классовый враг использовал для борьбы с советской властью недовольство отсталого и забитого крестьянства Якутии экономическими и продовольственными трудностями области. Тойонско-белогвардейское выступление 1921 г. было тесно связано с происками дальневосточной контрреволюции и стоявших за ее спиной японских интервентов [История Якутской АССР, 1963, с. 49 – 75; Макаров, 1957, с. 136 – 169; 1996; Новгородов, 1969, с. 201 – 329; Алексеев, 1970, с. 173; Шелехова, 1972, с. 109 – 150; Сыроватский, 1974, с. 96 – 138; Чемезов, 1972, с. 74 – 126; Борьба за установление..., 1961, 1962; За власть Советов..., 1958; Башарин, 1996; и др.]. Выступление контрреволюции началось с антисоветского мятежа в п. Нелькан, поднятого в первых числах сентября 1921 г. бежавшими из Якутска белогвардейскими офицерами и якутскими купцами. Мятежники выждали благоприятный для себя момент, когда советская власть в губернии испытывала огромные экономические трудности в связи с неурожаем и бескормницей. У правительства РСФСР и сибирских организаций не было никакой возможности оказать Якутии посильную экономическую помощь, особенно промтоварами. Советская страна, вышедшая только что из войны, напрягала все свои силы в борьбе с голодом и разрухой.

Осенью 1921 г. вооруженные силы Якутской губернии были малочисленны и слишком слабы и не имели реальной силы, чтобы сразу подавить выступление зарвавшегося врага в его зародыше. Единственный территориальный батальон ВСВО, состоявший из 300 штыков и сабель, был занят караульной службой в г. Якутске и не был подготовлен к боевым действиям. Территориальный батальон (местное название Карбат), составлявший основу Якутского гарнизона, часто обновлялся, состав его постоянно менялся в связи с демобилизацией красноармейцев. С конца мая по 30 сентября в составе Якутского гарнизона числился еще 1-й батальон 444 стрелкового полка, расформированный в связи с прибытием 1-го батальона 7-го Сиботряда.

В рядах воинских частей Якутского гарнизона было немало интернационалистов, в т.ч. и корейцев. Так, например, в составе 1-го батальона 444 стрелкового полка 3 октября 1921 г. находились корейские интернационалисты Пак Ман Бок и Ким Сен Гуни. Оба они числились как бойцы ЧОН [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 765, л. 3; ф.Р-208, оп. 1, д. 83, л. 3, 15].

В середине сентября 1921 г. военно-политическая обстановка в Якутии стала принимать серьезный характер и накаляться. 23 сентября стало известно о захвате белогвардейцами на р. Мае каравана из двух пароходов и 4-х барж с

в Якутск. В августе 1921 г. в составе группы из 8 бывших колчаковских офицеров во главе с капитаном И.Ф. Толстоуховым бежал в Охотск. Возглавил повстанческий отряд из якутов, эвенков и русских офицеров. В марте 1922 г. стал командующим Якутской народной армией, организованной ВЯОНУ. После ряда поражений от частей Красной армии к осени 1922 г. отступил к Аяну. Отказался принять участие в походе А.Н. Пепеляева 1922–1923 гг., уехал во Владивосток, затем эмигрировал в Харбин, где вскоре и скончался (История Якутии: в 3 т. Т. III/ Под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. С.И. Боякова. – Новосибирск: Наука, 2021. – С. 90)

грузами «Холбоса». Стало ясно, что нужно срочно принимать неотложные и действенные меры, чтобы обезвредить врага.

В октябре 1921 г. 1-й батальон 444 стрелкового полка начал пополняться новыми красноармейцами из призывного контингента, а также за счет добровольцев. На 17 октября в трех ротах этого батальона числилось всего 339 бойцов, в т.ч. в 1-й роте – 82, во второй – 163 и в третьей роте – 94 человека [Там же, ф.Р-208, оп. 1, д. 83, л. 26, 27]. В состав 2-й роты с 10 октября были зачислены корейцы Па Юн Зин, Ким Па Не, Ни Ун Шени и Пак Ун Чун [Там же, л. 25об.].

Добровольцы иностранного происхождения, записавшиеся в красноармейские отряды, проходили особую проверку, т.к. по приказу вридгубвоенкома Л. Тверского от 8 октября 1921 г. все иностранцы учету военнообязанных не подлежали, если они зарегистрированы в отделе управления Якгубревкома и имели документ о регистрации. Корейские добровольцы подлежали учету на общих основаниях, если при себе имели документы установленных форм о регистрации в Якгубревкоме [Там же, ф.Р-213, оп. 1, д. 29, л. 57].

Этот приказ был обнародован, в связи с участвовавшими случаями обращения граждан иностранного происхождения, записать их в добровольческие формирования или в красноармейские части, а также отсутствием на местах положений об учете и вербовке иностранцев. Все иностранцы регистрировались по месту работы через Комтруд или у военкома Якутского гарнизона, если они числились в красноармейских подразделениях. Регистрация иностранцев проходила постоянно и требовалась срочная и точная информация об их местонахождении и занимаемой должности.

Надо отметить, что все граждане России и иностранцы, отправлявшиеся на службу или работу в Якутию, в порядке вербовки или добровольно по истечении полуторагодовой непрерывной работы или прохождения службы на севере, имели полное право прервать срок пребывания или деятельности и взять перевод с выездом в любую местность Сибири по их выбору или на родину. Это право им было дано постановлением Сибревкома от 11 августа 1921 г.

В дни грозного испытания, когда уже враг наседавал на г. Якутск, многие зарубежные интернационалисты, все как один, записывались добровольцами в коммунистический отряд и с оружием в руках помогали трудящимся Якутии в разгроме контрреволюционных сил. Все они, работая днем на своих местах, месяцами находились на казарменном положении, несли ночами нелегкую караульную службу или уходили в боевые походы. Дух братского содружества и взаимопонимания царил в эти трудные дни испытаний, спланивая всех, везде и всюду. Так, например, в сентябре 1921 г. во 2-й роте 2-го коммунистического батальона вместе нелегкую службу военного времени проходили поляки, венгры, латыши и др. В их числе, в гуще событий, всегда находился активист, корейский доброволец Ким Ю Мей (Михаил Ким), который создал отдельную корейскую дружину для охраны города [Там же, ф.Р-183, оп. 1, д. 2, л. 38].

С ноября 1921 г. контрреволюционное выступление начало распространяться все шире, проникая в центральные улусы Якутского уезда. 4 января 1922 г. весь

Якутский уезд и г. Якутск оказались в критическом положении и были объявлены на военном положении. К городу срочно подтянули все находящиеся вблизи наличные силы и свели их под единое командование. Так сформировался 1-й Северный отряд Особого назначения численностью до одного батальона.

В конце 1921 г. среди защитников советской власти и губернской партийной организации появились первые жертвы, павшие в стычках с белоповстанцами. Потери были и среди интернационалистов. Известно, что Охотский красный отряд, усиленный посланным на помощь из Якутска отрядом А. Сивцева, полностью был уничтожен бандой Яныгина на пути из Охотска в Якутск. В объединенном отряде охотских рабочих перед выходом в трудную дорогу насчитывались около 100 человек, включая корейских интернационалистов, в т.ч. 8 посланцев из Якутска. При отступлении в ноябрьскую стужу, разделив трагическую участь своего отряда, погибли корейцы Ни Ун Шени, Ким Па Не, Ким Хен Уни, Чен Ха Чини [За власть Советов..., 1958, с. 11, 150, 220]. В имеющейся исторической литературе считается, что корейцы Ни Ун Шени и Ким Па Не погибли именно при отступлении этого отряда. При изысканиях в Госархиве ЯАССР (ныне Национальный архив РС(Я)) нами обнаружен документ, четко фиксирующий тот факт, что корейские интернационалисты Ни Ун Шени и Ким Па Не, вместе с другими двумя корейцами Па Юн Зин и Пак Ун Чун, 17 октября 1921 г. находились в г. Якутске и в этот день были зачислены бойцами 2-й роты 1-го батальона 444 стрелкового полка [НА РС(Я), ф.Р-208, оп. 1, д. 83, л. 25]. Если это так, то Ни Ун Шени и Ким Па Не не могли находиться в Охотске в ноябре 1921 г. и погибнуть от рук банды Яныгина. Возможно, их могли отправить в конце октября вместе с каким-либо отрядом навстречу Охотскому красному отряду для подмоги. В таком случае, они наверняка осенью 1921 г. возвратились в Якутск и отправились в сторону Охотска второй раз. К сожалению, не располагая дополнительными архивными или косвенными материалами, мы не можем это обстоятельство опровергнуть или правдиво доказать. Остается надеяться, что новые данные и новые изыскания в архивах прольют свет на эту неопределенность и раскроют правду о судьбах этих замечательных людей-интернационалистов.

Надо особо отметить, что в период ожесточенной борьбы с «коробейниковщиной» высокую сознательность при исполнении своего интернационального долга по защите советской власти в Якутии проявили представители рабочих и крестьян. Они, наравне с другими представителями многонациональной России и зарубежного пролетариата, мужественно сражались в рядах добровольческих формирований и красноармейских частей. Многие корейские интернационалисты сложили головы на полях Якутии, сражаясь с врагами социалистической революции. История не сохранила до нас имена многих павших на полях Гражданской войны героев. Только некоторые из них зафиксированы в архивных документах. К сожалению, имена большинства корейцев при заполнении документов искажались, т.к. многие из них были неграмотными, не умели писать и читать, тем более общаться на русском или якутском языках,

а те, кто заполнял анкеты или составлял списки корейцев, часто не могли правильно написать имена последних, все было непривычно. Сами же корейцы во многих случаях на документах подписывались иероглифами. В местной исторической литературе, сборниках документов и в мемуарах мы практически не встретили ни одного имени корейцев, все они идут по общим термином «корейцы» или «кореец». Все это в какой-то мере затрудняло наши возможности в восстановлении истинных имен многих корейских интернационалистов и эпизодов их участия в гражданской войне в Якутии в целом.

Летом и осенью 1921 г. приток корейцев в Якутию несколько увеличился. Это объяснялось, прежде всего, продолжением Гражданской войны и борьбы с японскими интервентами на Дальнем Востоке. В сентябре 1921 г. корейская секция уже объединяла в своем составе около 700 человек, проживавших на территории губернии [ГАНО, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 40]. Приток корейцев продолжался. В августе 1921 г. в Якутск прибыли около двадцати семей корейцев. Так, например, на постоянное место жительства в городе устроилась семья корейского подданного Юн Пи Ри, состоящая из 6 человек [НА РС(Я), ф.Р-61, оп. 1, д. 83, л. 50, 59].

С конца октября 1921 г. комячейка корейских коммунистов возобновила свою деятельность и активно начала проводить организационную и идейно-политическую работу среди корейского населения города Якутска и губернии в целом. По данным на 22 ноября 1921 г., в парторганизации корейской секции губбюро РКП(б) числилось 25 членов и кандидатов партии [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 592, л. 9].

В состав комячейки входили, секретарь Ни Ун Шени, кандидаты Хо То Чири и Ким Ю Мей. На организационном заседании комячейки от 24 ноября 1921 г. были распределены обязанности между членами ячейки. Так, организатором субботников назначили Чен Се Гони, культпросветработой руководил А. Гольдштейн, комиссию по улучшению быта рабочих возглавили Хо Пири и Ким Ин Хо. Кроме того, действовала комиссия по борьбе с преступлениями и саботажем. На эту ответственную должность были выдвинуты корейцы И-Чан Хай и И-Юн Кичи [Там же]. В ноябре провели запись в партшколу, но занятия пока никто еще не посещал. Коммуниста Хо-Пири с 21 ноября приняли на учет в губвоенкомате для проведения текущих работ. Он состоял красноармейцем 226-го стрелкового полка. Ему было 47 лет. Уроженец Кореи, из местности Хош-Чен-До, занимался хлебопашеством [Там же, ф.Р-208, оп. 1, д. 361, л. 23].

Средний возраст корейской ячейки составлял 37 лет. Среди коммунистов среднее образование имели 5 человек, малограмотными были 15 человек, неграмотными – 5. По специальности 1 человек был канцелярским работником, 1 – подручным слесаря. В ячейке состояла единственная женщина, которая была домохозяйкой. Остальные члены ячейки были чернорабочими, по семейному положению 65% корейцев были холостыми. Русским языком владели только 50% корейских коммунистов. Среди членов секции прослеживается тенденция землячества: 18 человек из 26 были уроженцами губернии Хамкендо Кореи. По

всей видимости, эти люди прибыли в республику каким-то одним потоком и к 1921 г. активно встали на сторону большевиков. Однако, мы не исключаем тот факт, что они, прибыв в республику разными путями, были объединены идеей коммунизма каким-то лидером (не обязательно Ким Ю Мей).

Интересен тот факт, что к секции был прикреплен еврей А.Л. Гольдштейн, уроженец села Знаменка, Ильинской волости, Ленского уезда, Иркутской губернии. Он, помимо еврейского, владел только русским языком. Его роль в секции до конца еще не выяснена, но мы можем предположить, что он исполнял какую-то контролирующую функцию со стороны местных властей.

Как известно, наибольшее количество корейских и китайских интернационалистов сражалось против японских и американских интервентов и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Здесь действовало немало интернациональных партизанских отрядов. Еще 17 марта 1921 г. в с. Краснояроро Амурской области, по инициативе Дальбюро ЦК РКП(б), был созван Всекорейский партизанский съезд советского Дальнего Востока. Подчеркивая единство революционных действий корейского и русского народов, съезд указал на то, что «советская Россия является единственной страной, где установлены истинные формы пролетарской власти. Она служит также главным фактором всемирной социалистической революции. Поэтому действовать в полном контакте с ней в разрешении всех вопросов военного характера, помочь ей всеми имеющимися силами, вести борьбу с классовыми врагами, стремящимися задушить рабоче-крестьянскую Россию» [Красное Знамя, 1932, 5 ноября].

В своем постановлении съезд принял решение об объединении отдельных партизанских отрядов, в т.ч. и корейских подразделений 5-й НРА, под единым командованием регулярных революционных войск. Согласно решению съезда, все корейские партизанские отряды, действующие в районе Амура, Приморья, Иркутска и на севере отзывались и реорганизовывались в регулярные войска НРА ДВР.

О формировании корейских революционных войск были оповещены и якутские корейцы. В г. Якутске, где сосредоточилась основная масса корейцев, по получении извещения из Иркутска сразу же началась запись добровольцев. 30 октября 1921 г. состоялось объединенное заседание корсекции и добровольцев, записавшихся в Корейскую бригаду. Присутствовало 22 человека. Слушался вопрос об отправке добровольцев-корейцев. После недолгих споров было решено отправку задержать. Но в постановлении оговорено, что в виду невозможности отправки отряда сейчас же к месту назначения в г. Иркутск, всех записавшихся добровольцев передать в распоряжение Губчека с условием отправки их по первому требованию ЦК Корейской коммунистической партии или Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутск [НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 592, л. 4].

Задержка корейских добровольцев объяснялась прежде всего военно-политической обстановкой в области, которая с каждым днем становилась угрожающей из-за расширения боевых действий повстанческих отрядов. Корей-

ский добровольческий отряд в полном составе был передан в распоряжение губернской чрезвычайной комиссии [Там же].

Общие собрания комячейки Корейской секции проводились регулярно. На них обсуждались злободневные для всей губпарторганизации вопросы, связанные с организацией культурно- массовой и политической работы среди корейского населения. За три месяца, начиная с ноября 1921 г. по январь 1922 г. комячейка провела около 20 заседаний.

На заседаниях комячейки, как и следовало ожидать, рассматривались вопросы организационно-партийного характера, обсуждавшиеся почти на каждом заседании. Сюда входили такие вопросы, как перерегистрация коммунистов, прием в члены, распределение партийных поручений, проведение собраний, о работе среди корейских коммунистов и другие. Затем шли вопросы, связанные с деятельностью общественных организаций (работа среди молодежи, профсоюзов, кооперативов, частных артелей и т.п.). Обсуждались экономические и социально-культурные мероприятия (НЭП, субботники, довоенные долги, о зарплате, земельная политика, ликвидация неграмотности и т.д.). Кроме того, на обсуждение выносились вопросы, касающиеся истории партии, о советском строительстве, обучении корейцев военному делу, съезде Советов, о центральном рабочем клубе, Генуэзской конференции, помощи голодающим Поволжья и др.

Судя по протоколам заседаний, корейские коммунисты встречали некоторые трудности организационного характера. Это особенно касалось вопроса обучения корейцев русскому языку и ликвидации неграмотности вообще. Каждое собрание не обходилось без переводчика, и если таковой отсутствовал, то вопросы, касающиеся общепартийной или городской жизни, откладывались до следующего собрания [Там же, л. 10, 13].

На общем собрании корейских коммунистов 1 декабря 1921 г. был рассмотрен вопрос о борьбе с бандитизмом в Якутии. Собрание единогласно выразило готовность корейского населения выступить на фронт борьбы с белобандитскими движением, чтобы восстановить мирное строительство советской власти [Там же, л. 11]. На этом же собрании коммунисты обсудили состояние агитационно-массовой работы среди беспартийных корейцев, находящихся в деревнях. Было решено командировать в деревни опытных инструкторов из Горсекретариата: «... совместно с инструкторами корейцами в качестве переводчиков для поднятия на должную высоту коммунистического уровня среди беспартийной корейской массы, где имеется много сочувствующих идее коммунизма и сторонников советской власти» [Там же].

До конца 1921 г. в Коммунистическую партию с годичным и 6-месячным стажем (в зависимости от морально-политических качеств вступающего), было принято более 10 человек. Так с 6-месячным стажем приняты Ким Хен Им, Пак Ман Бок, Пак Се Чуни, Пак Хао Се, Чой Тек-Ени и другие [Там же, л. 5, 14]. На 28 января 1922 г. комячейка корейской секции Губбюро РКП(б) в своих рядах насчитывала 32 члена и кандидата в партию [Там же, д. 882, л. 4].

В январе 1922 г. все же продолжались затянувшаяся из-за напряженной военной обстановки перерегистрация и чистка коммунистов. Это мероприятие касалось и корейских интернационалистов. В г. Якутске перерегистрация началась в мае 1921 г. Целью ее было очищение губернской партийной организации от чуждых дезорганизаторских элементов, ненужного партии непролетарского элемента, проникшего в результате ослабления требований к вступлению в партию, особенно во время проводившихся партийных недель.

Чистку проходили все коммунисты-корейцы. 28 января 1922 г. на общем собрании комячейки были подведены итоги проводившейся чистки. Всего по списку прошел 31 человек. Все они получили положительную оценку и были подтверждены в членстве в партии. В принятой резолюции корейцы писали: «... в нашей ячейке нет членов, дискредитирующих чем-либо советскую власть...». Организованные для борьбы с империализмом и его приспешниками, являясь в то же время частицей того пролетариата, который более 40 лет служит фактическим объектом хищничества и захватов империалистических государств, мы стремимся наравне с коммунистической партией корейских рабочих к освобождению Кореи от власти японского капитала.

Объединенные единой мыслью с международным пролетариатом приветствуем РКП(б), поставившую своей задачей очистить пролетариат от негодного в рядах ее элемента» [Там же, л. 4об.].

Вчитываясь в строки резолюции, мы ясно осознаем, как высоко возросло самосознание корейского рабочего и бедняка в единстве революционной борьбы с народами России и как большинство корейцев доверяли коммунистам, шли за ними и все более проникались чувством солидарности с советской Россией и верили в счастливое возрождение своей родины.

На этом же собрании утвердили кандидатуру председателя Олекминского упробюро и Олекминской корсекции (он же уполномоченный ДВ секретариата Коминтерна) Ли Хак Чен, выезжающего в г. Бодайбо для организации и усиления политической и профессиональной работы среди корейцев на местах и вербовки добровольцев. 4 февраля ему был выдан мандат, согласно которому он, как инструктор-организатор имел право разъезжать по Приленскому району от Якутска до Бодайбо для агитационной работы среди корейцев [Там же, д. 774, л. 1].

Среди корейского населения губернии также шла ожесточенная идейно-классовая борьба, выливаясь иногда в открытое выступление отдельных людей. Лицемерно маскируя свою контрреволюционную сущность фальшивыми фразами о «независимости» Кореи, о «сочувствии» русскому народу эти «деятели» пытались разжечь чувство национализма в корейцах, дискредитировать советскую власть и перевести несознательную и безграмотную часть населения на контрреволюционный настрой против власти рабочих и крестьян. Но они своевременно получали достойный и бескомпромиссный отпор со стороны самих корейских интернационалистов. Так, 9 февраля 1922 г. на общем собрании корейских коммунистов был обсужден вопрос о контрреволюционном выступлении на сходе беспартийного корейца Ким Тэ-Е. Речь его была оценена

как злонамеренная, дискредитирующая советскую власть и противоречащая докладу председателя Олекминской корсекции Ли Хан Чен, чем вызвала резкое возмущение в среде корейских коммунистов. В принятом большинством голов сов решении собравшиеся указали, принимая во внимание развитость и вполне сознательное выступление Ким Тэ-Е, возбуждившее беспартийную массу против советской власти, признать выступление Ким Тэ-Е контрреволюционным, ввиду чего просить Горсекретариат принять соответствующие меры к изоляции из среды беспартийных означенного гражданина» [Там же, д. 882, л. 3].

На этом же заседании был рассмотрен организационный вопрос. Ввиду «сократившейся работы в Губкорсекции и осложнившейся военной обстановки» коммуниста Хо То Гири передали в распоряжение Губчека для «оказания помощи и проведения идейно-воспитательной работы среди корейских добровольцев». В корсекции оставался ее председатель Ким Ю Мей.

Корейские коммунисты обычно собирались после 5 или 6 часов вечера. Обсуждение вопросов заканчивалось к 9 часам, из 30 человек обычно одна треть отсутствовала. Это было связано с караульной службой или выходом на боевое задание, а также с болезнями. Корейцы очень тяжело переносили жуткую якутскую стужу.

При корсекции Губбюро РКП(б) действовала профсоюзная организация корейских рабочих, которая постоянно держала в зоне своего внимания всех трудоспособных корейцев, устраивала их на работу, помогала обзавестись хозяйством и т.д. При ее содействии собственными силами корейцев в г. Якутске были открыты общедоступная столовая и лучшая в городе коммунальная прачечная. Многие корейцы-рабочие имели свои огороды.

На учете корсекции в январе 1922 г. состояли корейцы Чо-Е Хо, Цюндя, Ким Кен Сени, Хван Еон Су. Все они, по просьбе председателя корсекции, просили начальника гормилиции выдать им паспорта для проживания в г. Якутске и разрешения заняться сельским хозяйством [Там же, ф.Р-216, оп. 1, д. 305, л. 79, 80, 134].

С 1 января 1922 г. положение окруженного белоповстанцами г. Якутска стало критическим, население испытывало огромные трудности. Отсутствовало денежное обращение, прекратилась выдача зарплаты деньгами рабочим и служащим. Из-за недостатка товаров и продовольствия максимально ограничили количество продовольственных пайков, снизили нормы снабжения по карточкам. Прекратился приток сельхозпродуктов на городской рынок. Топливо и фураж добывали за пределами города, подвергаясь нередко обстрелу и нападениям со стороны белых.

К весне 1922 г. контрреволюционное выступление охватило почти всю Якутскую губернию. В окружении оказались Вилюйск и с. Нюрба. Ухудшилось военно-политическое положение северных округов. Незанятыми врагом оставались лишь Олекминский уезд, небольшие островки вокруг Якутска, Вилюйска, Нюрбы, Амги и Приленский тракт, контролируемый красноармейскими частями, прибывавшимися к г. Якутску [Там же].

В эти тяжелые дни борьбы с контрреволюционным мятежом, ЦК РКП(б), правительство РСФСР и народы Центральной России не оставили в беде трудящихся Якутии в трудное для них время. Ими была оказана большая экономическая, политическая и военная помощь в деле разгрома контрреволюционных сил и ликвидации тяжелых последствий гражданской войны. Постоянную братскую помощь оказывали сибирские организации во главе с Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома.

Исключительно важное значение имела военная помощь российского пролетариата. В декабре 1921 г., по указанию ЦК РКП(б) и правительства РСФСР, Реввоенсовет и командование 5-й армии назначили нового командующего вооруженными силами Якутской губернии Н.А. Каландаришвили.

В марте 1922 г. в осажденный Якутск пробилась эскадроны 2-го Северного отряда им. Н.А. Каландаришвили в 600 штыков и сабель, и в апреле – 33-я отдельная рота ГПУ Сибири в 200 штыков. Из роты ГПУ, когда она находилась в Олекминске, были выделены два отряда на помощь трудящимся Вилуйского округа, ведущим неравную борьбу с белобандитскими отрядами. В конце мая 1922 г. все местные отряды Красной Армии были сведены в одну часть под названием 1-й Северный отряд. После техтюрской трагедии (гибели штаба Н.А. Каландаришвили) во главе 5-го Северного отряда становится И.Я. Строд. Оба северных отряда и 33-я рота ГПУ внесли немало славных страниц в историю борьбы за власть Советов в Якутии. Ими одержаны блестящие победы в Хаптагайском, Тулагинском, Кильдямском, Техтюрском боях, успешно проведены Бестяхско-Титаринская и Амгинская операции, удерживалась оборона территории вокруг Якутска, вдоль Приленского тракта и осажденных г. Вилуйска и сел Нюрба и Амга.

В составе прибывших воинских частей находились представители разных народов советской России, в т.ч. и многие зарубежные интернационалисты, которые по зову сердца и классовой солидарности пришли на помощь трудящимся Якутии. Это были мужественные, добровольно изъявившие желание поехать на далекий Север люди. Многие из них сложили свои головы, сражаясь за счастливое будущее якутского народа. В их рядах мы встречаем и имена корейских добровольцев, которые также героически вступали в бой с врагами новой власти.

В наступательных операциях по прорыву кольца блокады вокруг г. Якутска весной и летом 1922 г. принимали участие корейские интернационалисты, которые потеряли немало своих сослуживцев. В боях они дрались героически, а если попадали в плен, то стойко переносили все пытки и изуверства белобандитов, смерть принимали мужественно. Нам дороги имена многих корейских интернационалистов, которых свято чтут якутяне, хотя и сохранилось до наших дней очень мало имен этих героев.

В рядах почти всех красноармейских частей было немало корейцев. Многие находились в составе санитарной части, являясь бойцами военного лазарета или служащими гарнизонного приемного покоя. Так, в марте-апреле 1922 г. в

штате санчасти числились обозными Ким Пу При и Пак Мае Сики, а в приемном покое О-Хен Сори, О-Ци Зани, Че Ун Себи и Чим Ар Неи [История Якутской АССР, 1963, с. 55 – 56].

В начале апреля 1922 г. в Среднеколымске был расстрелян бочкаревскими офицерами кореец Цин Зу Ан – рабочий строительства Колымской радиостанции, активный участник борьбы за советскую власть в этом городе. Цин Зу Ан (Николай Васильевич) прибыл в Среднеколымск еще в 1914 г. С 1920 г. служил милиционером, стал членом большевистской партии [Шелехова, 1972, с. 119 – 122]. В феврале 1922 г. он записывается добровольцем в партизанский отряд В.Д. Котенко. Отряд, получивший название «Коммуна», состоял из 13 человек.

По приговору шулеповского* военно-полевого суда были расстреляны 10 человек. Белобандиты выводили коммунаров по три человека и расстреливали на льду р. Анкудинки, а трупы сжигали прямо на глазах жителей [НА РС(Я), ф.П-1, оп. 1, д. 216, л. 10].

В местности Харьялах Хаптагайского наслег и в Тыллыминском штабе белых белобандитами зверски расстреляно несколько десятков корейских рабочих – членов трудовой артели, созданной в имении кулака Егорова. К сожалению, до сих пор еще не установлены фамилии и биографические сведения большинства этих безвестных героев. Известно, что в I Таллыминском штабе белых было убито около 40 человек из Западно-Кангаласского и Восточно-Кангаласского улусов. Из Хаптагайцев бандиты захватили 7 корейцев. Все они были убиты белоповстанцами [Там же, ф.Р-2970, оп. 29, д. 88, л. 20]. По другим данным из усадьбы кулака С. Егорова бандиты захватили 11 корейцев и зверски их убили палками за то, что «они во время Титтяхского боя красных с бандой, засевшей в доме Егорова, поводья привязанных коней бандитов затащили так сильно, что бандиты при бегстве не могли развязать и пришлось им отрезать ножом таковые и удирать под огнем красных» [Там же].

В 1 хирургическое отделение Якутского лазарета 5 мая 1922 г. из Табагинского боевого участка был доставлен красноармеец 2-й роты 1-го северного отряда Хан Ун Хаги. 30 июня его выписали на амбулаторное лечение, с диагнозом «сквозное огнестрельное ранение мягких частей правого плеча». Хан

---

*Шулепов П.П. – войсковой старшина, бочкаревец. В ноябре 1922 г. П.П. Шулепов захватил Среднеколымск. В его отряде, по данным декабря 1922 г., насчитывалось около 70 белогвардейцев. В первой половине декабря 1922 г. в Средне-Колымске была объявлена советскую власть, в это время Шулепов находился в м. Абый. Было решено, что для усмирения Колымы будет достаточно отряда Шулепова, который и повернул обратно в Среднеколымск. Шулеповский отряд, составленный большей частью из сыновей горожан, разложился и сдался красным. Шулепов был амнистирован, однако в начале 1930-х был репрессирован (Антонов Е.П., Антонова В.Н. Социальный состав и идеология повстанческого движения в Якутии 1921–1922 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-sostav-i-ideologiya-povstancheskogo-dvizheniya-v-yakutii-1921-1922-gg> (дата обращения: 21.11.2022)).

Ун Хаги – уроженец Кореи, г. Вин-Чен, холостой, неграмотный, основным его занятием было огородничество [Там же, ф.Р-206, оп. 1, д. 72, л. 84 – 372].

В Техтюрском бою 10 июня 1922 г. были убиты корейские коммунисты Пак Хао Се и Пак Чан Гири, которые состояли в партии с конца 1921 г. В Якутию они прибыли летом 1920 г. вместе с Охотским партизанским отрядом. В Якутске они занимались огородничеством, стали бойцами отряда при Губчека. Сохранилась краткая запись в протоколе заседания комячейки корсекции при Губбюро РКП(б) от 23 декабря 1921 г., где записано, что «... после детального обсуждения кандидатур, ознакомления товарищей с уставом партии – приняты тт. Пан Се Чуни, Ча Чен Нен, Чой Тек-Ени, Пак Хао Се и Пек Сун Гири с 6-месячным стажем, т.к. они исключительно занимались до настоящего времени сельским хозяйством и не пользовались наемным трудом» [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 592, л. 14]. Таким образом, при приеме в партию соблюдалось не только строгое уставное требование к иностранным добровольцам, но и вступающие в партию проходили своеобразный экзамен на политическую зрелость и моральную стойкость. Корейские интернационалисты Пак Хао Се и Пак Чан Гири оправдали впоследствии доверие своих товарищей, не отступили при бое, а погибли с оружием в руках, сражаясь за счастливое будущее трудового народа.

Драматичен был Техтюрский бой, который длился два дня. Как известно, здесь были сосредоточены основные силы южной группировки белых. Белобандиты в этом бою избежали полного разгрома, но моральный дух «белой армии» был основательно подорван. В этом бою наравне с другими красноармейцами мужественно сражались представители корейского, венгерского, польского и других народов. После бегства белых в с. Техтюр были «... найдены следы жестокой расправы над пленными красноармейцами. наших разведчиков, захваченных ранеными в начале боя белобандиты прикончили, отрубили им головы и распороли животы» [Ленский коммунары, 1922, 13 июня]. Из показаний пленных было установлено, что белобандиты расстреляли многих людей, обвиняя их в сочувствии советской власти. Зверски были истреблены 30 человек якутов и корейцев. Всех их после жестокой расправы сбросили в одну яму и закопали [НА РС(Я), ф.П-1, оп. 1, д. 202, л. 47].

Многие корейские добровольцы по призыву партийной организации и по долгу пролетарской чести записывались бойцами во вновь формируемые отряды и выезжали на фронт для борьбы с врагом. Каждый доброволец был на счету. В корсекции для поддержания организационной работы оставался только один человек. Все уходило на передний край. Но с подходом летних сельскохозяйственных работ забот в корейской секции прибавилось. В связи с этим, 1 июня 1922 г. секретарь корсекции обратился в Губбюро РКП(б) с ходатайством о зачислении «на довольствие при Губбюро т. Хон Хоа Сун – сотрудника секции вместо вышедшего в ряды Красной армии т. Хо То Гири» [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 774, л. 2].

ЦК РКП(б) и его Сибирское бюро постоянно следили за ходом событий в Якутии, помогали работе губернским партийным и советским организациям в разрешении экономических, политических и военных вопросов.

К концу марта 1922 г., в связи с принятыми мерами по укреплению боеспособности и увеличению численности войск, наступил перелом в пользу защитников г. Якутска. Но противник был все еще силен и коварен. Общая численность повстанцев превышала 2 тысячи человек. Улусное население все еще находилось под гнетом местных тойонов, белобандиты держали подавленных бедняков под постоянным страхом, пугая последних «красным террором», «бесчеловечным отношением» красноармейцев к простому народу и т.д.

К концу апреля 1922 г., в результате хорошо подготовленных и блестяще осуществленных боевых операций вокруг г. Якутска, враг был отогнан из ближайших подступов к городу, и инициатива боевых действий полностью перешла в руки красных войск.

В эти дни исключительно важную роль в деле ликвидации повстанческого движения сыграло принятие советской автономии якутского народа. Губернская партийная организация превратила исторический Декрет ВЦИК об образовании Якутской АССР в мощное идейно-политическое оружие против врага. Борьба против повстанчества развернулась с удвоенной энергией и охватила все слои трудового населения.

Летом 1922 г. в Якутск прибыла значительная военная и материальная помощь правительства РСФСР. В середине июня 1922 г. вооруженные силы Якутии составили солидную силу и имели около 2500 бойцов, а с приходом 230-го стрелкового полка это число дошло до 3700 человек [Борьба за установление..., 1961, с. 257]. Таким образом, было сосредоточено достаточно внушительное количество советских войск, чтобы окончательно разгромить противника по всей области.

Как известно, после окончания летней кампании и разгрома главных сил «народной армии» корнета Коробейникова, большинство отрядов Красной Армии выехало обратно в Иркутск, сопровождаемые сердечной благодарностью трудящихся Якутской АССР за энергичную и бескорыстную братскую помощь.

Вместе с красноармейскими отрядами в начале июля 1922 г. в полном составе выехал корейский добровольческий отряд, который должен был влиться в Корейскую интернациональную бригаду 5-й армии. Корейская бригада, вместе с партизанскими отрядами Приморья, участвовала в ожесточенных боях против внутренней и внешней контрреволюции на Дальнем Востоке. К сожалению, нам неизвестно точное количество выехавших тогда из республики корейцев. По-видимому, отряд был большой, т.к. в него мобилизовали всех боеспособных. Так, например, 29 июня 1922 г., в связи с «с выездом в г. Иркутск в корейскую бригаду», был уволен с работы младший милиционер Якутской городской милиции кореец Тен Кен Юри.

Корейская секция Губбюро РКП(б) поддерживала связь с Дальневосточным секретариатом Исполкома Коминтерна и со многими корейскими организациями Дальнего Востока и Восточной Сибири. Летом 1922 г. корейская секция Якутского Губбюро РКП(б) была упразднена в связи с отъездом основного контингента корейских коммунистов и корейского национального отряда в Ир-

кутск по приказу штаба 5 армии [НА РС(Я), ф.П-3, оп. 20, д. 4а, л. 14]. Многие корейские добровольцы выехали в конце августа 1922 г. в распоряжение ДВ секретариата ИККИ. До г. Иркутска они в числе других сопровождали останки «дедушки» Н.А. Каландаришвили, который еще в 1921 г. стоял во главе корейских революционных частей на Дальнем Востоке.

После отъезда корейских добровольцев в г. Якутске и в губернии оставалось немало корейцев, которые, в основном, продолжали заниматься сельским хозяйством, в частности, огородничеством, разведением технических культур и т.д. Некоторые из них даже держали крупный рогатый скот, что позволяло им заниматься и сенозаготовкой. Это были люди, в большинстве своем, пожилого возраста или многодетные, которые в силу обстоятельств не могли быть привлечены к военной службе, но, в то же время, они вполне могли принести своим посильным трудом определенную пользу разоренному войной хозяйству улусов, особенно, продуктами первой необходимости. Тем корейцам, которые жили, трудились и боролись в Якутии, вполне достойно подходят слова из политического доклада полномочного представителя ЦК РКП(б) и СНК по Сибири, высказанные им в январе 1920 г. и адресованные В.И. Ленину: «Китайцы и корейцы принимали деятельное участие в партизанском движении в течение 1919 года. Помимо непосредственного участия в движении, китайцы и корейцы оказывали большую помощь своими фанзами, разбросанными повсюду, а также едой и табаком» [Матвеев, 1959, с. 133].

Борьба с контрреволюционным выступлением 1921–1922 годов, жестокий террор, грабежи и насилия белых открыли глаза многим забитым и доверчивым якутским скотоводам и охотникам на то, что так называемые «повстанцы» защищают интересы эксплуататоров. Вдохновленные образованием Якутской АССР, трудящиеся массы якутских улусов начали строительство молодой автономной республики. В среде повстанцев многие поняли нелепость дальнейшей борьбы с советской властью. Они массово складывали оружия, и, согласно амнистии, возвращались к мирному труду.

Контрреволюционное выступление, основанное на недовольстве крестьянства экономическими трудностями советской власти и на классовом обмане, пошло на убыль и его разгром, в основном, был закончен к 1 октября 1922 г.

Под руководством Облбюро РКП(б), Совнаркома и Ревкома ЯАССР трудящиеся массы приступили к мирному труду по восстановлению разоренного войной и разрухой народного хозяйства и строительству советской республики.

Однако с осени 1922 г. над молодой Якутской АССР вновь нависла угроза белогвардейского нашествия. Через Аян и Охотск в пределы Якутии вторглась белогвардейская «Сибирская дружина» колчаковского генерала Пепеляева.

Партийная организация республики провела широкую агитационно-массовую, экономическую и военно-политическую работу среди населения. Республика превратилась в единый боевой лагерь. Между населением и армией установились самые дружественные отношения. В помощь регулярным красноармейским частям были созданы партизанский и народ-

но-революционный отряды. Пепеляевцы не имели никакой реальной социальной опоры внутри Якутии.

Президиум облбюро РКП(б) 14 октября 1922 г. утвердил текст «Декларации Ревкома и СНК ЯАССР по поводу вступления на территории ЯАССР пепеляевских войск», которую опубликовали 17 октября в газете «Автономная Якутия». Декларация призывала якутских трудящихся сплотиться и мобилизовать все свои силы на оборону республики, помогать Красной Армии обмундированием, продовольствием, транспортом.

Партийная организация придавала большое значение политической работе в красноармейских отрядах, укреплению связи между войсками и населением. Последовательная работа велась по укреплению партийной прослойки в формируемых отрядах и интернациональному воспитанию. В рядах воинских частей находились люди разных национальностей, в т.ч. представители зарубежного пролетариата. Так, например, Якутская городская организация в сентябре 1922 г. в своих рядах насчитывала 280 членов и кандидатов партии. По национальной принадлежности из 165 учтенных коммунистов русских было 120 человек, якутов – 19, украинцев – 5, поляков – 4, латышей – 4, татар – 2, евреев – 4, корейцев – 5, один француз и один литовец [НА РС(Я), ф.П-1, оп. 1, д. 216, л. 9об.; д. 528, л. 1].

Среди тех, кто продолжал выполнять свой интернациональный долг по защите советской власти от происков контрреволюции находились сотрудники милиции, корейцы Ким Сен Чени, Ким Ха Они, И-Хян Ноги, И-Ке Ени, Чем Кем Юрит [Там же, д. 528, л. 1; ф.П-2, оп. 1, д. 952, л. 92 – 94; ф.П-3, оп. 3, д. 90, л. 9] и др.

В середине января 1923 г. военная обстановка в республике резко осложнилась. Пепеляевцы, отклонив все мирные предложения, вторглись в Центральную Якутию. В ночь на 2 февраля пепеляевцы внезапным ударом захватили с. Амгу и тем самым создали непосредственную угрозу Якутску. Потеря Амги потребовала от военного командования более решительных действий.

Областная партийная организация приняла самые энергичные меры по пополнению рядов и укреплению боеспособности воинских частей. В кратчайший срок была сформирована из коммунистов, комсомольцев, передовых рабочих и крестьян часть особо назначения – батальон ЧОН и при нем национальная рота. Были также созданы несколько партизанских отрядов и дружины самообороны в улусах и селениях, которые в прифронтовом районе вливались в красноармейские отряды.

Активное участие в подготовке к отпору врага и обороне г. Якутска наравне с другими принимали и представители зарубежного пролетариата, в т.ч. и корейские добровольцы. Многие интернационалисты состояли бойцами красноармейских отрядов, часть из них была мобилизована в батальон ЧОН. В боевую дружину по охране г. Якутска добровольно записались корейцы Тянь Бон Суни, И-гын Сири, Вы Хва Вони, Хон Гын Сики, Ким Хын Кени, Хо При и другие [Там же, ф.Р-94, оп. 1, д. 151, л. 2]. Среди мобилизованных в батальоны

ЧОН значились и представители корейского народа. 14 февраля в списках 2-й роты 1-го батальона ЧОН числились корейские интернационалисты Ким Ю Мей, Ким Хын Кени и Вы Хва Вони [Там же, ф.Р-176, оп. 1, д. 54, л. 3]. В I-й роте находились корейцы Чан Ен Суни и Ким Ден Куни [Там же, ф.Р-190, оп. 1, д. 124, л. 192].

Для укрепления боеспособности армии и тыла партийная организация привлекла все свои силы и средства, включила в эту работу общественные организации и культурно-просветительные учреждения. Весь состав корейского профсовета был мобилизован в роту батальона ЧОН и находился на казарменном положении. В связи с этим работа профсовета среди корейского населения была на некоторое время приостановлена [Там же, ф.Р-94, оп. 1, д. 151, л. 1]. Но корейские рабочие и крестьяне, всецело солидарные с борьбой якутских трудящихся, понимали трудное положение области и старались по мере сил помогать народам Якутии в их героической борьбе с пепеляевщиной.

В феврале 1923 г. в итоге напряженной деятельности Обкома партии и передовой роли коммунистов были подготовлены все условия для разгрома врага, республика превратилась в единый боевой лагерь. 14 февраля Пленум Обкома партии заслушал информацию командующего войсками К.К. Байкалова о военном положении и выразил твердую уверенность в полной победе над пепеляевцами в результате двух-трех решительных ударов. Для этого в Якутске готовилась ударная группа войск в составе батальона ЧОН и дивизиона ГПУ общим числом в 600 бойцов. Вместе с экспедиционной группой для отправки в Амгу спешно готовили также артбатарею, комендантскую команду и Якнарревдот.

В составе выезжающих на фронт войск находились и корейские добровольцы. Среди десятка корейских интернационалистов, выезжающих на фронт в составе батальона ЧОН. в конце февраля 1923 г., значились бойцы Ким Хы Кени, Вы Хва Вони, Ким Х Кни, Чем Ким Юри и другие [Там же, ф.П-3, оп. 3, д. 116, л. 20, 27].

В итоге огромной организаторской и политической работы областной партийной организации пепеляевская авантюра потерпела полный крах. Советские войска 2 марта нанесли ей сокрушительное поражение в двух боях (амгинский и билистяхский бои).

Беспримерный героизм в боях с внутренней и внешней контрреволюцией проявили красноармейцы, командиры и политработники воинских частей, состав которых в большинстве своем был многонациональным. В боях против пепеляевских войск активное участие принимали и представители зарубежного пролетариата. Многие интернационалисты, следуя примеру своих старших боевых товарищей по оружию бойцов Красной Армии и красных партизан, проявляли неустрашимость, беззаветное мужество, презрение к смерти и личный героизм. К сожалению, многие имена интернационалистов и героические страницы тех лет в памяти народной и архивных материалах сохранились весьма скудно. Скрупулезные изыскания позволили восстановить только немногие из них.

Архивные материалы и сохранившиеся документы свидетельствуют, что в боях против пепеляевских войск принимали участие представители польского, венгерского, корейского народов зарубежных стран. При штурме с. Амги отличились бойцы отдельной 5-й роты ЧОН. Бойцами батальона ЧОН являлись и корейские интернационалисты Ким Ю Мей, Ким Х Кни, Чин Кем Юри, Ун Ха Они, Хам Ким Сичи, Ким Ха Они, Чен Чкен Юри (Петролыгин Василий Николаевич) и другие [Там же, ф.Р-190, оп. 1, д. 132, л. 9 – 11; д. 124, л. 192]. Коммунист Чин Кем Юри служил красноармейцем кавалерийского взвода. До мобилизации в роту ЧОН он работал сотрудником ГПУ. После разгрома основных сил пепеляевцев многие корейские добровольцы были демобилизованы. Так, 30 марта 1923 г. бойцы 1-й роты батальона ЧОН Ким Ю Мей, Чан Ен Суни, Ким Ден Куни и Вы Хва Вони, полностью сдав личное оружие, снаряжение и обмундирование, возвратились домой [Там же, д. 124, л. 192]. 30 июня в с. Павловск вернулись рядовые Хан Кин Син и Чен Чен Юри [Там же, д. 134, л. 58, 59]. Они сразу же взялись за любимое дело – огородничество.

Весной и летом 1923 г. жалкие остатки пепеляевской авантюры и других разбросанных остатков контрреволюции были практически полностью разгромлены или пленены: это означало конец Гражданской войны в Якутии, длившейся почти пять лет. Отдельные контрреволюционные мятежи, поднятые впоследствии, имели локальный характер и не могли изменить мирного характера жизни в ЯАССР в целом.

Сразу после победы над пепеляевщиной партийные, советские и хозяйственные органы республики развернули широкую деятельность по ликвидации тяжелых последствий борьбы с врагом и переходу к мирной работе по восстановлению и развитию народного хозяйства. По возвращении с фронта батальон ЧОН, партизанский и народно-революционный отряды расформировывались; на мирные условия переводились и регулярные красноармейские части, которые готовились к возвращению в центр с открытием летней навигации. Все зарубежные добровольцы, в т.ч. и корейцы, которые находились в рядах красноармейских и партизанских отрядов и принимали участие в борьбе с контрреволюционными выступлениями, решением командования демобилизовались в первую очередь.

С открытием летней навигации на р. Лене большинство красноармейских частей выехало в центр. Те, кто еще оставались в Якутске, приняли активное участие в укреплении и упрочении советской власти в Якутии. Часть интернационалистов навсегда приобрела в этом суровом северном крае свою вторую родину. Многие корейцы расселились по долинам рек Лены, Вилюя, Амги и Олекмы, занимаясь сельским хозяйством, особенно преуспевая в земледелии.

Среди выехавших летом 1923 г. в центр корейских добровольцев значатся имена Ян Сен То, И-Хян Ноги, И-Ке Ени, И-Юн Хочи и др. [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 952, л. 92 – 93]. Часть корейских интернационалистов все еще продолжала нести службу в батальоне ЧОН. Так, в июне 1923 г. в 1-й роте батальона ЧОН числились корейцы Ким Х Кни, Чем Ким Юри и Тен Кен Юри. Многие корей-

цы, осевшие в верховьях Лены, трудились на горных выработках и золотых приисках. Во всенародную борьбу за восстановление разоренного войной народного хозяйства северного края, активно включились и представители корейского народа, добровольно оставшиеся после гражданской войны в Якутии. Некоторые из них навсегда остались жить в Якутии, полюбили этот суровый холодный край, сроднились с его народами и помогали им в строительстве новой жизни.

Антияпонская борьба корейского народа за независимость своей родины из явления чисто национального выросла после победы Октябрьской революции в России в борьбу общемировую, которая, несомненно, открыла новую страницу в истории борьбы угнетенных народов против господства империализма, против эксплуатации человека человеком. Она впервые дала толчок этим народам к выступлениям против эксплуататоров, вызвала волну национально-освободительного движения, вселила надежды на лучшее будущее. Октябрьская революция сыграла важную роль и в истории освободительной борьбы корейцев, включая переселенцев в Россию, в т.ч. и в Якутию, хотя и не всем надеждам, вызванным российской революцией, были суждено сбыться в жизни из-за тех или иных причин, которые обусловили дальнейшее развитие советского многонационального государства.

-----//-----

**КОРЕЙЦЫ В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И
УКРЕПЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКУТИИ**
**2.1. УЧАСТИЕ КОРЕЙЦЕВ В ОСВОЕНИИ
ЗОЛОТОГО АЛДАНА**

Как известно, дореволюционная Якутия не располагала промышленностью, основная масса населения занималась сельским хозяйством, охотой, рыболовством, кустарным промыслом и т.д. Только при советской власти наметились реальные предпосылки для всестороннего освоения и развития всего народного хозяйства Якутской автономной республики. Якутия постепенно из аграрной становилась индустриальной, в особенности с развитием золотодобывающей промышленности Алдана. Алданский золотопромышленный район возник в 1923 г., а с 1925 г. началось быстрое его развитие, когда в соответствии с постановлением Совета Труда и обороны СССР от 24 июня 1925 г. ВСНХ СССР реорганизовал трест местного значения Алданзолото в трест общесоюзного значения.

Открытие золотых россыпей на Алдане вызвало золотую «лихорадку», начался быстрый наплыв населения со всего Дальнего Востока, Сибири и самой Якутии. Уже в 1925 г. в приисковом районе Якутии численность населения достигла более 13 тыс. чел. [НА РС(Я), ф.Р-62, оп. 3, д. 68, л. 139]. Из этого числа 4000 человек являлись старателями, которые в начальный период развития Алдана несли основную тяжесть всех работ на золоте [ГА РФ, ф. 5459, оп. 6, д. 26, л. 339]. Количество старателей резко возрастало в летний промысловый сезон, а с наступлением осенне-зимних холодов оно убывало, на морозное время оставались только самые здоровые и выносливые, имеющие кое-какие сносные жилища и условия для проживания и работы (одежда, пропитание и т.п.).

На приисках Алдана в 1925 – 1926 гг. больше 60% золота добывалось старательскими артелями, основную массу которых составляли, т.н. восточные рабочие. Это, прежде всего, корейцы и китайцы. Остальная часть золота добывалась государственным трестом. В своих воспоминаниях Т. Сущих писал, что «...старатель – главная фигура на производстве. Вот почему число старателей уже в первые годы в нашем районе достигало более 10 тыс. человек. С 1923 по 1949 годы ручным способом у нас добывали 81,5% золота» [Алданский рабочий, 1974, 11 июня].

В первые два года золотодобыча производилась только старательскими артелями с помощью примитивных орудий. Старатели объединялись в артели в основном из 6 человек. Но это число членов колебалось иногда от 3 до 14. Добывали золото самым простейшим способом. Это – деревянный лоток, бутара*,

---

*Бутара – устройство для промывания горной массы с целью удаления глины и мелкого породного материала, а также для доводки первичных гравитационных концентратов. Состоит из загрузочной воронки, наклонного грохота, промывочного шлюза.

тачка, кайло и лопата. Были бесчисленные трудности, порождаемые не только объективными условиями, но и неорганизованностью массы старателей. Один из первых организаторов алданской золотой промышленности Иван Васильевич Сущенко в своей книге «Утро золотого Алдана» отмечал, что «движущей силой для большинства приезжающих на Алдан была жажда разбогатеть, погоня за призрачным счастьем. Ради этого они готовы были терпеть любые лишения и невзгоды» [Сущенко, 1981, с. 11]. 24 февраля 1926 г. председатель Алданского окружного исполнительного комитета в своем письме Комитету по делам северного туземного населения при ЦИК ЯАССР с горечью указывал, «... в связи с золотой «лихорадкой» масса приискателей бросилась в Алданский район, минуя все наши заградительные пункты, где были случаи, когда сбиваясь с правильного пути и настигнутые голодовкой, съедали друг друга. В этот момент была масса похищений у тунгусов запаса продуктов и других необходимых вещей..., что совершенно обнищало тунгусов...» [НА РС(Я), ф.Р-50, оп. 1, д. 645, л. 87].

В первые годы становления золотого Алдана, из общего количества рабочих и старателей, занятых непосредственно на добыче, китайцы и корейцы занимали 64% (более половины всех рабочих). С прибытием из Благовещенска крупных партий китайцев-старателей и корейцев (несколько тысяч человек), восточный рабочий на Алдане становится основным рабочим ядром. Интересно, что горный инженер Орлов в своей беседе с корреспондентом газеты «Алданский рабочий» отмечал, что «нужно определенно сказать, что для старательского труда восточный рабочий подходит больше, чем русский. Китаец (кореец) трудолюбив, очень вынослив (хотя физически слабее русского), не требователен в пище, терпелив и ведет трезвый образ жизни.

Управление Алданскими приисками считает, что все старательские работы на Алдане придется строить, базируясь на восточном рабочем..., на хозяйские же работы, особенно на подземные, восточный рабочий ввиду своей малой физической силы, не подходит» [Алданский рабочий, 1929, 9 июня].

В первые годы советской власти восточные рабочие, да и крестьяне, оставались в большинстве своем иностранными подданными, вид на жительство которым выдавался первоначально на полгода. 1 февраля 1926 г. в Алданском приисковом районе корейцев значилось около 1000 чел. По характеру занятости они подразделялись следующим образом: служащих – 3, рабочих – 3, старателей – 29, из них одна женщина, частной торговлей занимались 19 корейцев (трое женщин), подрядчиками и их рабочими значились 15 чел., работающих ремесленников было 26 (трое женщин). В списках безработных проходили 123 корейца [НА РС(Я), ф.Р-521, оп. 1, д. 12, л. 11]. Вольной разведкой в это время корейцы не занимались. Остальные были вновь приезжими или не имели никакой профессии. Всего населения в Алданском районе, в это время, было 7851 чел. [Там же]. По численности и национальному составу они распределялись следующим образом.

русские – 3902;
украинцы – 98;

якуты – 432;
китайцы – 2010;
корейцы – 982;
кавказцы – 45;
татары – 151;
евреи – 48;
прочие – 183.

Данные численного и национального состава приискового населения показывают, это оно, в основном, состояло из пришлого населения, которое в зависимости от сезона и характера работы постоянно менялось. Надо также отметить, что население Алданских приисков по своему составу с самого начала своего появления являлось интернациональным.

По состоянию на 1 января 1928 г., согласно данным переписи населения, по всем приисковым группам (фактически состоящих на работе), в Алданском районе проживало 8611 чел. Из этого числа русские составляли 4480 чел., якуты – 331, китайцы – 3118, корейцы – 561, прочие – 350 чел.* Корейских старателей значилось 384 чел., рабочих – 31 (в т.ч. 6 женщин), служащих – 5, безработных было 104 (5 женщин) и прочих – 37 корейцев [Там же, д. 106, л. 1].

Как видно из данных о составе населения с точки зрения соотношения полов, то 92% составляли мужчины. «Это объяснялось необходимостью места, – отмечает историк М.М. Хатылаев, – удаленностью от жилых районов, суровостью таежных условий, в которых могли трудиться только сильные, выносливые люди. Те немногочисленные женщины, которые прибыли вместе с мужьями, устраивались мамками в старательских артелях, готовили стол для ее членов за определенную плату в размере 4-5 золотников в месяц с каждого мужчины при готовом содержании. Кроме того, они зарабатывали на стирке и починке одежды старателей» [Хатылаев, 1972, с. 35 – 36].

Добыча золота, в основном, осуществлялась в Незаметнинском, Золотом, Куранахском, Турукском, Ороченском и Джекондинском приисковых управлениях. Основу производственной деятельности треста составляли старательские работы. Но эти работы с каждым годом становились нерентабельными, т.к. они постепенно сокращались из-за тяжелого, непосильного труда старателя, который напрягался на бутарах до 10-12 часов в день. Сокращалась и команда старателей.

Зарплата восточных рабочих снижалась даже до 2-х рублей (в день), хотя этот показатель в 1929 г. дошел до 1361 рубля (в месяц). Рост зарплаты исключительно шел за счет повышения производительности труда, которая в среднем должна была увеличиться на 15% [Алданский рабочий, 1929, 17 июля].

Производительность труда восточных рабочих не была такой низкой, как ее представляли. Интересно привести замечание Лю Бина, который, защищая интересы иностранных рабочих, писал: «Все представители хозяйственных организаций единогласно заявляют, что китаец и кореец мало потребляют жиров,

*Так в тексте. По подсчетам выходит прочих – 121 чел.

слабосильны, медлительны в работе и, стало быть, продуктивность восточных рабочих не сравнить с продуктивностью русского рабочего...

Нет, это неверно. Доказательство: заработок отдельных старателей восточных рабочих снижается до двух рублей. Конечно, при таком заработке о жирах приходится думать меньше всего. Рабочий день старателя восточного рабочего достигает до 12-13 часов...

С другой стороны, при обеспеченном заработке на хозяйских (шахтных – Н.И.) работах и 18-часовом отдыхе в человеческих жилищах и восточный рабочий даст такую же производительность, как и рабочий русский...» [Там же]. Автор предлагал использовать восточных рабочих на хозяйских работах по примеру бодайбинских приисков.

В отчете бюро Алданского окрком ВКП(б) за август 1928 – июнь 1929 г. отмечалось, что за этот период работа среди корейцев и китайцев намного улучшилась. Было проведено три совещания национальных работников, одно совместно с профгруппой, на которых прорабатывались все основные вопросы работы среди националов. Было решено подобрать и подготовить боеспособный актив среди восточных рабочих. В качестве мероприятий, направленных на повышение производительности старательских работ, планом окрком ВКП(б) были намечены: проработка вопроса о возможности производства подготовительных работ на старательских участках за хозяйский счет; применение для производства подготовительных работ экскаваторов; укрепление старательских артелей, с переходом эксплуатации на конные подъемы; снабжение старателей доброкачественным инструментом, инвентарем и наиболее совершенным оборудованием [Там же].

Основу производственной деятельности треста, как и раньше, составляли старательские работы. Дальнейшее улучшение организации, совершенствование методов добычи золота, закрепление кадров были постоянно в центре внимания хозяйственных и руководящих организаций Алданского округа. Одним из злободневных вопросов оставалась, борьба с постоянной утечкой восточных рабочих (старателей), которая приносила много вреда производству. Так, например, до августа 1929 г. в Алданском округе (кроме Тимптона) на старательских работах было примерно 4500 восточников, в хозяйственном секторе работало около 500 чел. В 1930 г. старателей осталось около 2500 чел. Таким образом, старательские артели потеряли около 2000 китайцев и корейцев [Там же, 1930, 15 октября]. Основными причинами ухода стали: трудность получения паспорта и связанная с этим волокита. На Джеконде, например, милиция от националов, принимая паспорта для замены другими (новыми), взымала с них два раза деньги по 6 руб. 50 коп., тогда как нужно было брать только один раз по месту работы. Рабочий кореец Ким-Нан-Гы заплатил и на Джеконде и на Незаметном, а Пан-Ун-Наги не выдержал волокиты и отказался платить деньги дважды за один и тот же паспорт и так его и не получил. Нужно было наладить и проконтролировать через административный отдел работу иностранного стола, который всем этим ведал [Там же, 27 июля].

Следующим фактором, тормозящим работу среди восточников, стало грубое и пренебрежительное отношение к последним со стороны некоторых профсоюзных и хозяйственных работников. К этому можно добавить, что основным препятствием в этих взаимоотношениях стал языковой барьер, т.е. незнание русскими (в основном) восточных языков, а корейцами и китайцами – русского.

24 ноября 1930 г. на прииске Орочен для выяснения причин, тормозящих работу среди восточных рабочих, было создано совещание коммунистов-восточников. Присутствовало 20 человек, многие из которых говорили о существующих неполадках в профсоюзной и хозяйственной работе. Одной из причин увольнения рабочих, выступивший Ли-Ван-Фу отметил невыдачу денег; он говорил о том, что в чеках китайцы не разбираются, им не разъясняют финансовые затруднения и восточники думают, что их труд не будет оплачен. Из-за отсутствия денег они не могут иметь своего специфического питания, капусты, риса и т.п. О проявлениях шовинизма среди рабочих говорил Ли Дмитрий. При распределении товаров первой необходимости, особенно шуб, валенок, мануфактуры и т.д., эти товары, в первую очередь, отпускались русским, а потом уже восточникам. Например, продавец Ермолаев новую пилу давал русскому, а старую националу. Также, на совещании был поднят еще один злободневный вопрос. Это умышленная отправка горнадзором восточных рабочих на дальние забои или назначение их на очень тяжелые участки.

Совещание выбрало комиссию для выработки практических мероприятий по работе среди восточных рабочих, привлечению их к участию в соцсоревновании, ударничестве, по изжитию всех нарушений по отношению к националам. Также подобные совещания было решено проводить чаще [Там же, 29 ноября].

Одной из причин ухода восточных рабочих с прииска Сталинский стала нехватка в зимнее время рабочих лошадей, из-за чего рабочие восточники, в зимнюю стужу и по глубокому снегу на себе подтаскивали в шахту тяжелый сырой лес. Из-за таких тяжелых, нечеловеческих условий, непосильного труда, а также провокаций злостных элементов наблюдался уход восточных рабочих зимой с лесозаготовок, самой необходимой работы в это время года [Там же, 6 июня].

Совещания коммунистов-восточников проходили не только в Орочене, они созывались на всех приисках, где имелись корейцы или китайцы. В ноябре 1931 г. такое совещание прошло в Верхне-Сталинском прииске по инициативе местной ячейки. Был заслушан доклад Ван-Хин-Чжоу о выполнении решений Октябрьского совещания коммунистов-восточников. Из доклада выяснилось, что многие пункты решений совещания не выполняются. Было отмечено, что наличие ряда нездоровых явлений среди самих старателей говорит о слабой массовой работе. Например, в 12-й артели недавно произошла драка между восточниками и русскими. Восточники требовали убрать русского рабочего, который обвинял их во всех грехах. Артель уже 7 дней не выходила на работу. На совещании также были отмечены некоторые проявления шовинизма со сто-

роны завклубом Петрова. Когда наработчик обращался к нему по поводу проведения интернационального вечера, он отнекивался тем, что все оставшиеся в месяце дни заняты под показ кино и т.д. [Там же, 1931, 18 ноября].

В работе по организации старательской добычи золота имелось немало трудностей, не только указанные выше. Надо было их планомерно преодолеть, поставить новые задачи, провести среди населения и рабочих широкую разъяснительную работу, направленную на ускоренное развитие золотодобывающей промышленности. В декабре 1928 г. прошла первая Алданская рабочая конференция, где рассматривались вопросы производственной деятельности не только действующих приисков, но и было принято обращение ко всем рабочим, старателям, ИТР с призывом усилить борьбу за укрепление трудовой дисциплины, за устранение недостатков на производстве [НА РС(Я), ф.П-3, оп. 3, д. 1419, л. 179]. В результате принятых мер по организаторской и идейно-воспитательной работе в 1929 г. началось массовое социалистическое соревнование. Интересно, что в авангарде идей соревнования на приисках активно выступала газета «Алданский рабочий», где регулярно печатались заметки и статьи о ходе соцсоревнования. На страницах газеты можно встретить некоторые интересные материалы о корейцах и китайцах, которые, как и все, активно включились в это соревнование.

Так, 6 сентября 1929 г. газета напечатала статью под названием «Китайцы и корейцы в соревновании впереди всех». Приводятся общие итоги соцсоревнования по Алданскому округу на 15 августа. Далее читаем: «...в соревновании принимают участие исключительно старатели, работающие буторным способом. Соревнуются артели верхнего участка с нижним. Соревновались Золотой, Усмуну-Нимчерканская группа, Орочен, Незаметный и Джеконда.

...Необходимо сказать, что за указанный промежуток времени вперед всех и по производительности, и по количеству выходов на работу оказались старатели Золотого, которые все без исключения восточные рабочие-националы» [Алданский рабочий, 1929, 6 сентября]. Газета призывала всех остальных старателей не отставать от восточников.

В другой статье «Сталинцы чествуют своих первачей» газета рассказывала о вечере, посвященном первым ударникам прииска Сталинский, который превратился в мощную демонстрацию производственного энтузиазма. 12 сентября сталинцы приветствовали лучших своих производственников. Среди 43 передовиков – 14 восточных рабочих. Всем ударникам были «...торжественно вручены подарки – демисезонное и ватное пальто, пиджак, плащ, фуфайка. Все это тут же под аплодисменты одевалось» [Там же, 1930, 16 сентября].

В другой заметке газета приводит интересные данные с Нижнесталинского. Старателей на прииске было всего 180. Это, в основном, китайцы, корейцы и якуты. Из них 70 ударников, 108 соревнующихся. Ушло с приисков с июня по ноябрь 1931 года 40 старателей. Членов союза восточников – 169 чел. Отмечается худшие бытовые условия у восточников, нежели чем у якутов [Там же, 1931, 19 ноября].

Начавшееся соревнование, как известно, развернулось по всей Якутии. Наряду с достижениями в этом всенародном деле были и свои недостатки, хотя их всемерно старались устранить. Еще 24 сентября 1930 г. в газете «Алданский рабочий» была опубликована развернутая статья, посвященная очередным задачам Алданской партийной организации. В ней особое внимание уделено восточникам и коренному населению, которых необходимо было втянуть в соцсоревнование. «До сих пор сознание кадров шло однобоко – указывается в статье – их искали только среди русских рабочих или ожидали извне. Это не годится. Людской материал не может быть отбираем только по национально-территориальному признаку. ...нужно выковывать кадры через посредство соцсоревнования и ударничества, не только среди русских рабочих, но и среди восточников, среди коренного населения.

Вовлекая восточников и коренного населения, не надо делать упор на то, что, мол, они не знают русского языка, малограмотны и т.д. Отмежевываясь от всяких разговоров, нужно выдвигать лучших восточных рабочих и представителей коренного населения на ответственные работы» [Там же, 1930, 24 сентября].

Весной 1930 г. по приискам Алдана в старательских артелях прошла кампания по укрупнению артелей, их коллективизации. Но, эта работа встретила ряд трудностей в плане сопротивления классово чуждых, паразитических, дезорганизаторских, раскулаченных и т.д. элементов. А среди восточных рабочих провокаторы распространяли различные слухи, вплоть до того, что советская власть будет насильно записывать в коллективы, а не на добровольных началах. Организаторы этой кампании разъясняли рабочим, что более укрупненные артели выгодны самим рабочим, потому что предприятие может оказать и более эффективную помощь (постройка кулибины*, конного привода, снабжение конной силой и проч. необходимыми инструментами), тогда как карликовым артелям, разбросанным на мелких участках, при всем желании, предприятие не может оказать крупной помощи.

Разработка бедной и малой площади (4-5 грамм на кубометр) для артели в 10 чел., кроме убытка ничего не могла принести, тогда как артель в 100 чел. могла на этой же доле заработать не меньше, чем на шахтных работах. «Восточным рабочим не нужно бояться коллективизации, – призывала газета «Алданский рабочий» – она опасна и вредна только старшинкам да спекулянтам, которые будут в укрупненных артелях лишены возможности, не работая, получить львиную долю. И наравне с другими вынуждены будут работать.

Товарищи восточные рабочие, знайте, что только коллективизация старательского труда может повысить ваш заработок и облегчить труд, освободить вас из-под влияния классовых врагов, спекулянтов, притоносодержателей, а также и старшинок» [Там же, 14 апреля].

Кампания по укрупнению артелей встретила сопротивление не только классово чуждых элементов, но из-за непонимания на первых порах сути коллективизации были допущены ошибки в организации этой работы. Без достаточного

---

*Кулибина – крупный прибор для промывки золотоносных песков.

учета психологии старателей и условий труда, без соответствующей более продолжительной подготовки и разъяснительной работы организаторы сразу захотели сделать перелом в настроениях рабочих и провести быстрыми темпами эту компанию. Они сами толком не понимали как лучше провести коллективизацию. В результате, например, в Нимнеркане не только восточные рабочие отказались от коллективизации, а пришлось даже вести борьбу с комсомольской артелью, которая начала агитацию против коллективизации. В итоге этой первой кампании вовлечено в коллективы всего 70 чел., а при правильной постановке вопроса могли бы вовлечь в укрупненные артели до 200-250 чел. [Там же, 16 мая].

Перспективы дальнейшего развития золотодобывающей промышленности требовали усиления руководства и помощи этой поднимающейся отрасли народного хозяйства со стороны партийных, профсоюзных и общественных организаций. Особое внимание нужно было направить на интернациональное воспитание рабочих, т.к. Алданский округ с его сложным национальным составом требовал такого подхода в решении межнациональных вопросов. Этому вопросу уделила свое внимание II Алданская окружная конференция ВКП(б). Партийная организация решительно пресекла отдельные проявления предрасудков в отношении рабочих национальных меньшинств, подогреваемых классово чуждыми элементами [Хатылаев, 1972, с. 69]. Эти вопросы затронула и I-я беспартийная рабочая конференция, проходившая в декабре 1928 г. В работе конференции участвовали 102 делегата, из коих хозрабочих – 42, старатели – 30 и служащих – 30. По национальному составу: русских – 68, китайцев – 14, корейцев – 5 и прочих – 15. На конференции заслушали обстоятельный доклад А.П. Серебровского*.

Нас заинтересовало выступление делегатов восточников. Они, как всегда, говорили о своих нуждах и бедах: нет китайских товаров, отсутствуют работники, знающих их язык, бывают случаи грубого обращения с националами, никакой культработы («надо китайцам давать игрушки – читай, играй, отдыхай» – убедительно говорил один выступивший национал). Один делегат упомянул,

---

*Серебровский Александр Павлович (1884–1938) – инженер-механик, организатор промышленности. Активный участник революционного движения. По совету В.И. Ленина в эмиграции получил высшее образование, закончив в Брюсселе Высшую техническую школу и получив диплом инженера-механика. В 1917 г. участник штурма Зимнего дворца, после директор Путиловского завода, а позднее заместитель наркома путей сообщения. С 1920 года – председатель Азербайджанского Совета Народного Хозяйства, председатель правления государственного объединения «Азнефть» (Баку). В 1926 г. – председатель правления Нефтесиндиката СССР. В 1927 – 1930 годов – заместитель председателя ВСНХ СССР. С 1928 года – начальник Главного управления по цветным металлам, золоту и платине ВСНХ СССР («Главзолото»). В 1932 – 1937 годах – заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Репрессирован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г. (Кузнецов В.Б. Жизнь похожая на легенду. К 100-летию МГА // Горная промышленность. – 2017. – №6 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-pohozhaya-na-legendu-k-100-letiyu-mga> (дата обращения: 23.10.2022)).

что в прошлом были случаи, когда отдельные работники запугивали старателей: «Мы тебе покажем кузькину мать, как заявления подавать» [Алданский рабочий, 1929, 13 января].

На открытом партийном собрании ячейки №3, в присутствии 50 чел., был заслушан доклад Дарзина на тему «Национальная политика партии», который кратко обрисовал политику партии в национальном вопросе. Всего выступило 9 чел., из них двое беспартийных. Они говорили о том, что русский рабочий и служащий привык видеть в национале что-то ниже себя. Имелись случаи издевательств над ними, в особенности над китайцами, как в быту, так и на работе. Нередки были случаи, когда приказчики старались сбить националу товар похуже, а иногда и не довесить. В быту своем, многие считали ниже своего достоинства сидеть в кино рядом с китайцем, или извиниться за причиненное беспокойство и т.п.

Собрание решительно указало на недостатки работы низовых партийных, профсоюзных и общественных организаций по интернациональному воспитанию, отметив, что нет новаторского подхода к этому вопросу, многие парторботники и комсомольцы живут по привычкам старого времени, не уяснили еще политики партии по национальному вопросу. Собрание также указало на то, что с самими восточниками тоже надо провести воспитательную работу, чтобы они прекратили спекуляции и перепродажу товаров Союззолото частникам и т.д. [Там же, 9 июня].

Немаловажную роль в политическом просвещении и культурном развитии населения золотопромышленного района играла культурно-просветительная работа. Основная тяжесть этой работы проходила через партийную организацию. Она объединяла всех передовых представителей различных национальностей: русских, татар, якутов, корейцев и т.д. Это не только отражало, но и показывало интернациональный состав населения и характер работы в округе.

В июне 1929 г. состоялся расширенный пленум райкома партии Алдана, на котором наряду с другими вопросами, обсудили состояние дел на культурно-просветительном фронте и работу среди националов. Было отмечено, что если в 1927 г. имелось 5 клубов и 8 красных уголков, то в начале 1929 г. – 6 клубов и 18 уголков. В июле 1929 г. работало уже 8 клубов и 32 красных уголка. Постоянно посещали клуб 615 чел. – из них 47% рабочих, служащих 53%, националов (восточников) 17%. Из-за текучести рабочих кадров и старателей эти цифры постоянно колебались. Клубный и культурный актив в 1927 г. имел – 64 чел., а на лето 1929 г. – 200 чел., из коих 30% восточники [Там же, 31 июля].

По Алданскому округу, начиная с 1924 г. вплоть до 1927 г., каких-либо кружков среди восточных рабочих не было вообще, а в 1929 г. имелись свыше 10 профкружков с охватом около 200 чел., и 3 единых партшколы которые объединяли свыше 60 чел., не принимая во внимание другие виды работы, таких как ликбезы и прочее. Партийная и профсоюзная организации старались уделить особое внимание обеспечению кадрами, владеющими родным языком всех восточников. Передовая и более подготовленная часть национальных ра-

бочих вступала в ряды ВКП(б) и комсомола, вовлекались в активную общественную деятельность. Но при наличии свыше 4-х тысяч восточных рабочих, сеть кружков и охват их далеко не соответствовало действительности и было недостаточным. Отсутствовали партийные и профсоюзные работники и квалифицированные кадры актива, которые могли бы по-настоящему взяться и провести эту работу. Хотя, для национальных рабочих выпускались стенгазеты, выписывались журналы, газеты и т.д., но всего этого не хватало, к тому же не было соответствующей национальной литературы (особенно на корейском и китайском языках), приходилось пользоваться исключительно русской и то лишь частично [Там же, 1930, 12 января].

Среди разношерстного населения Алдана, преимущественно неграмотного, требовалась усиленная культурно-просветительная работа. Эту работу, в основном, начали и повели русские рабочие, как передовая и более грамотная часть пролетариата золотопромышленного Алдана. Ими было организовано общество под названием «Культурная помощь туземным народам». Но вся эта работа, особенно среди корейцев и китайцев, осложнялась отсутствием необходимых кадров национальных работников, «низким культурным уровнем китайцев и корейцев, непостоянным характером их работы, отсутствием помещения для работы и т.д.». Поэтому вся эта работа в течение 1927–28 и отчасти в 1929 г. сводилась к периодическому устройству спектаклей, выпуску стенгазет и посещений кино.

В 1929 г. в пяти основных группах приисков имелись 7 национальных красных уголков и один клуб. Помещения красных уголков далеко не соответствовали своему назначению (темные, неудобные, зимой холодные). Работа, за исключением двух из них, проводилась непланово, т.е. от случая к случаю. В тот год красными уголками было проведено 27 вечеров вопросов и ответов, которые посетили 751 чел., также провели 29 бесед с посещением 278 чел., 29 громких чтений газет и литературы с охватом 293 чел. Эти мероприятия не могли охватить всех восточных рабочих. Надо было на всех ключах и участках с количеством рабочих более 100 чел., иметь свой красный уголок. В районе имелось семь национальных газет с 58 рабкорами. В течение года ими было выпущено 84 номера. За это время специально для восточных рабочих продемонстрированы 54 бесплатных кинокартины с посещением 8100 чел., проведены 56 докладов с охватом 7654 чел. и 42 спектакля, где присутствовало 1300 чел. [Там же, 1929, 31 июля].

Специально для восточных рабочих с Дальнего Востока выписывались ежемесячно 600 экз. китайской газеты «Рабочий путь» и 400 экз. корейской газеты «Авангард», которые бесплатно раздавались рабочим по баракам.

В течение года для корейцев и китайцев выписали 1122 книги, из коих на китайском языке – 1002 и корейском – 120. Эти книги издавались в Москве и откуда отправлялись заказным путем. Кроме того в 20 бараках были установлены радиоточки. Райкомом для развития шахматно-шашечной игры среди восточных рабочих было заказано 20 комплектов шашек (кон-ги), также 20 ком-

плектов военных городков (национальных). По приисковому району имелось 10 русских и 7 национальных стенгазет с объединением 147 рабкоргов [Там же].

В 1930 году культмассовая работа охватила более широкие слои населения. В этот год на всех основных приисках работало уже 18 красных уголков и один клуб, устроено было 63 спектакля и вечера самодеятельности, 136 киносеансов, 13 живых газет, прочитано 147 лекций и докладов. Ими было охвачено более 44 тыс. китайцев, корейцев, эвенков и якутов [Ковлеков, 1983, с. 128 – 129].

В 1926 – 1927 гг. на приисках Алдана началась плановая работа по ликвидации неграмотности не только среди взрослого населения, но и детей школьного возраста. За 1926 – 27 учебный год в Алданском районе в русских школах (Незаметнинская, Томмотская, Золотинская) обучалось 11 корейских детей. А в Незаметнинской 2-х групповой корейской школе было 25 учащихся. Школу посещали 20 корейских мальчиков и 5 девочек. Всего по Алдану обучалось 112 русских школьников, 36 корейских, 12 якутских и 21 тунгусских (эвенкийских) детей. Обучение проводилось на русском, якутском, корейском языках [НА РС(Я), ф.Р-50, оп. 1, д. 4576, л. 48]. В 1928 г. на прииске Незаметный открыли 3-х групповую корейскую школу с 28 корейскими учащимися, с которыми занимался один учитель [Там же, л. 51].

Но надо заметить, что из-за нехватки помещений, школьных принадлежностей, учебников, а также и самих учителей, по всей Якутии шла политика объединения не только школьных классов, но и детей разных национальностей. Так, например, на заседании Комитета по делам национальных меньшинств от 11 апреля 1929 г. был поднят вопрос об открытии отдельной корейской школы в г. Якутске. Однако был получен отказ и в результате постановили: «Существование данной школы как отдельной единицы признать нецелесообразным. Учитывая ходатайство корейского населения об обучении детей корейцев корейской грамоте и разговорному языку – просить горсовет – объединить корейскую школу с какой-либо русской школой, введя в таковой преподавание корейского языка для учеников-корейцев, открыв для них интернат при школе.

Просить Наркомпросздрав об увеличении ассигнований для указанной выше школы и интерната и обеспечение учителем по преподаванию корейского языка» [Там же, д. 4595, л. 9].

Такое же положение наблюдалось и с обучением взрослого населения, хотя и составлялись планы работ на определенное время. По состоянию на декабрь 1930 г. в Алдане из общего количества рабочих 65% являлись совершенно неграмотными, а 23% малограмотными. Большой процент их составляли корейцы и китайцы. Ликвидации неграмотности среди старателей, прежде всего, мешали разбросанность артелей по глухим таежным уголкам, малочисленность ликвидаторов [Алданский рабочий, 1930, 3 декабря]. В начале 1932 г. в Алдане начали действовать добровольные общества МОПРа (Международное общество помощи борцам революции), ОСОАвиахим, «Руки прочь от Китая» и другие. Эта работа проводилась и среди китайцев и корейцев. Они своими усилиями составили план работы на I квартал 1932 г. из 15 пунктов: об организации

драмкружка среди восточников, о работе ликбезов, политкружков, о вовлечении их в добровольные общества и т.д. [НА РС(Я), ф.Р-50, оп. 1, д. 4595, л. 4].

Таким образом, в 1925–1930 гг. в Алданском округе, хотя с трудностями, расширялась сеть культурно-просветительных учреждений с охватом не только всего населения, но и пришлого восточного работали красные уголки, ликбезы, проводилось интернациональное воспитание рабочих по устранении негативных проявлений в межнациональных отношениях и т.д.

Серьезные трудности встречались в снабжении приисков продовольствием и необходимым оборудованием. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием на Алдане местной сельскохозяйственной базы и плохим снабжением товарами и продуктами первой необходимости. Серьезным подспорьем в этом деле могло быть стать индивидуальное огородничество, но оно слабо развивалось, хотя в 1932 г. уже этим делом в Алданском районе занимались 361 рабочий. Зарегистрировано было 17 артелей. В Томмоте и Незаметном имелись две корейские огороднические артели. Из более-менее крупных в хозяйственном значении артелей выделялась одна корейская, которая обработала 10 десятин земли, и в 1929 г. сумела поставить в Союззолото 2000 пудов картофеля и 2000 овса-зеленки [Алданский рабочий, 1930, 30 марта]. В Орочоне имелись 7 национальных артелей по обработке земли с количеством в 25 чел. и 7 артелей по сенокосению. Всего засеяли 12 га земли, накопили 60 тонн сена. Договора по контрактации перевыполнили. Овса-зеленки сдали 68 874 кг, капусты китайской 11 т 872 кг, картофеля 1179 кг, свеклы 16 кг, лука зеленого – 71,5 кг; репы – 210 кг [Там же, 1931, 31 октября]. Огородничеством также занимались продснабы различных организаций.

Хотя эти первые ростки развития сельского хозяйства в Алданском районе смогли доказать возможность разведения сельскохозяйственных культур, они не могли оказать существенного влияния на снабжение приисков. Но время впоследствии доказало обратное. Сельское хозяйство в Алданском районе развивалось широкими темпами, как и сама золотая промышленность.

2.2. КОРЕЙЦЫ – РАСПРОСТРАНИТЕЛИ ОГОРОДНИЧЕСТВА И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ЯКУТИИ

Как известно, корейские рабочие и крестьяне, оказавшиеся по воле судьбы в Якутии, занимались, в основном, огородничеством, хотя, как мы уже писали, многие из них продолжали работать в разных отраслях хозяйственной жизни края и на горных приисках Бодайбо и Алдана.

По данным переписи 1917 г., под огородными культурами в Якутии было занято всего около 1,08% посевной площади с колебаниями от 0,88% у якутов и тунгусов, до 2,2% у русских крестьян и поселенцев. В целом, на территории всей земледельческой полосы Якутии (в Олекминском, Якутском и Вилюйском округах) в 1917 г. под огородными культурами было занято всего 365,25 казенной десятины площади (400 га) [Соколов, 1925, с. 24]. При этом у русских кре-

стьян – земледельцев больше половины всей огородной площади было занято картофелем, а у якутов – почти вся площадь.

Одной из культур, занятие которой успешно начали осваивать корейцы в условиях Якутии, была культура табака. Основной побудительной причиной здесь послужило, на наш взгляд, почти полное отсутствие на местах табака вследствие прекращения поступления продуктов из центра и вызванный этим большой спрос на табак.

В летний сезон 1920 г. табаководством по всей губернии занимались почти все хозяйства корейцев, имевшие свой огород [НА РС(Я), ф.Р-54, оп. 1, д. 50, л. 15], числом около 300 человек. Занятие табаководством было санкционировано Продотделом еще в мае 1920 г., когда приезжие корейцы поставили вопрос о разрешении им заниматься огородничеством. На своем заседании от 10 мая 1920 г. Продотдел, указав на важность и необходимость развития огородничества, в частности, табаководства и находя возможным оставить таких граждан вне всякого контроля и учета и сочтя «необходимым дать поощрения их намерениям», постановил:

Все граждане обязаны уведомить Продотдел о произведенных ими посевах табака в текущем 1920 г., для чего они подают заявление в Продотдел с указанием, где они посеяли и какое количество.

Лица, посеявшие табак, и получившие урожай свыше 20 фунтов, обязаны сдать в Продотдел половину своего излишка урожая табака, сверх 20 фунтов за плату по твердым ценам, в чем означенные лица и дают письменные обязательства Продотделу.

Весь оставшийся после сдачи в Продотдел табак свободен от реквизиций и конфискации, и собственник может им распоряжаться по своему усмотрению, на что Продотдел выдает ему соответствующее свидетельство [Там же, л. 13].

Сбором табака занимался Якутский районный продовольственный комитет (Райпродком), который осенью 1920 г. разослал в Якутский, Вилуйский и Олекминский округа своих продагентов для сбора и учета выращенного табака. Все продагенты снабжались инструкциями и соответствующими наставлениями по учету корейских огородов и сбора урожая.

Лица, уклонившиеся от учета, и скрывшие табак с целью сбыта по ценам, выше установленных Райпродкомом, декретом о спекуляции от 22 июля 1918 г., подлежали лишению свободы от шести месяцев до трех лет и конфискации всего или части имущества. Весь табак подлежал конфискации. Сдавшим табак в пользу государства через Райпродком по квитанции «Холбоса» выдавалось «охранное свидетельство» на оставшийся у них табак, как неподлежащий «отчуждению» и дающий право табаководу владеть и распоряжаться по своему усмотрению [Там же, ф.Р-248, оп. 2, д. 944, л. 4].

Последний пункт постановления Райпродкома, согласно которому разрешалось свободное распоряжение оставшимся табаком, вызвал в Олекминском уезде конфликтную ситуацию, т.к. местный волревком начал «самочинные реквизиции» излишка табака. Об этом сообщал кореец Пон Се, который от имени

116 корейцев, занимавшихся посадкой табака по р. Лене от с. Точильно Олекминского округа до с. Покровска Якутского округа, просил выдать охранное свидетельство против произвола местных властей [Там же, л. 20].

Надо полагать, что урожай табака был собран немалый. Так, например, трудовая артель с. Павловска, состоящая из 38 человек, 29 октября 1920 г. сдала 179 пудов табака, из которых половина осталась у корейцев. 23 октября 1920 г. все они обратились в Продотдел с просьбой выдать им мануфактуры в обмен на 1/3 часть сдаваемого табака, т.к. «многие из них обносились». Однако, просьба корейцев была отклонена [Там же, л. 18]. Всего было собрано 359 пудов 16 фунтов табака [Там же, л. 33]. Неплохой урожай был собран в Сунтарском селении Вилюйского округа, а также в Олекминском округе, где собрали 250 пудов [Там же, л. 79, 124] Пригородные селения г. Якутска сдали в среднем по 25 пудов табаку [Там же, л. 52, 55].

В ходе сбора табака были выявлены случаи припрятывания излишков табака. Такие факты обнаружались в гг. Якутске и Олекминске, селении Кыллах и в других местах [Там же, л. 18, 19, 163]. На табак корейцы меняли муку, мясо, масло и прочее. В связи с этим, 4 февраля 1921 г. райпродкомиссар К.Е. Андреевич вынес частное постановление, в котором предупреждал всех корейцев, что «...если и впредь они будут пользоваться табаком и выданным охранным свидетельством в целях спекуляции, то табак будет полностью конфискован, а сами они будут преданы суду Ревтрибунала за спекуляцию» [Там же, л. 30 – 31]. В ходе проверки, организованной вслед за этим постановлением, у нескольких корейцев было изъято значительное количество припрятанного табака. Подобные меры заставили табакочесов обратиться в местные органы власти с просьбой об отмене постановления от 4 февраля 1921 г. В противном случае корейцы, для части которых выращивание табака являлось единственным средством существования, собирались покинуть Якутию. Организованное отстаивание своих интересов корейскими табакочесами и «табачный голод» в Якутии обусловили скорую отмену постановления райпродкомиссара.

Межведомственное совещание, состоявшееся 10 марта 1921 г., указав, что табакочесовство в Якутии только прививается и «что корейцы в области огородничества и табачной культуры явились пионерами и учителями, и уход их из губернии самым вредным образом отразится на огородничестве вообще», постановило: «возвратить у корейцев задержанный табак..., имея ввиду, что ими... половина урожая табака сдана на склады продорганов и посему оставшийся у корейцев табак не подлежит реквизициям и конфискациям» [Там же, д. 952, л. 36].

Первые опыты и результаты огородничества и табакочесовства обнадежили местные власти тем, что если браться за это дело серьезно, то можно ожидать в будущем хорошего урожая. 19 сентября 1920 г. состоялось объединенное заседание Губземотдела с представителями советских учреждений и заинтересованными лицами по вопросу о расширении в 1921 г. площади посева табака и огородных овощей. Открывая заседание, председатель собрания М.Ф. Слепцов

сказал, что «...переживаемый страной промышленно-экономический кризис вообще, уменьшение ввоза в губернию предметов культурного производства в частности, вызывают весьма серьезные затруднения в хозяйственной жизни края». Далее он подчеркнул, что весьма важным и неотложным вопросом момента является вопрос о поднятии производительности труда в губернии, отметив острую потребность населения в табаке, он предложил расширить площади посева табака, используя для этой цели весьма пригодные так называемые «этехи» (унавоженные древние якутские усадьбы), отнесенные к негодным участкам в сельскохозяйственном отношении. Главным препятствием в расширении табаководства, по мнению выступающего, служило «...отсутствие у населения специальных знаний» и нехватка инструкторов [Там же, ф.Р-54, оп. 1, д. 50, л. 15].

Выступивший затем Лебедев согласился с вопросом о расширении производства табака, но, отметив пагубность табака для здоровья людей и как орудие спекуляции, счел нужным: «...организовать как можно больше советских хозяйств (плантаций), пригласив в качестве инструкторов проживающих в пределах края корейцев, а также оказывать всемерную поддержку артелям и коммунам» [Там же, л. 16].

Представитель корейцев Пак Кун Сик заявил, что они вполне могут остаться и отдать все свои знания и труд, если будут предоставлены все условия для работы.

После некоторых дискуссий собравшиеся пришли к выводу, что для расширения производства табака нужно организовать и всемерно поддерживать артельные и коммунальные хозяйства, не препятствовать их деятельности, а также принять полностью все предложения корейцев. Кроме того, было принято решение о повсеместном расширении советских огородов, «в связи с возможным установлением овощного кризиса».

Решения объединенного заседания Губземотдела и представителей советских учреждений от 19 сентября 1920 г. имели большое значение в судьбах якутских корейцев. Они обусловили дальнейшее распространение корейских семей в якутские улусы, где значительная часть из них осела надолго.

Местными органами и Губземотделом в 1921 г. была проведена целенаправленная работа по расширению выращивания картофеля, овощей и некоторых технических культур. Провели широкую агитационную работу среди местного населения, заключили со многими корейскими огородниками договор по выращиванию овощей и табака. Расширилась география занимающихся огородничеством. Корейцы целыми семьями выезжали в отдаленные улусы Вилюйского и Олекминского округов, группами осели в селах Амга и Майя [Там же, ф.Р-248, оп. 2, д. 859, л. 12, 14, 16]. По распоряжению Распредотдела через Райпродком изъявившим желание заниматься огородничеством корейским крестьянам отпускалась «одна чашка с блюдцем и по два аршина мануфактуры на каждого огородника и члена семьи за наличный расчет» [Там же, л. 20].

29 марта 1921 г. был заключен договор между Райпродкомом и корейцами об условиях огородничества. Корейцы обязывались посадку картофеля и таба-

ка производить равной площадью посева своими семенами. Из полученного урожая табака и картофеля – половина сдавалась Райпродкому: табак по цене 600-800 руб., в зависимости от качества, и пуд картофеля – по цене 28 руб. [Там же, л. 27]. Райпродком обязывался оказывать корейцам всемерное материальное и техническое содействие. Эта установка была разослана всем заинтересованным органам власти на местах, где расселялись корейцы.

По данным на 21 апреля 1921 г., подотделом заготовок были заключены договора со 159 корейцами и 8 русскими, которые должны были обработать приблизительно 80-100 десятин огорода. Организовался советский огород на 50 десятин [Там же, л. 59]. В Олекминске 24 июля 1921 г. изъявили желание заниматься огородничеством 162 человека, из них 110 корейцев и 11 китайцев [Там же, л. 97]. Здесь активно работало правление союза корейских огородников, активными членами которого являлись Кан Мен Хо и Ни Хан Си [Там же, ф.Р-216, оп. 1, д. 306, л. 152].

25 апреля 1921 г. исполняющий обязанности предгубревкома Зайцев и райпродкомиссар К.Е. Андреевич издали приказ, в котором призывали местное население отнестись к корейцам доброжелательно и попытаться научиться у них ведению огородничества. В приказе предписывалось, чтобы волостные и наслежные ревкомы оказывали полное содействие огородникам- корейцам «как в подыскании удобных земель, так и в оборудовании огородов инвентарем и живой силой. Виновные в невыполнении сего как люди, препятствующие восстановлению и обновлению хозяйств, будут предаваться суду» [Ленский коммунарь, 1921, 28 апреля].

Корейцы-огородники через Распредотдел снабжались продуктами на 6 месяцев по 1-ой категории за исключением мяса и масла. Так, в июне 1921 г. продукты получили корейцы И-У-Бэ-Чи, Чим Ен Дюни, И-Е-Бэ-Чи, И-Ю-Па, Чим Ен Си и Чим Чюн Нэми [НА РС(Я), ф.Р-248, оп. 2, д. 859, л. 89].

Сохранился учетный список корейцев-огородников, заключивших договора с Губпродкомом на посев табака, конопли и картофеля – в 1-м и 2-м Нерюктяйском наслегах – 29, в Хоринском – 9 и в Хаптагайском – 38 корейцев [Там же, д. 422, л. 28, 30].

В феврале 1921 г. в г. Якутск из г. Олекминска прибыли 60 корейцев-огородников, которые были направлены для организации советских огородов, а некоторых распределили для работы в местных хозяйствах и на складах Загототдела. В апреле четверо из них работали на сортировке картофеля в овощном отделе Продкома [Там же, д. 952, л. 38; д. 1011, л. 85]. Советскому огороду выделялось 35 десятин хорошей земли, изыскивалось семена: табачных – 10 фунта, картофеля – 400 пуд., конопли – 10 пуд., и мака – 3 фунта [Там же, д. 952, л. 38]. На содержание служащих и 60 корейцев в течение 6 месяцев запрашивалось 96592 рубля. Было выделено 10 лошадей. Кроме того, продком просил земотдел отпустить «лопаты, мотыги, ведра, лейки, водовозки, топоры, черпалки, плуги, бороны, грабли железные, бочки для воды, сбрую на 10 лошадей, посуду чайную, кухонную, пекарскую и дрова для кухни» [Там же].

Таким образом, летом 1921 г. почти все корейцы были задействованы на сельскохозяйственных работах. Основная часть из них занималась разведением огородных культур и табака. Многие корейцы разъехались по деревням и селам, расположенным по берегам и долинам реки Лены. В г.Якутске оставалось только несколько десятков огородников. Партячейка корейских коммунистов практически прекратила свою деятельность до осени 1921 г. 30 мая 1921 г. председатель корейской секции Ким Ю Мей информировал губбюро РКП(б) о том, что в комячейке из 7 членов и кандидатов партии остался он один, остальные 6 коммунистов «в командировке по секретным надобностям» [Там же, ф.П-2, оп. 1, д. 592, л. 2]. На общем собрании членов и кандидатов РКП(б) корейской секции от 2 июля 1921 г. секретарем комячейки избрали Ким Ю Мей [Там же, л. 3]. В постановлении было сказано, что «...ввиду малочисленности членов и кандидатов РКП избрать только одного секретаря». Заместителем избрали Никонова. В «секретных» командировках числились корейцы, которые ушли в Охотскую экспедицию еще весной 1921 г.

Летом и осенью 1921 г. приток корейцев в Якутию несколько увеличился. Это объяснялось, прежде всего, продолжением Гражданской войны и борьбы с японскими интервентами на Дальнем Востоке.

В сентябре 1921 г. корейская секция объединяла в своем составе уже около 700 человек, проживающих на территории губернии [ГАНУ, ф. 1, оп. 1, д. 138, л. 40]. Поток корейцев увеличился. Это объясняется, прежде всего, возможностью в местных условиях подыскать какую-нибудь работу и заняться сельским хозяйством, а также о расширении Гражданской войны на Дальнем Востоке. В августе 1921 г. в Якутск прибыли около двадцать семей корейцев. На постоянное место жительства в городе устроилась семья корейского подданного Юн Пи Ри, состоящая из 6 человек [НА РС(Я), ф.Р-61, оп. 1, д. 83, л. 50, 59]. Многие сразу устраивались на работу или становились добровольцами в красноармейские части. Кореец Ин Тянь Унь Ха 15 сентября 1921 г. устроился на работу в овощной склад Загототдела. Чо Юнь-би был назначен сторожем для охраны имущества совгородов. Продинспектором отдела заготовок был зачислен кореец Хан Пион Куки, который с 20 декабря был переведен на должность конторщика [Там же, ф.Р-248, оп. 2, д. 411, л. 246, 310, 337].

Осенью 1921 г. корейские огородники собрали значительный урожай картофеля, овощей и табака. В центральный склад Губсоюза «Холбос» 20 декабря 1921 г. 36 корейцев табаководов сдали 154 пуд. 16½ ф. листового табака. Всего они заготовили более 300 пудов табака. Якутские корейцы обязались сдать к 12 сентября 45 пудов 20 фунтов картофеля, 90 пудов 31 фунтов табака, весь урожай конопли и возратить 35 пудов 36 фунтов семян [Там же, д. 422, л. 38, 39]. Кроме того, в г. Якутск значительное количество картофеля, капусты, табака и свежих овощей поставляла корейская трудовая артель, созданная в Хаптагайском наслеге Восточно-Кангаласской волости [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 1, д. 519, л. 193].

Из Олекминска сообщали, что с 15 по 31 октября в Заготконтору поступило 197 пудов 34 фунта листового табака [НА РС(Я), ф.Р-248, оп. 2, д. 418, л. 3].

В свою очередь из Якутска завфармподотделом Петров просил олекминских заготовителей посредством товарообмена принимать у корейцев и китайцев опий (опиум) для Губздрави, согласно договора с Продкомом. Опииум применялся для лечебных целей [Там же, ф.Р-950, оп. 1, д. 59, л. 220].

Рис. 1. Сбор опиума на корейских культурах в с. Ново-Покровском на р. Амга [Бенуа, 1930, с. 329].

В нашем распоряжении нет сведений, которые бы указывали на использование корейцами конопли для производства наркотиков. А что касается мака, то эта культура, в основном, выращивалась для выработки опиума, как для курения, так и в медицинских целях. Однако, уже в 1922 г. был наложен запрет на посев мака и производство опиума, которое раньше разрешалось для применения в лечебной практике. 11 апреля 1922 г. было издано постановление, в котором, в частности, указывалось: «...В целях предотвращения распространения опиокурения среди населения, разрушительно действующего на народное здоровье, категорически воспрещается на территории Якутской губернии посев опийного мака и производство опиума кем бы то ни было и ввоз такового в пределы губернии. Лица, уличенные в производстве опиума, торговле и распространении курения опиума среди населения будут предаваться суду по всей строгости законов военно-революционного времени с конфискацией всего имущества и высылкой из пределов республики» [НА РС(Я), ф.Р-950, оп. 1, д. 143, л. 135].

В 1922 г. под общим руководством губзема и усилиями самих корейских крестьян огородничество и табаководство в Якутии приняло более организованный характер. Площади посадки овощей и засева табака намного расширились, появились первые огородные артели и коммуны. Они создавались на базе заброшенных кулацко-тоионских имений и в неиспользуемых старинных усадьбах (етехэх) Это были практически маломощные и технически

невооруженные хозяйства, сажившие немного картофеля, овощей, засевавшие на очень больших участках табак, коноплю и содержавшие мало скота. Они образовывались под разными наименованиями, влачили жалкое существование, некоторые даже сразу распадались. Но эти маленькие на первых порах сельхозобъединения представляли собой первые ростки социалистического и колхозного сектора в сельском хозяйстве, свидетельствующие о начавшемся стремлении пробуждающихся беднейших якутских, в т.ч. и корейских крестьян, к новым формам ведения хозяйства.

Вся кампания по расширению и распространению огородничества и табаководства в области диктовалась не только трудным военно-политическим положением республики, но и хозяйственной разрухой, отсутствием товаров-продуктов первой необходимости. Положение усугублялось тем, что не было постоянного поступления товаров. Все эти трудности военного времени, вынуждали местные власти принимать экстренные меры по ограничению выделения товаров-продуктов населению и искать любые пути выхода из затруднительного положения.

10 апреля 1922 г. вышел приказ командующего вооруженными силами Якутии, обращенный к воинским частям и учреждениям военного комиссариата, в котором строго было указано, что «ввиду крайнего ограниченного запаса табака и полного отсутствия крупы в продмаге, вверенного мне комиссариата, а также невозможности приобретения их в гражданских продорганах и где-либо по Якутской губернии», приказывалось с 1 мая выдачу фронтовой нормы табаку уменьшить до размеров тыловой, т.е. до 3-х золотников в сутки на человека и положенную фронтовую и тыловую норму крупы заменить пшеничной мукой, выдавая за один фунт крупы один фунт пшеничной муки [Там же, д. 54, оп. 1, д. 461, л. 1, 3]. В последующем, военному командованию пришлось привлечь к огородничеству и самих красноармейцев, которые занялись не только посадкой картофеля, но и овощей.

Президиум губернского сельскохозяйственного отдела 24 марта 1922 г. утвердил единый устав огородных артелей. В 12 пунктах устава были четко указаны права и обязанности каждого члена огородной артели. Артель управлялась общим собранием ее членов. Прием членов и исключение из артели производились по постановлению общего собрания. Каждый вступающий в артель по своему усмотрению отдавал часть своего живого или твердого инвентаря в распоряжение артели для общего пользования. Всеми делами распоряжался староста. На него возлагался учет всех средств, находящихся в распоряжении артели, распределение между членами текущей работы. Кроме того, староста распределял наличные товары и продукты, согласно решению общего собрания коллектива. На время посадки и уборки огородов, под контролем местных властей, в артели разрешалось применение наемного труда. Членом огородной артели мог стать любой человек, достигший 18-летнего возраста [Там же, д. 463, л. 3; д. 465, л. 3].

В Губземотделе 15 апреля 1922 г. была зарегистрирована первая корейская сельскохозяйственная артель «Лонг-Занг» из 6 человек. Членами артели явля-

лись семья корейца Пак Кын Ци 46 лет: его жена Кинь Ти Но, сын Ан Доган Ги – 12 лет, члены – О-ио Неги, Кинь Дэ Янь и Пак Тэ Он [Там же, ф.Р-190, оп. 1, д. 15, л. 131]. 29 апреля 1922 г. была образована другая огородная артель «Труд» из 5 корейцев. Старостой артели утвердили корейца Хан Пион Куки. В ее состав входили, кроме него, крестьяне И-ден Нери, Хан Кен Муни, Ким Чен Себи и И-кван Хени [Там же, ф.Р-54, оп. 1, д. 452, л. 1, 2]. Артель имела одну корову и одну лошадь, два топора, трое граблей. Губземотделом было выделено пустующее место около бывшего архиерейского огорода [Там же, д. 462, л. 2].

10 мая 1922 г. состоялось общее собрание корсекции при Губбюро РКП(б). На собрании присутствовали 45 членов секции, ее ответственный руководитель А. Гольдштейн, секретарь Ким Ю Мей и представитель подотдела колхоза (земотдел) Синявин. Был рассмотрен вопрос об организации огородных артелей из членов корсекции и об удовлетворении их земельными угодьями для посадки картофеля и засева табака. Собравшиеся с интересом заслушали обстоятельную информацию работника земотдела Синявина. В постановляющей части своего собрания члены корсекции единодушно приняли следующее решение:

«1. Предложить членам корсекции организоваться в артели с количеством членов не менее 4 трудоспособных лиц.

Возбудить хозяйство перед земотделом об удовлетворении артелей земельными угодьями, по возможности, ближайшими участками, прилегающими к г. Якутску и охраняемые воинскими частями.

Просить земотдел об удовлетворении организуемых артелей потребным для них количеством огородных семян, [а также] табачными, картофельными и хлебными.

Просить земотдел разрешить артелям заключать частные договора с крестьянами с. Марха на землю, не находящуюся в ведении Мархинского общества.

Просить земотдел урегулировать вопрос об удовлетворении корейских огородных артелей продуктами Губсоюза «Холбос», с производством расчета за полученные продукты по реализации урожая» [Там же, ф.Р-94, оп. 1, д. 63, л. 115].

В тот же день было заказано требуемое количество семян в Губсоюзе «Холбос», зарегистрированные артели снабжались семенами бесплатно, а частные лица должны были покупать за наличный расчет в «Холбосе».

С обнародованием совместного решения Губземотдела и корсекции об организации огородных артелей весной 1922 г. вокруг г. Якутска возникло около десятка артелей корейских огородников. Такие объединения стали появляться в пригородных селениях, а также в других местах. Так, например, 26 мая 1922 г. в с. Маган местные корейцы образовали огородную артель из 6 человек, на основании заключенных договоров под аренду земельных угодий у крестьян этого села. Артель была зарегистрирована 7 мая под названием «Корейская» [Там же, ф.Р-54, оп. 1, д. 462, л. 2].

На заседании коллегии Земотдела ЯАССР от 29 мая 1922 г. зарегистрировали очередную артель «Труд» со старостой И Юн Дяй. Артель занималась обработкой земли, взятой в аренду у военного ведомства, в трех верстах от

г. Якутска, за электростанцией [Там же, д. 485, л. 1]. Члены артели: Хон Ке Сени (47 лет), Ким Дя Юни (35 лет), Чой Хен Дэни (40 лет), Ким Хак Севи (48 лет), все холостые. Лошадей, сельскохозяйственных орудий и прочих предметов для обработки земли в распоряжении артели не имелось [Там же, л. 1 – 2]. Вспашку земли и посадку картофеля корейцы провели совместно с выделенными для помощи им военным командованием красноармейцами, которые, в то же время, охраняли корейских крестьян и их огороды от возможного налета белоповстанцев. 15 июня 1922 г. отдел сельскохозяйственной кооперации при Наркомате земледелия ЯАССР зарегистрировал огородную артель «Нонхое». Старостой утвердили Андрея Ивановича Яныгина (он же Ден Кым Нени), членами: И Хо-е, Ко Чи-о, Коц Дем Шени и Хван Ени. Кроме них в артель были включены Надежда Николаевна Яныгина и ее мать Анна Васильевна. Артель в своем хозяйстве имела одну корову, двух телят, две лошади, четыре топора, три лопаты, четыре грабли и две пилы [Там же, д. 460, л. 15].

Таким образом, все создаваемые в 1922 г. артели проходили обязательную регистрацию в Якутском Губземагделе, который наделял их земельным участком, по возможности снабжал необходимым инвентарем, отпускал семена для посева, а более крупным артелям оказывал помощь в приобретении рабочего скота. В свою очередь, корейские артели обязывались поставлять для государственного перераспределения или продавать по прямому договору отдельным советским учреждениям и организациям часть произведенной в огороде продукции. Остальной урожай распределялся между членами артели, поступал на городской рынок. Корейцы половину отводимой им земли в обязательном порядке должны были засаживать картофелем, используя для этого собственные семена, и полученный урожай сдавать по твердым ценам Продовольственному комитету [Там же, ф.Р-248, оп. 2, д. 859, л. 27].

Спустя 4 года, обследуя Якутский округ, участник Якутской экспедиции АН СССР К.А. Бенуа высоко оценил корейские плантации. Он писал: «плантации корейцев... разбиты на усадебных землях, арендованных у русских крестьян и якутов-землевладельцев. Здесь мы видим образцовые культуры табака – махорки и мака в правильных рядах, без единой сорной травинки, а всегда с взрыхленной поверхностью почвы. Мак возделывается ими, главным образом, для получения опиума, отчасти и на семена. Кроме того, корейцы разводят еще картофель и некоторые овощи, всегда без гряд широкорядными посевами. Из овощей встречается у них даже китайская капуста «Пей-Тсай», правда, за недостатком влаги довольно слабо развивающаяся. Все семена культивируемых ими растений вывезены ими с их родины, даже иногда и картофель (ново-покровская на реке Амга). Табак на семена выращивается ими отдельно в особых парничках из заранее выгнанной рассады» [Бенуа, 1929, с. 232].

Корейские крестьяне, подчеркивал автор, показали своими огородами, что эта отрасль земледелия при внимательном и трудолюбивом к ней отношении не только рентабельна в условиях якутского климата, но может быть доведена

до высокой степени доходности интенсивною культурою таких ценных бахчевых растений, как огурцы, дыни и арбузы.

Тем не менее, главным продуктом их производства являлся табак, цена которого в готовом к употреблению виде колебалась от 14 до 18 рублей за пуд. Арендная же плата за участок составляла, обыкновенно, не менее 80-100 руб. (площадь около $\frac{1}{2}$ – $\frac{3}{4}$ га). По всей видимости, плантации давали хорошие результаты – окупали затраты на производство и давали чистый доход, поскольку в течение зимы корейцы ничем не занимались и не имели никакого другого заработка [Бенуа, 1930, с. 327].

Предположение К.А. Бенуа о рентабельности земледелия в условиях якутского климата оправдалось и в дальнейшем. Корейские крестьяне, умело осваивая якутскую землю, выращивали хороший урожай, учили этому делу и земледельцев Якутии, создавали новые сельскохозяйственные артели. Так, до 1932 г. в центральных районах появились более десятка новых артелей, заключивших договора с Наркомземом ЯАССР. Некоторые из них с энтузиазмом брались за работу, а другие, едва появившись, распались по разным причинам.

Рис. 2. Операция прищипывания табака на корейской плантации [Бенуа, 1930, с. 327].

14 декабря 1926 г. между Наркомземом (в лице Афанасия Петровича Рязанского) и представителем вновь созданной корейской артели «Ден-Дин» во главе с Тянь-Шен-Дю был заключен контракт из 8 пунктов. По первому пункту указывалось, что Наркомзем сдает в аренду на 6 лет артели «Ден-Дин» $55\frac{1}{2}$ хлебопахотной земли, состоявшей раньше во временном пользовании артели «Пахарь». Корейцы брали землю в аренду под хлебопашество, огородничество и посев табака. Артель обязывалась «вносить в доход Якутской республики, по одному рублю золотом за каждую десятину в год, а всего по 55 руб. 50 коп. в

год». Также договаривались «землю содержать в исправности, не допуская ее до засоренности, израстания кустарником и лесом».

К сожалению, через два года, т.е. 14 декабря 1928 г. договор был расторгнут по вине представителя корейцев Тянь-Шен-Дю, который выехал за пределы республики, оставив на произвол судьбы членов своей артели [НА РС(Я), ф.Р-55, оп. 9, д. 87, л. 1 – 2].

10 мая 1927 г. заседание комиссии национальных меньшинств рассмотрело просьбу корейских и русских общин о выделении им приусадебных участков вблизи г. Якутска. Комиссия постановила: «Учитывая, что корейцы и русские являются переселенцами и переходящими к оседлой жизни, решено Мархинскому сельсовету поднять вопрос перед Мархинским земобществом о закреплении хотя бы на арендных началах за трудовыми хозяйствами корейцев и русских усадебных площадей под ими приобретенные дома». Эта просьба была впоследствии удовлетворена. Вообще в эти годы вокруг г. Якутска появились несколько артелей и хлебопахотных коммун [Там же, ф.Р-50, оп. 1, д. 4588, л. 3об.].

Надо отметить тот факт, что Комиссия национальных меньшинств при ЯЦИК через Земотдел до 1932 г. напряженно и вплотную занималась земельными вопросами. Рассматривались разные вопросы, вплоть до расторжений договоров, многочисленные жалобы, просьбы о выделении семян и т.д.

21 апреля 1928 г. Комиссия нацменьшинств решила наделить корейскую артель «Дондин» (трудовая земледельческая) в постоянное пользование арендуемую ими землю (покосную, пахотную) в количестве 55½ дес. с последующим дополнением до полной трудовой нормы через Наркомзем. Этим же решением трудовой земледельческой артели «Дондин» через Мархинское кредитное товарищество выделено 50 пудов семенной ссуды, а также потребное количество семян картофеля через Якутский сельсосоюз [Там же, л. 11].

Из этих решений видно, что Комиссия нацменьшинств старалась помочь вновь создаваемым артелям, решая все возникающие вопросы положительно. В Якутске в это время, в частности в 1932 году, действовали несколько десятков артелей (русских, якутских, корейских и др.). Интересно привести некоторые данные о корейцах, проживавших в г. Якутске и в окрестностях в 1932 г. Хотя они и были маломощными, но существовали несколько корейских артелей таких, как «Взаимопомощь», артель инвалидов, «Восток», «Красный огород» (7 человек), «Вперед» и др. В городе корейских рабочих было 53 человека, крестьян – 7, один торговец, две домохозяйки. В общественной столовой работал один кореец, были 2 пекаря, 4 парикмахера, 2 углежога, одна прачка, один работал караульным Горсовета, один кочегар, один милиционер, много было безработных. По анкетным данным 13 корейцев служили в Красной Армии, 4 партизанили [Там же, д. 4621, л. 32].

В Мархе в это время проживали 52 корейца. Из них 20 рабочих, остальные – крестьяне. 20 человек занимались огородничеством и хлебопашеством. В Заимке значились 14 корейцев [Там же, л. 33 – 34].

Говоря о Комиссии нацменьшинств, можно привести один интересный документ, рассказывающий о внимании руководящих органов к распространению огородничества. 29 августа 1930 г. в газете «Алданский рабочий» было опубликовано обращение Президиума ЯЦИК Алданскому окрзему с просьбой: «... подобрать артель из 10 чел. китайцев или корейцев, знакомых с огородничеством, и немедленно отправить их за счет ЯЦИКа в Якутск для постоянной работы по разведению корнеплодных культур».

Интересно будет наверно рассказать и о судьбе корейской сельскохозяйственной артели Кянтикского наслега Вилюйского района, которая подверглась ущемлению со стороны местных властей. Артель состояла исключительно из рабочих-горняков и бывших партизан. В 1928 г. корейцы образовали артель «Булуук» во главе с корейцами Тимофеем Ким-Кино и Василием Чемексон. Они уставно оформились, объединив 7 корейских хозяйств. Все они были семейными, жены на якутках, имели от 1 до 2-3 детей. Жили бедно. Земельные наделы получили в марте 1929 г. при земпеределе. Начиная с 1928 г., корейцы путем расчистки расширили свой участок до 3,5 га. Занимались табаководством, сажали картофель, растили капусту, лук и пр. Нанимали до 4-х человек рабочей силы.

В 1932 г. артель «Булуук» посадила табак на площади 1 га и на 1 га хлеба. Собрали 70 пуд. хлеба и около 180 пуд. табака (160 пуд. сдали кооперации). При сдаче хлеба была допущена ошибка и корейцы остались не только без семян, но и без продовольственного хлеба.

Местные власти корейцев обвиняли в национализме (на этой почве двух членов артели раскулачили – председателя артели – бывшего партизана и активиста – ударника), за то, что они в свою артель не принимали якутов. Несмотря на это, по инициативе партячейки, были влиты в корейскую артель 5 якутов, без согласия основных членов артели. Корейцев также обзывали спекулянтами, за то, что они табак (вынуждено) обменивали на мясо, молоко, масло и пр.

Эти негативные факты были доложены по инстанциям, после чего поссовет и артель подверглись обследованию Вилюйского райкома и райисполкома. По окончании проверки общее собрание граждан Кянтикского наслега (98 чел.) признало ошибку и вынесло ряд предложений по улучшению состояния артели, а также по вопросу межнациональных отношений. В одном из пунктов постановления указано: «...повести борьбу с искусственным объякучиванием корейской артели против воли и желания основных членов артели» [Там же, д. 4618, л. 5, 7, 8]. Таким образом, инцидент был исчерпан и решен положительно в пользу корейской артели. К сожалению, дальнейшая судьба артели нам неизвестна. Но факт, что корейцы занимались огородничеством и в дальних окраинах Якутии, очевиден.

Заканчивая этот раздел, можно с большой уверенностью сказать, что корейцы в трудных условиях якутской действительности упорно осваивали этот край, занимаясь своим традиционным занятием – земледелием, в частности – огородничеством и табаководством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы вкратце попытались проследить в кратковременной исторической ретроспективе жизнь представителей корейского народа, которые в условиях далекого Севера смогли освоить эту холодную мерзлотную землю и своим трудолюбием выращивать здесь разные овощи и технические культуры, а также встать у истоков золотой промышленности. Проанализировано формирование корейской диаспоры в Якутии в первые годы советской власти, показаны создание и деятельность корейской партийной ячейки, участие корейцев в Гражданской войне, освоении золотого Алдана, занятие земледелием корейских крестьян, создание и деятельность первых корейских сельскохозяйственных артелей на территории Якутской республики, начальный этап расселения корейцев по улусам республики и меры местных властей в этом направлении, призванные помочь оседанию их в новых условиях и землях.

Изложенный материал приводит нас к следующим выводам:

1. Начавшаяся миграция корейцев на Север с Дальнего Востока (в основном), вызванная захватом Кореи Японией, выросла в национально-освободительную войну и после Октябрьских событий и начала Гражданской войны в России переросла у значительной части корейского этноса в борьбу за идеи большевизма и социализма. Наглядным примером этого является участие корейцев в военных операциях 1920–1922 гг. на территории Якутской республики, когда большинство корейцев без колебаний перешло на сторону большевиков. Этот момент обусловил в последующем благосклонное (до известных событий 1937 г.) отношение властей к корейцам, что, в конечном итоге, имело определяющее значение в распространении, развитии и оседании некоторой части корейской диаспоры в Якутии.

2. Создание и деятельность партячейки при Губбюро РКП(б) стало одним из наиболее значимых событий в истории корейцев в первые годы советской власти. Создание корейской секции позволило в какой-то степени успешно решать как задачи слияния корейцев с местным населением, взаимодействия с политическим и хозяйственным руководством республики, так и задачи консолидации корейцев под руководством авторитетной и дееспособной организации, умело отстаивавшей интересы корейцев в иноязычной среде в сложных условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи.

3. Наряду с чисто политическими и конкретными задачами, корейская секция занималась и бытовыми проблемами, уделяла повседневное внимание воспитанию молодежи, ликвидации неграмотности. Практическая деятельность корейской секции выходила и за рамки тех задач, которые она поставила перед собой в момент организации. На самом деле корейская секция направляла, координировала и руководила хозяйственной деятельностью, культурной и просветительной работой практически всех населяющих Якутию корейцев, как самостоятельная ячейка активно влияла на политическую организацию корей-

цев, целенаправленно отстаивала их интересы. Она помогла корейцам быстро и сравнительно безболезненно адаптироваться к местным условиям в новой обстановке, сохранить у корейцев чувство взаимоподдержки, заложила основы для успешного существования корейской диаспоры в Якутии.

4. Большой вклад корейцы внесли в освоении золотого Алдана. Их неимоверно тяжелый старательский труд стало залогом становления золотопромышленности в Южной Якутии. Вместе с другими национальностями огромной России корейцы проходили интернациональное воспитание, переносили все тяготы и лишения первых лет становления золотой индустрии Якутии. Они были также пионерами сельскохозяйственного освоения алданской земли.

5. Если основой политической жизни корейцев в Якутии стала решительная поддержка большевиков, идей Октября и национально-освободительного движения, то основной хозяйственной жизни корейцев в Якутии стало их традиционное занятие – земледелие, в частности, огородничество и табаководство. Корейские земледельцы, несмотря на свою малочисленность, сумели оставить свой неизгладимый след в истории земледелия в Якутии. Наряду с картофелеводством, они успешно занимались овощеводством, выращивали также бахчевые культуры. Корейцы стали первооткрывателями выращивания в условиях Якутии табака, мака, других технических культур, опытное значение которых в настоящее время можно поставить вровень с их хозяйственным значением.

6. Официальное признание корейцев как отдельной этнической общности со своей самобытной культурой и хозяйственными навыками, могущими найти полезное применение в условиях Якутии, обусловило их последующее расселение в якутские улусы. Расселение корейцев по улусам не было добровольным. Однако прямое насилие также не допускалось. Корейские земледельцы были поставлены в условия, когда расселение на новые земли оставалось почти единственным выбором между выездом за пределы республики или их оседанием в ее пределах. Значительная часть корейцев выбрала последнее. Они связали свои судьбы с Якутией, потомки их, обьякутившиеся или обрусевшие, однако сохранившие свой корейский менталитет, составляют в настоящее время костяк корейской диаспоры в нашей республике.

7. Как известно, отход от ленинских идей и политики и утверждение диктатуры Сталина привели к прямой физической расправе с корейскими партийными, государственными и военными кадрами, а также с деятелями науки и культуры, и живущее на советском Дальнем Востоке корейское население стало первой в стране репрессированной нацией. Эта волна репрессивных мер также задела и Якутию. Начиная с 1937 г., на основе ложных обвинений, корейцы Дальнего Востока были насильственно переселены в различные районы Средней Азии и Казахстана. Грубо нарушая директивы НКВД СССР и прокуратуры СССР, а также указания НКВД ЯАССР, в Алданском районе сотрудниками НКВД была произведена сплошная облава (март 1938 г.) по аресту всех «восточников», обвинив их «в незаконном переходе границы», «вредительской деятельности на территории СССР» и шпионаже. Всего было арестовано около

2000 человек. Из этого числа в сентябре 1938 г. до 800 «восточников» были отправлены в лагеря, многие также были переселены в Среднюю Азию [Молодежь Якутии, 1993, 26 марта]. Такие меры «выселения» корейцев из Якутии проходили (хотя не массово) повсеместно. В результате этих мер корейское население лишилось не только прежнего компактного расселения, но и самых элементарных прав выбора места жительства и свободного передвижения по стране.

«Самым тяжелым последствием репрессивной политики Сталина явилась постепенная национально-культурная деградация нескольких поколений советских корейцев, – отмечает профессор М.Н. Пак. – утративших свой язык, культуру и традиции» [Пак, 1991, с. 186]. В настоящее время подавляющее большинство корейцев не владеет родным языком, не приобщается к национальной культуре и литературе.

Перестройка дала толчок к национальному пробуждению всех корейцев, населяющих Россию, о чем свидетельствует появление в стране многочисленных культурных центров, национальных ассоциаций, землячеств, общин и т.д. По переписи 1989 г., в Советском Союзе насчитывалось около 439 тыс. корейцев [Бугай, 1994, с. 141]. В настоящее время, движение за национальное возрождение корейской диаспоры находится в самой начальной стадии, но оно развивается, принимает новые формы.

В наши дни, когда иноэтнические группы составляют значительную часть населения Республики Саха Якутия, когда создаются национальные общины, которые всемерно прилагают свои усилия к восстановлению и сохранению своей национальной самобытности, изучение их этнической истории является актуальным и выдвигается сегодня на передний план. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., на территории Якутии проживало 1498 корейцев. Все они мирно живут и трудятся в многонациональной Республике Саха (Якутия). Отрадно отметить, что в настоящее время с развитием экономического и культурного сотрудничества Якутии с Кореей, мы можем ожидать новых перспектив в отношениях двух суверенных стран.

-----//-----

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные

Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 5459, оп. 6, д. 26.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1, оп. 1, д. 138, 142.

Архив Якутского научного центра СО РАН (Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 5, оп. 1, д. 519.

Национальный архив РС(Я) (НА РС(Я)). Ф.П-1, оп. 1, д. 202, 216, 528; ф.П-2, оп. 1, д. 122а, 178, 186, 202, 230, 251, 267, 281, 282, 332, 592, 593, 632, 765, 774, 882, 952, ф.П-3, оп. 3, д. 90, 116, 1419; оп. 20, д. 4а; ф.Р-50, оп. 1, д. 645, 4576, 4595, 4588, 4618, 4621; ф.Р-54, оп. 1, д. 50, 452, 460, 462, 465, 485; ф.Р-55, оп. 9, д. 87; ф.Р-61, оп. 1, д. 83; ф.Р-62, оп. 3, д. 68; ф.Р-94, оп. 1, д. 63, 151; ф.Р-176, оп. 1, д. 54; ф.Р-183, оп. 1, д. 2; ф.Р-190, оп. 1, д. 15, 124, 132, 134; ф.Р-206, оп. 1, д. 72; ф.Р-208, оп. 1, д. 83; 361; ф.Р-213, оп. 1, д. 29; ф.Р-216, оп. 1, д. 305, 306, 307; ф.Р-248, оп. 2, 411, 418, 422, 859, 944, 952, 1011; ф.Р-521, оп. 1, д. 12, 106; ф.Р-950, оп. 1, д. 54, 59, 143, 461, 463, 465; ф.Р-2970, оп. 29, д. 88.

Опубликованные

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии: сб. документов и материалов / Сост. Т.П. Коржихина, В.Н. Чемезов, И.Н. Семенов и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – Ч. 2, кн. 1. – 408 с.

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии: сб. документов и материалов / Сост. В.Н. Чемезов, И.Н. Семенов, Л.Т. Иванова и др. – Якутск: Кн. изд-во, 1962. – Ч. 2, кн. 2. – 393 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XXIV, отдел 1. – М., 1930. – 259 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. / РАН. Научный совет по исторической демографии и исторической географии. Ин-т Рос. истории. Управление статистики населения госкомстата. – М: Наука, 1992. – 256 с.

Периодическая печать

Алданский рабочий, 1929 – 13 января, 9 июня, 17 июля, 6 сентября; 1930 – 12 января, 30 марта, 14 апреля, 16 мая, 6 июня, 27 июля, 16 сентября, 24 сентября, 15 октября, 29 ноября, 3 декабря; 1931 – 31 октября, 18 ноября, 19 ноября; 1974 – 11 июня.

Аммосов М.К. Алданские прииски – рынок сбыта для Якутии // Автономная Якутия. – 1925. – 25 дек.

Корейцы на территории Дальневосточной окраины РСФСР // Жизнь национальностей: Ежем. ж-л по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР. Книга вторая. – 1923. – С. 131 – 135.

Красное Знамя, 1932, 5 ноября.

Крестьянин. Против разведения мака // Автономная Якутия. – 1929. – №211 (2072). – 14 сентября. – С. 4.

Ленский коммунар, 1921 – 28 апреля; 1922 – 13 июня.

Молодежь Якутии, 1993, 26 марта.

Огородников-националов в Якутск // Алданский рабочий. – 1930. – №263.

Пестун Е.Г. Алданские прииски // По заветам Ильича. – 1925 – №2. – С. 26 – 32.

Пестун Е.Г. Беспартийные и националы в Советах ЯАССР // По заветам Ильича. – 1925. – №5. – С. 7.

Пожелающий. Корейцев-табаководов нужно поддержать // Автономная Якутия. – 1929. – №57 (19118) – 10 марта. – С. 4.

Работа среди националов // Алданский рабочий. – 1929. – 31 июля.

Литература

Алексеев Е.Е. По пути полного укрепления власти самих трудящихся. – Якутск: Кн. изд-во, 1970. – 276 с.

Бабичев И.И. Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. – Ташкент: Госиздат УзССР, 1959. – 83 с.: илл.

Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921 – 1925 гг. – Якутск: Бичик, 1996. – 328 с.

Бенуа К.А. Предварительный отчет по фитопатологическому и микологическому обследованию Якутского округа в 1926 // Якутская экспедиция Академии наук СССР. Краткие отчеты о работах отрядов якутской экспедиции Академии наук СССР 1925-1926 гг. (АН СССР. Материалы комиссии по изучению ЯАССР. Вып.10) – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. – С. 219 – 235.

Бенуа К.А. Огородничество Якутии // Материалы по изучению сельского хозяйства Якутского округа по данным Агрономического отряда Якутской экспедиции Академии Наук СССР 1926 г. (Материалы Комиссии по изучению ЯАССР. Вып. 29). – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. – С. 283 – 333.

Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 141 – 148.

Вавилов Н.И. Проблемы северного земледелия // Труды ноябрьской сессии АН СССР. – Л., 1930. – С. 29 – 57.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. – М.: Сов. энциклопедия, – 1977. – 712 с.

Великий Октябрь и образование СССР в современной идеологической борьбе. Сб. статей. – Фрунзе: Илим, 1984. – 295 с.

Гоголев З.В. Из истории Алданского промышленного района (1923 – 1934 гг.). // Докл. на V и VI научных сессиях Якутского филиала АН СССР История и филология. – Якутск, 1954. – С. 44 – 61.

Гоголев З.В. Рабочие Алдана в борьбе за развитие золотой промышленности в первой пятилетке // Сборник статей по истории Якутии советского периода. – Якутск, 1955. – С. 56 – 71.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 – июнь 1941 гг.). – Новосибирск, 1972. – 258 с.

Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906 – 1917 гг. – Томск, 1965. – 608 с.

Данилова Л. Якутская еврейская община // Илин. – 1992. – С. 18 – 26.

Жирков А.Н. Развитие земледелия в Советской Якутии (1917 – 1980 гг.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Иркутск, 1987. – 22 с.

Жихарев Н.А. Очерки истории северо-востока РСФСР. (1917 – 1953 гг.). – Магадан, 1961 – 254 с.

За власть Советов в Якутии. Биографический сборник борцов, погибших в 1918 – 1925 гг. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1958. – 230 с.

Захаренко Н.Н. Алдан (экономический очерк). – Якутск: Кн. изд-во, 1927. – 47 с.

Иванов Н.Г. Представители корейского народа в годы Гражданской войны в Якутии (1918 – 1923 гг.) // Саха – Южно-Корейский международный симпозиум по истории и этнокультуре: (г. Якутск, 26 июля 1993 г.): информ. бюл. = Sakha – South-Korean International Symposium on History and Ethnoculture: (Yakutsk, July 26, 1993): inform. bul. / М-во культуры Респ. Саха (Якутия) [и др.]. – Якутск: [б. и.], 1993. – 16 с.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. – 144 с.

Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики / Ред. коллегия; А.Я. Манусевич (отв. ред.) Т.2. – М.: Наука, 1971. – 287 с.: илл.

История Якутской АССР. Т.3: Советская Якутия / Ред. кол.: В.Н. Антипин и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 364 с.

Ким Сын Хва. Очерки по истории советских корейцев [Текст] / Акад. наук КазССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 251 с.

Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918 – 1922) [Текст] / [Авт. вступ. статьи В.К. Пак, Ф.И. Шабшина]. – М.: Наука, 1979. – 144 с., 2 л. ил.

Ковлеков С.И. Профсоюзы советской Якутии (1917 – 1937 гг.) – Якутск: Кн. изд-во, 1983. – 164 с.

Колесов Г.Г. Сельское хозяйство Якутии: итоги, задачи, перспективы. – Якутск, 1932. – 199 с.

Косвен М.О. Якутская республика. – М.; Л., 1925. – 159 с.

Куликова Л.К., Маслова А.Н. Дальний Восток в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917 – 1922 гг.): указатель литературы / Л.К. Куликова, А.Н. Маслова; Хабаровская краевая научная библиотека, Зональное объединение библиотек Дальнего Востока. – Хабаровск: [б. и.], 1968. – 287 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений: [в 55 т.] / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Изд. 5-е – М.: Политиздат, 1971 – 1975. Т.24: сентябрь 1913 – март 1914, 1973. XXVIII, 567 с.: ил.

Ли Квангю (Сеул). Корейская диаспора в мировом контексте // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3. – С. 27 – 39.

Макаров Г.Г. Образование Якутской АССР. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1957. – 212 с.

Макаров Г.Г. Северо-Восток РСФСР в годы военной интервенции и Гражданской войны и переход к новой экономической политике (1918 – 1921 гг.) – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 304 с.

Макаров Г.Г. Северо-восток России (Якутия, Охотское побережье и Чукотка) в 1921 – 1922 гг. – Якутск: Бичик, 1996. – 336 с.

Матвеев И. У истоков вечной дружбы. [О братской помощи зарубежных рабочих в годы воен. интервенции и гражд. войны в Сибири в 1918 – 1920 гг.]. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. – 148 с.: ил., портр.

Местникова М.В. Золотопромышленный Алдан // Сб. научн. статей / Якутский респ. краеведческий музей им. Ем. Ярославского. Вып. 1. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1955. – С. 43 – 83.

Мухачев Б.И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на северо-востоке СССР. (1917 – 1920 гг.) – Новосибирск: Наука, 1975. – 201 с.

Новгородов А.И. Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1969. – 400 с.

Пак В.Д. Россия и Корея. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

Пак М.Н. Об исторических судьбах советских корейцев // Проблемы Дальнего Востока. – №5. – 1991. – С. 184 – 188.

Персиц М.А. Восточные Интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 – июль 1920 гг.) // Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в нац.-освоб. движении: Сборник статей. – М.: Наука, 1969. – С. 53 – 109.

Петров П.П. Этнодемографический и этносоциальный состав населения Якутска (1917 – 1945 гг.) // Национальная политика в регионе (по материалам Республики Саха (Якутия)) / Сб. науч. трудов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 4 – 14.

Петрова Т.П. Нацменьшинства в Якутии (1920 – 1930 гг.) // Национальная политика в регионе (по материалам Республики Саха (Якутия)) / Сб. научн. трудов. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. – С. 14 – 22.

Разгон И.М., Флеров В.С., Хаскина С.Ш. К истории боевого содружества с трудящимися корейцами в борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке (1919 – 1922 гг.) // Труды ЦГА РСФСР – М., 1960. – С. 310 – 319.

Санников В.Н. Земледелие в советской Якутии (1917 – 1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. / В.Н. Санников; АН СССР. Сиб. Отд-ние. Якут. Ин-т яз., лит. и истории. – Якутск, 1990. – 17 с.

Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. – Иркутск: Изд. Якут. статуправления, 1925. – Вып. 1-2. – 99 с.

Сыроватский А.Д. Становление Якутской организации комсомола. (1920 – 1925 гг.) / А.Д. Сыроватский; [отв. ред. д. ист. н., проф. Г.П. Башарин]. – Якутск: Кн. изд-во, 1974. – 255 с.

Сущенко И.В. Утро золотого Алдана / И.В. Сущенко; под редакцией А.Т. Тимшина; [предисловие К.В. Воробьев]. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 175 с.

Фетисов А.П. Охотская прелюдия: Рассказ историка о подвиге коммунаров Сев. Побережья. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. – 96 с.: ил.

Халдеев В.Д. Крестьянское хозяйство Якутии в войне и революции. – М.: Тип. М.К.Х., 1924. – 19 с.

Хан С.А. Участие корейцев в гражданской войне на русском Дальнем Востоке // Корея. История и экономика. – М., 1958. – С. 52 – 56.

Хан С.А. Корейские партизаны в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.) // Военно-исторический журнал. – 1963. – №5. – С. 109 – 114.

Хаскина С.Ш. Документы об участии корейских трудящихся в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке // Труды ЦГА РСФСР. – М., 1960. – С. 65 – 72;

Хатылаев М.М. Золотопромышленность Якутии (1923 – 1937 гг.) – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 212 с.

Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921 – 1927. [предисл. К. Иванова]; АН СССР. – М.: Наука, 1968. – 327 с.

Цыпкин С.А. Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на советском Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.) // Вопросы истории. – 1957. – №11. – С. 171 – 185.

Чемезов В.Н. Строд. – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 232 с.

Шахов А.А. Земледелие Якутии и вопросы его реконструкции // Природные ресурсы Южной Якутии в связи с реконструкцией сельского хозяйства. – М.-Л., 1933. – С. 48 – 79.

Шелехова Р.В. Борьба за советскую власть на севере Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 208 с.

Щербаков Ю.Н. Историография движения зарубежных интернационалистов в стране Советов // Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России 1917 – 1920 гг. / отв. ред. д.и.н. А.Я Манусевич; АН СССР; Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1987. – С. 7 – 29.

Юн Н. Борьба интернационалистов за Советскую власть на Дальнем Востоке // Краеведческие записки. – Вып. 6. – Магадан, 1966. – С. 56 – 75.

Bishop Isabella V. Korea and her neighbors: A narrative of travel, with an account of the recent vicissitudes and present position of the country (Об освоении корейскими эмигрантами России) / by Mrs bishop (Isabella L. Bird); with a preface by Sir Walter C. Hillier... – London: Murray, 1898. – (Корея и ее соседи: рассказ о путешествии) 1. – 1898. – XVII, [3], 261 с., [6]л., ил., карт: ил.; 2. – 1898. – VII, [2], 321 с., [11] л. ил., карт.

-----//-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отчет о сдаче 50% полученного урожая табака, на основании постановления
Продотдела от 10 мая 1920 г., рабочими корейцами, проживающими в
с. Павловск в Губсоюз «Холбос» от 31 октября 1920 г.

Настоящим приславшаго сведение отчет табак, производства урожая 1920 г. Общ. количество 359 п. 16 фунт. Из этого доставленный 179 п. 28 фун. Губсоюз «Холбос». У нас остались табак 179 п. 28 фунт. Который табак сдали Холбос по цене по 15 рублей фунт получил окончательный счет. Прошу Вас, выдать охранный свидетельство по каждому владельцу сдельности охранные свидетельства.

	сдали «Холбосу»		Оставили себе	
	пуд	фунт	пуд	фунт
1. Пак-Юн-Себи	4	13	4	13
2. Ни-Хо-Пе	4	14	4	14
3. Е.А. Васильев	4	13	4	13
4. С.П. Хон-Гун. Се-Ги	2	24	2	24
5. Цой-Та-Дю-Ни	4	8	4	8
6. Пак-Мен-Шю	4	8	4	8
7. Юн-Ин-Му-Ни	4	8	4	8
8. Хо-Чу-Ча-Ни	4	8	4	8
9. Ни-Кин-Се-Ри	10	32	10	32
10. Чое-Ен-Ми	10	32	10	32
11. Пак-Хо-Ре	10	32	10	32
12. Ю-Ни-Сен-Па-Ри	10	32	10	32
13. Цой-Пен-Ха-Ги	4	39	4	39
14. Ни-Вен-Шю-Ни	4	39	4	39
15. Мун-Чен-Му-Ни	4	39	4	39
16. Ким-Са-Во-Ин	4	39	4	39
17. Ким-Чи-Хо	4	7	4	7
18. Ни-Вон-Пя-Чи	4	10½	4	10½
19. Тен-Чен Хо	4	6	4	6
20. Дюн-Се-Ви	4	22	4	22
21. Ун-Юн-Шен-Чи-Ри	4	22	4	22
22. Гун-Се-Ви	4	22	4	22
23. Цой-Хи-Се-Ви	2	38	2	38
24. Феодор Чан-Сен	2	37	2	37
25. Сон-Сук-Хва-Ни	2	38	2	38
26. Ким-Дон-Чу-Ни	2	37	2	37
27. Кан-Чи-Бой	3	2½	3	2½
28. Пак-Ма-Не-Ви	3	20	3	20
29. Де-Длон-Се-Ни	7	14	7	14
30. Ким-Чу-Хе-Ни	7	14	7	14
31. И. Петров	7	6	7	6
32. Ким-Ен-Хо	1	39	1	39
33. Дюн-Чи-Чи	4	–	4	–
34. Шин-Со-Ше	4	1	4	1
35. Пак-Чун-Се-би	5	20	5	20
36. Чен-Чун-Ше	2	9	2	9
Итого:	179	28	179	28

31 октября 1920 г. Пак-Юн-Себи

НА РС(Я), ф.Р.-248, оп. 2, д. 944, л. 33.

Состав I экспедиционного отряда Охотского направления

апрель 1921 г.

1. Сивцев Александр	командир отряда
2. Альперович Лев	политком
3. Токарев	уполномоченный Чека
4. Польшгалов Иван Петрович	почтовик
5. Пимонов Ф.Т.	почтовик
6. Польшгалова С.	сестра милосердия
7. Кетов Андрей	
8. Драгунский Фона	
9. Анкер – Кугель	
10. Худяков Степан	
11. Фролов	
12. Волошин	
13. Ни Ун Шени	
14. Чен Ха Чани	
15. Пак Ин Чун	
16. Мун Линей	
17. Н-Муэй	
18. Ни Юн Зин	
19. Ким Па Не	
20. Де Юн Той	

НА РС(Я), ф.П-1, оп.1, д.202, л.9.

25 апреля 1921 г.

Приказ
о заключении договора с корейцами о посеве огородных культур

С гражданами корейцами Продкомом заключены договора по посеву картофеля, конопли и табаку, половина урожая которых поступает в распоряжение Продкома и составит семейный фонд для местного населения к посеву в 1922 г. Помимо этого, огородничество в умелых руках послужит показательным опытом для местного населения, к чему само население должно отнестись сочувственно и попытаться научиться этим ценным для быта и несложным по обработке культурам.

Всем властям на местах, особенно волостным и наслежным ревкомам предписывается оказывать полное содействие огородникам – корейцам, как в подыскании удобных земель, так и в оборудовании огородов инвентарем и живой силой. Виновные в невыполнении сего, как люди, препятствующие восстановлению и обновлению хозяйства, будут предаваться суду.

Зам. предгубревкома
Райпродкомиссар

Зайцев.
Андреевич.

Ленский коммунар. – 1921. – 28 апреля.

Список членов комячейки корейской секции при Губбюро РКП(б)*

22 ноября 1921 г.

1. Гольдштейн Ар.[сений] Леонт.[ьевич] – еврей, в партии с июля 1920 г.
2. Ким лен Чуни – кореец, с февраля 1921 г., сотрудник Губчека
3. Пак Мая Бок – сотр. Чека, с февр. 1921 г.
4. Хо То Гири
5. Ким Сен Чени
6. Ким Сек Хени
7. Чен Кеп Ини
8. Юн Гиро
9. Уй Хао Ни
10. Чан-секат
11. Ким Чун Сеги
12. Чай Чэм Чен
13. Хо - ниро
14. Тен Се Гони
15. Пак Чан Гиро
16. И-Юн Кичи
17. И-Пом-июн
18. Чен-ен-суп
19. Ю-ен- Ун
20. Хон Кым Сиги
21. Хап Ун Ах
22. И-ен Поги
23. И-шени
24. Ким Ун Чен – Дом. хоз.
25. Ким Ю Мей – секретарь

НА РС(Я), ф.П.-2, оп.1. д.592, л.7.

---

*Все они являлись сотрудниками Чека.

Устав огородных артелей

1.

Огородной артелью считается объединение трудящихся, желающих коллективно заняться разведением огородных культур, как для целей массового производства, так и для потребления своих целей.

2.

Количество членов артели должно быть не менее 4-х трудоспособных лиц.

3.

Членами артели могут быть все граждане без различия пола, национальности, подданства и профессии, достигшие 18-летнего возраста.

4.

Прием членов и исключение из артели производится по постановлению общего собрания артели. Вступивший в артель по своему усмотрению отдает часть своего хозяйства и мертвого инвентаря в распоряжение артели для общего пользования.

5.

Каждый член артели по желанию может выбыть, взяв внесенный им инвентарь по окончании сезонных работ; причем он обязан уплатить артели все причитающиеся с него расходы.

6.

Артель управляется общим собранием ее членов, исполнительным органом которого является избранный им староста или его заместитель, сроком на 6 месяцев.

7.

Собрание считается законченным при наличии 2/3 всех членов артели, и все дела решаются простым большинством голосов. Важнейшие постановления общих собраний, касающиеся внутрихозяйственной организации и расчетов – записываются и скрепляются подписями.

8.

Староста артели ответственен в своих действиях перед общим собранием артели и учреждениями республики, ведет сношения от имени артели с органами советской власти и другими организациями и лицами, вступает по уполномочию общего собрания в договорные отношения.

9.

Староста артели ведет учет всех средств, находящихся в пользовании артели, распределяет между членами текущую работу и согласно воле общего собрания распределяет продукты.

10.

На время посадки и уборки огородов, наемный труд в артели под контролем местных органов рев. власти разрешается.

11.

Распределение урожая, полученного от артельного огорода производится сообразно затраченному каждым из членов труду. Распределению подлежит остаток продуктов по уплате Госналога и других натуральных налогов, а также по выплате всех обязательных налогов и займов, заключенных как с госучреждениями, также и частными лицами.

12.

После распределения каждый член артели распоряжается своими продуктами по своему усмотрению.

13.

По истечении календарного огородно-хозяйственного сезона артель может прекратить свое существование по постановлению общего собрания.

14.

При ликвидации артели земля поступает в распоряжение земорганов, если была отведена последним, а имущество, приобретенное за счет артели, распределяется между членами сообразно затраченному труду и вложенных материальных средств и ценностей.

15.

Артель подлежит регистрации и контролю Земельных органов, которым дается общее руководство, ведется подробный учет посадки разных огородных культур.

16.

Общему собранию артели предоставляется право внести дополнительные пункты к сему уставу и представить на утверждение земорганов.

НА РС(Я), ф.Р.-54, оп. 1, д. 465, л. 3.

Список членов комячейки корейской секции при Губбюро
РКП(б), прошедших перерегистрацию

23 января 1922 г.

1. Хо То Гири
2. Ким Ю Мей
3. Хо Фри
4. Чен Ги Мери
5. И По Мени
6. Тен Кен Чени
7. Цой Чон Зони
8. Ким Сек Хени
9. И Юнгы Чи
10. И Хен Поки
11. Хон Гым Сыгы
12. Пак Чан Гири
13. Тен Сек Вани
14. Юн Гиро
15. Ким Дон Секи
16. Хан Ун Хаки
17. И Ки Ени
18. Ким Сен Чени
19. Тян Еон Суни
20. Ю Сон Уни
21. Вы Ха Вони
22. Ким Ун Кени
23. Тян Сек Каки
24. Ким Хени Гыни
25. Пак Ман Поки
26. Пак Се Чуни
27. Ча Чен Нен
28. Чон Тек Ени
29. Пак Хоа Се
30. Ан Сен До
31. Пек Сун Гири

НА РС(Я), ф.П-2, оп. 1, д. 882, л. 4.

Список корейцев Виллойского района

27 мая 1932 г.

1. Чжан-Чжен-Июм
2. Люн-де
3. Ким-Фа-Чуни
4. Ким-Ни-Уни
5. Ким-Да-Ро
6. Ким-Нак-Сони
7. Ким-Ин-Сий
8. Ким-Чо-Ни
9. Ким-Ин-Вани
10. Чой-Но-Ни
11. Сон-Чей-Ени
12. Хони-Шо-Но
13. Хан-Сун-Нуни
14. Ким-Неу-Ни
15. И-Ин-Ней
16. И-Сах-Ми
17. Чо-И-Сынь
18. Чо-Ин-Сын
19. Ха-Ик-Суни
20. Ким-Хо-Иди
21. Чан-Шаны

НА РС(Я), ф.Р-50, оп. 1, д. 4621, л. 29.

Из сведений о состоянии рабочей силы по Якуттресту «Якутзолото»
по состоянию на 1 октября 1932 г.

Национальности	Служащих	Рабочих, в т.ч.	Всего	Примечание
Австрийцы	–	1	1	Сведения о национальности по неполным данным
Башкиры	2	12	14	
Буряты	1	11	12	
Белорусы	24	236	260	
Евреи	42	10	52	
Зыряне	–	1	1	
Итальянцы	–	1	1	
Китайцы	28	1046	1074	
Корейцы	43	132	175	
Лагыши	6	8	14	
Мордвы	–	8	8	
Немцы	3	3	6	
Литовцы	–	1	1	
Кареллы	1	–	1	
Осетины	2	2	4	
Остяки	–	4	4	
Поляки	16	29	45	
Русские	2510	11519	14029	
Татары	14	465	479	
Украинцы	34	230	264	
Финны	–	3	3	
Чехи	1	3	4	
Черемисы	1	–	1	
Чухонцы	1	–	1	
Чуваши	3	17	20	
Эстонцы	1	4	5	
Японцы		1	1	
Якуты	50	556	606	
Всего по тресту:	2783	14303	17086	

Начальник С.У.О. «Якутзолото»
Зав.Опер.Отчетн. группой
СУО «Якутзолото»
Ст. статистик

(Попов)

(В.Волдырев)
(Ф. Бармин)

НА РС(Я), ф.Р-521, оп. 1, д. 106, л. 24.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ан Дохан Ги – кореец, член огородной артели «Лонг Занг».
- Ан Ке Хва – кореец, член корейской профсекции.
- Ан Сен До – кореец, коммунист, член корсекции.
- Ан Шек Дюни – кореец, служащий Олекминского уземотдела.
- Вы Хва Вони – кореец, коммунист, боец ЧОН.
- Ден Кым Пени (Яныгин Андрей Иванович) – староста огородной артели «Нонхое».
- Део Мун При – кореец, член огородной артели «Корейская» с. Маган.
- Део Ян ени – кореец, член артели «Корейская».
- Де Юн Той – кореец, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда.
- И-вон Пеки – кореец, член корейской профсекции.
- И-гын Сири – кореец, боец ЧОН.
- И-ден Нери – корейка, член артели «Труд».
- И-ен Поги – кореец, член корейской комячейки.
- И-е-он-у – кореец, рабочий больницы.
- И Кван Хени – кореец, член артели «Труд».
- И-ке Ени – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Ин-Ин Са – кореец, рабочий больницы.
- Ин Те Нири – корейка, рабочая отдела заготовок продкома.
- Ин Тянь Унь Ха – кореец, караульный овощного склада Заготконторы.
- И Пом Ени – кореец, коммунист, переводчик, член корейской Комячейки.
- И Пом Июнь – кореец, член корейской комячейки.
- И-ун Сени – кореец, член бюро корейской комячейки.
- И Хен Поки – кореец, член корейской комячейки.
- И Хо-е – кореец, член огородной артели «Нонхое».
- И Хян Ноги – кореец, член корейской комячейки.
- И-Шени – кореец, член корейской комячейки.
- И-юн Дяй – кореец, староста огородной артели «Труд».
- Июн Зи – кореец, красноармеец караульного батальона.
- И Юн Кичи – кореец, член корейской комячейки.
- Кан-ке-са-ми – кореец, сторож больницы.
- Кан Мен Хо – кореец, член корейского профсоюза в Олекминском уезде.
- Кван Ени – кореец, член огородной артели «Нонхое».
- Кен-у-ни – кореец, огородник.
- Ким Ден Куни – кореец, боец 1-й роты батальона ЧОН.
- Ким Дюн Секи – кореец, член корейской комячейки.
- Ким Дя Юни – кореец, член огородной артели.
- Ким Ин Хва – кореец, член огородной артели.
- Ким Ин Хо – кореец, коммунист, член комиссии по улучшению быта корейских рабочих.

- Ким Кен Сени – кореец, член корейской комячейки.
Ким Кино Тимофей – член артели «Булуук», ударник труда.
Ким Марк – член партии с 1925 г., сотрудник судебных органов.
Ким Мен Ха – кореец, содержатель притона.
Ким-Нан-Гы – кореец, рабочий прииска «Дежкондинский».
Ким Эн-Бе – кореец, член Алданского окрисполкома.
Ким Па Не – кореец, коммунист, рабочий Охотских золотых приисков, боец Юго – Охотского экспедиционного отряда. Погиб в ноябре 1921 г.
Ким Пу При – кореец, обозный военного лазарета.
Ким Сек Хени – кореец, член корейской комячейки.
Ким Сен Гуни – кореец, боец 1-го батальона 444 стрелкового полка.
Ким Сен Чени – кореец, член корейской комячейки.
Ким Те Е – кореец, член корейской комячейки.
Ким Ту Хвани – кореец, член артели «Корейская».
Ким Уп Чен – кореец, член корейской комячейки.
Ким Ха Они – кореец, боец батальона ЧОН.
Ким Хен Гыни – кореец, член корейской комячейки.
Ким Хен У ни – кореец, коммунист, рабочий Охотских золотых приисков, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда. Погиб в ноябре 1921 г.
Ким Хен Чуни – кореец, коммунист, сотрудник Губчека.
Ким Хин Кени – кореец, боец 2-й роты 1-го батальона ЧОН.
Ким Чен Себи – кореец, член огородной артели «Труд».
Ким Че У ни (Василий) – кореец, рабочий областной больницы.
Ким Чун Сеги – кореец, член корейской комячейки.
Ким Як Юни – кореец, член огородной артели.
Ким Ю Мей (Ким Михаил Иннокентьевич) – кореец, коммунист, почтово-телеграфный служащий, секретарь корейской секции при Губбюро РКП(б), боец ЧОН.
Кинь Дэ Янь – кореец, член корейской артели «Лонг-Занг».
Кинь Ти Но – корейка, член корейской артели «Лонг-Занг».
Ли Пом Ней – кореец, сотрудник милиции, член комиссии по делам национальностей при Президиуме ЯЦИК, секретарь корейской секции.
Лиу Бао Хо – кореец, член артели табаководов.
Лиу Фа – кореец, водовоз Горсовета.
Ли Хан Чен (Иннокентий Владимирович) – кореец, коммунист, переводчик, председатель Олекминской корсекции, инструктор по Работе среди корейцев.
Ли Шин – кореец, председатель ЦК корейской коммунистической организации.
Ма Чен Шу – кореец, занимался огородничеством в д. Амга.
Мин Ин Шо – кореец, занимался огородничеством в д. Маган.
Мин Ха Си – кореец, рабочий из Витима.
Мо Бау Хо – кореец, рабочий Горсовета.
Мун Ли Ней – кореец, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда.
Нигай – кореец, переводчик.

- Ни Хан Си – кореец, сотрудник Олекминского увоенкомата.
- Ни Ун Шени – кореец, коммунист, рабочий Охотских золотых приисков, секретарь корейской секции при Губбюро РКП(б), боец 1-го Охотского экспедиционного отряда, погиб при отступлении в г. Якутск в ноябре 1921 г.
- Ни Юн Зин – кореец, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда.
- Н Муэй – кореец, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда.
- О-ио Пеги – кореец, член огородной артели «Лонг-Занг».
- Он Ни Дю Ни – кореец, водовоз больницы.
- О Хен Сори – кореец, помощник повара в гарнизонном приемном покое.
- О Ци Зани – кореец, рабочий гарнизонного приемного покоя.
- Пак Вын Сыч – кореец, член огородной артели.
- Пак Ин Чун – кореец, боец 1-го Охотского экспедиционного отряда.
- Пак Ен Ли – кореец, кандидат в члены Алданского окрисполкома.
- Пак Кин Сики – кореец, член корейской трудовой артели.
- Пак Кун Сик – кореец, чернорабочий, член огородной артели «Лонг Занг».
- Пак Мае Сики – кореец, обозный военлазарета.
- Пак Се Чуни – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Пак То Хни – кореец, член корейской трудовой артели.
- Пак Тэ Он – кореец, член огородной артели «Лонг-Занг».
- Пак Ун Чун – кореец, боец 2-й роты 1-го батальона 444 полка.
- Пак У Сами – кореец, член огородной артели «Корейская».
- Пак Хао Се – кореец, коммунист, рабочий Охотских золотых приисков, боец Губчека, убит 10 июня 1922 г.
- Пак Чан Гири – кореец, коммунист, рабочий Охотских золотых приисков, партизан, боец Губчека, убит 10 июня 1922 г.
- Пак Ын Чени – кореец, член огородной артели «Корейская».
- Пан Се Чуни – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Па Юн Зин – кореец, красноармеец 2-й роты 1-го батальона 444 полка.
- Пек Сун Гири – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Пон Се – кореец японского подданства, член правления корейских огородников.
- Сим-и Семи – кореец, инструктор по табаководству.
- Тан Хи Сини – кореец, работник санчасти.
- Тен Ген Чени – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Тен Гым Еони – кореец, член корейской артели.
- Тен Кен Чен – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Тен Кен Юри – кореец, младший милиционер, боец 1-й роты батальона ЧОН член корейской комячейки.
- Тен Се Гони – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Тен Сек Вани – кореец, коммунист, член корейской комячейки.
- Тян Шен Дю – кореец, председатель артели «Ден-Дин».
- Тян Еон Суни – кореец, коммунист, член корейской комячейки, боец добровольческой дружины.

Цин Зу Ан (Николай Васильевич) – кореец, коммунист, рабочий строительства Колымской радиостанции, активный участник становления советской власти в Среднеколымске, милиционер, расстрелян в апреле 1922 г.

Цой Чен Сики – кореец, коммунист, продавец, магазина «Союззолото» на прииске Золотом.

Цой Чон Зони – кореец, коммунист, член корейской комячейки.

Цой Ху Бин – кореец, член Алданского окрисполкома.

Цой Ен Хо – кореец, член партии с 1924 г., служащий.

Чай Чем Чен – кореец, коммунист, член корейской комячейки.

Чан Ен Суни – кореец, боец 1-й роты батальона ЧОН.

Чан Се Качи – кореец, член корейской комячейки.

Ча Син Буги – кореец, инструктор по табаководству.

Ча Чен Нен – кореец, член корейской комячейки.

Чем Ким Юри – кореец, боец 1-й роты батальона ЧОН.

Чен Гим Нери – кореец, член корейской комячейки, организатор субботников.

Чен Ен Суп – кореец, член корейской комячейки.

Чен Ин Чен – кореец, член корейской комячейки.

Чен Кеп Ини – кореец, член корейской комячейки.

Чен Ха Чини – кореец, коммунист, рабочих Охотских золотых приисков, красноармеец 1-го Охотского экспедиционного отряда, погиб в ноябре 1921 г.

Чен Чен Юри (Петролыгин Василий Николаевич) – кореец, член корейской комячейки.

Чемоксон Василий – председатель артели «Булуук», красный партизан.

Че Та Цу – кореец, член огородной артели.

Че Ун Себи – кореец, конюх гарнизонного приемного покоя.

Чим Ар Нен – кореец, сторож гарнизонного приемного покоя.

Чин Кем Юри – кореец, коммунист, сотрудник ГПУ.

Чо-е Хо – кореец, член корейской секции.

Чой Тек Ени – кореец, член корейской комячейки.

Чой Хен Дэни – кореец, член огородной артели.

Чон До Уани – кореец, член огородной артели.

Чон Тек Ени – кореец, член корейской комячейки.

Чу Пек Су – кореец, член огородной артели.

Чю Юнь Би – кореец, сторож овощного склада.

Ю Ен Ун – кореец, член корейской комячейки.

Юн Гиро – кореец, член корейской комячейки.

Ян Сен То – кореец, боец батальона ЧОН.

Пак Ман Бок – кореец, коммунист, участник свержения колчаковщины в Охотске, сотрудник ЧКа, боец 1-го батальона 444 полка.

Пак Пий Май Боп – кореец, коммунист, боец 2-й роты 198 полка.

Тян Сек Каки – кореец, коммунист, член корейской комячейки.

Тя Он Кичи – кореец, член огородной артели.

Уй Ха Они – кореец, коммунист, член корейской комячейки.

Ун Ха Они – кореец, коммунист, красноармеец.

Хом Ким Сичи кореец, член партии с 1921 г., рабочий прииска «Незаметный».

Хам Ким Сиги – кореец, боец добровольческой дружины.

Хан Кен Муни – кореец, член огородной артели «Труд».

Хан Кин Син – кореец, коммунист, боец батальона ЧОН.

Хан Пион Куки – кореец, староста огородной артели «Труд», продинспектор Загототдела Продкома.

Хан Ун Хаги – кореец, коммунист, красноармеец 1-го Северного отряда.

Хап Ун Ах – кореец, коммунист, член корейской комячейки.

Хван Бон Су – кореец, член корейской секции.

Хей Гу Ни – кореец, член корейской комячейки.

Хон Гым Сиги – кореец, коммунист, боец добровольческой дружины.

Хо Ниро – кореец, член корейской комячейки.

Хон Ке Сени – кореец, член огородной артели.

Хон Хоа Сун – кореец, коммунист, член корсекции Губбюро.

Хо Пири – кореец, коммунист, член комиссии по улучшению быта корейских рабочих, боец добровольческой дружины.

Хо То Гири – кореец, коммунист, секретарь корейской комячейки, боец добровольческой дружины.

-----//-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ЯНЦ СО РАН Архив научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук

ВСВО Восточносибирский военный округ

ГАРФ Государственный архив Российской Федерации

ГАНО Государственный архив Новосибирской области

Губбюро РКП(б) Якутское губернское бюро РКП(б)

Губчека Губернская чрезвычайная комиссия

Каввзвод кавалерийский взвод

Карбат караульный батальон

Комвоорсилами ЯАССР Командующий вооруженными силами Якутской АССР

Корсекция Корейская секция Губбюро РКП(б)

Наркомнац Народный комиссариат по делам национальностей

МЛ ИС место лишения свободы

ПОАРМ 5 Политотдел 5-й Краснознаменной армии

Райбюро Якутское районное (областное) организационное бюро РКП(б)

Ревком революционный комитет

Сибнац Отдел по делам национальностей при Сибревкоме

НА РС(Я) Национальный архив Республики Саха (Якутия)

Центросовет Центральный военно-революционный совет Северо-Восточного партизанского фронта

ЧОН части особого назначения

Якнарревдот Якутский народно-революционный добровольческий отряд

ЯНЦ СО РАН Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

-----//-----

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Боякова С.И.</i> Предисловие	3
<i>Петров П.П.</i> Иванов Н.Г. – исследователь истории Гражданской войны в Якутии	5

ИВАНОВ Н.Г. КОРЕЙЦЫ В ЯКУТИИ (1917 – 1932)

Введение	11
Глава 1. Корейцы в первые годы советской власти и Гражданской войне в Якутии	
1.1. Появление корейцев в Якутии	20
1.2. Корейцы в годы Гражданской войны	28
Глава 2. Корейцы в годы восстановления и укрепления народного хозяйства Якутии	
2.1. Участие корейцев в освоении золотого Алдана	51
2.2. Корейцы – распространители огородничества и технических культур в Якутии	62
Заключение	75
Список источников и литературы	78
Приложения	83
Именной указатель	93
Список сокращений	98

Научное издание

Иванов Николай Гаврильевич

КОРЕЙЦЫ В ЯКУТИИ (1917 – 1932)

Монография

Составители:

*Боякова Сардана Ильинична,
Максимова Татьяна Прокопьевна, Рунев Андрей Олегович*

[Электронный ресурс]

Компьютерная верстка: Степанова А.Н.

Дизайн обложки: Борисов В.Т.

Подписано в печать 24.11.2022. Формат 70x100^{1/16}. Усл.п.л.6,25. Уч.изд.л. 7,5.

Издатель:

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук - обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Федерального исследовательского центра

«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: +7(411)236-14-49

Е-mail: inip@ysn.ru

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Иванов Николай Гаврильевич
(26.11.1947 – 18.11.2004)

Якутский ученый–историк в области политической и социально-экономической истории, углублённо занимался историей Гражданской войны в Якутии. Один из составителей сборников документов «За советскую власть и Якутии» (Якутск, 1980) и «Промышленность и рабочий класс Якутской АССР» (Якутск, 1987). Подготовил ряд отчетов НИР «Крестьянство Якутии в годы Гражданской войны», «Участие зарубежных интернационалистов в борьбе с контрреволюцией в Якутии», «Партизанские отряды в борьбе за власть советов в Якутии (1918–1923 гг.)», «Корейцы в Якутии. 1917–1932». Автор ряда статей в «Энциклопедии Якутии. Т. 1» (М., 2000).

